

Кто Вы, госпожа Чайковская?

К вопросу о судьбе
царской дочери
Анастасии Романовой:
архивные документы
1920-х годов

Кто Вы, госпожа Чайковская?

К вопросу о судьбе царской дочери Анастасии
Романовой: архивные документы 1920-х годов

ББК 63.3(2)53
К 876

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН

К 876 **Кто Вы, госпожа Чайковская?** К вопросу о судьбе царской дочери Анастасии Романовой: архивные документы 1920-х годов. / рук. проекта В. В. Алексеев, сост. Г. Н. Шумкин. – Екатеринбург: Издательство Баско, 2014. – 252 с.; ил.

Руководитель проекта
академик РАН В. В. Алексеев

Составитель
кандидат исторических наук Г. Н. Шумкин

Рецензенты:
доктор исторических наук В. Д. Камынин,
кандидат исторических наук Е. Ю. Рукосуев.

Впервые публикуется комплекс архивных документов об Анастасии Чайковской, претендовавшей на роль царской дочери – Великой княжны Анастасии Николаевны: заключения врачей, свидетельства приближенных к семье, мнения членов Дома Романовых.

Данное издание адресовано историкам и всем неравнодушным к прошлому России.

ISBN 978-5-91356-248-7

© Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН, 2014
© Алексеев В. В., 2014
© Шумкин Г. Н., 2014
© ООО «Издательство Баско», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ДОКУМЕНТЫ.....	17
«Идентичность "больной" с Великой княжной вполне возможна и даже вероятна».....	17
Заключения врачей.....	51
Свидетельства приближенных к царской семье.....	80
Мнения членов Дома Романовых.....	126
На пути в Европу.....	159
Материалы справочного характера.....	175
ПЕРЕЧЕНЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ.....	182
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	185
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	214
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	218
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	219

Великая княжна Анастасия. 1912 год

ПРЕДИСЛОВИЕ

Без малого столетие в мировой научной и публицистической литературе ведутся дискуссии о судьбе семьи последнего российского императора Николая II. Они то накаляются, то остывают, извергая клубы версий, одна экзотичней другой. Проанализировать все в кратком предисловии невозможно. Очертим лишь основные аспекты темы для того, чтобы читателям было легче ориентироваться в проблемах, рассматриваемых в данной книге.

В марте 1917 года царь Николай II отрекся от престола за себя и за сына Алексея. Сначала вместе с семьей он находился в Царском Селе под Петроградом, а в августе вся семья была перевезена в Тобольск. 30 апреля 1918 года комиссар А. Яковлев доставил царя, царицу и их дочь Марию в Екатеринбург, в 20-х числах мая к ним присоединились дочери Ольга, Татьяна, Анастасия и сын Алексей со слугами. По официальной версии в ночь с 16 на 17 июля вся семья была расстреляна в подвале дома инженера Ипатьева. В начале июля 1991 года предполагаемые останки были извлечены из болотной хляби Поросянкова лога недалеко от Екатеринбурга, а в июле 1998 года перезахоронены в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

В годы советской власти о трагедии 1918 года предпочитали помалкивать, за исключением небольших противоречивых публикаций, которые вскоре попадали в спецхран. Лишь за рубежом время от времени появлялись книги по этому поводу, не доступные советскому читателю. Долгое сокрытие правды о судьбе Романовых породило волну самозванчества. Нам удалось извлечь из ранее совершенно секретных архивов материалы о 18 самозванцах, обретавшихся на Урале в 1922–1952 годы. Здесь «обнаружились» «царь», «царица», «царевич Алексей», «князь Михаил», «княжны Анастасия, Мария, Ольга, Татьяна» и некий «Гриша не простого рода»¹. Наибольший размах самозванчество получило на женском поприще. По некоторым подсчетам, фигурировало более 200 «русских цариц». Особой популярностью пользовалась «Анастасия».

¹ См. подробнее: Алексеев В. В., Нечаева М. Ю. Воскресшие Романовы?.. К истории самозванчества в России XX века. Ч. 1, 2. Екатеринбург; Челябинск, 2000–2002.

После обнаружения предполагаемых останков в Поро-
сёнковом логу хлынула волна многочисленных публикаций о гибели
Романовых, которые невозможно даже перечислить, да в этом и нет
нужды в документальной публикации, посвященной лишь одному
действующему лицу – Великой княжне Анастасии Николаевне Ро-
мановой. Остановимся только на основных позициях этих пуб-
ликаций. Их три: погибла вся семья Романовых; уцелела ее часть;
остались живы все. С нашей точки зрения, первая и третья позиции
сомнительны, а над второй стоит задуматься. Судя по всему, царь
Николай II действительно был расстрелян, а царица и их дочери,
возможно, остались живы.

Широко известно сообщение о расстреле Николая II, опубли-
кованное в газете «Известия» от 19 июля 1918 года. Оно подтверждено
ВЦИКом (Всероссийским центральным исполнительным комитетом)
и СНК (Советом народных комиссаров). О судьбе остальных членов
царской семьи официально никогда ничего не сообщалось.

Трактовка гибели всей семьи базируется в основном на
воспоминаниях Я. Юровского, тогда как профессиональные историки
знают с первых курсов университета, что воспоминания не основой,
а вспомогательный источник. Официального отчета о казни пока нико-
му обнаружить не удалось, хотя имеются указания на его существование.
По свидетельству чекиста И. Родзинского, участвовавшего в сокрытии
трупов, «после расстрела коменданта Дома особого назначения
(Я. Юровского. – В. А.) вызвали в Москву... с докладом вызвали...
дело устным докладом, конечно, не ограничилось. Где-то должен быть
документ за его подписью с изложением всех обстоятельств, иначе
и быть не могло»².

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)
нам удалось обнаружить документы о том, что 4 ноября 1918 года
в Екатеринбургском уголовном розыске в связи с дознанием об
убийстве бывшего императора Николая II и его семьи была допрошена
официантка Екатерина Томилова, которая носила обеды в дом
Ипатьева для царской семьи. Она рассказала: «Спустя один день после
объявления в газете о расстреле бывшего Государя мне выдали обед
для царской семьи... и я опять унесла в Ипатьевский дом... но бывшего
Государя, доктора и третьего мужчину я не видела, а видела лишь

² РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).
Ф. 588. Оп. 3. Д. 14. Л. 45.

Великая княжна Анастасия

Великая княжна Анастасия

Великие княжны Мария и Анастасия
в Дворцовом лазарете. Царское Село,
1916 год

дочерей Государя»...³ Этот рассказ подтвердила хозяйка квартиры, где жила официантка. Из этого свидетельства вытекает вывод о том, что царская семья покидала дом Ипатьева не одной партией, а после расстрела императора его дочери оставались живы. Другой источник из Архива Гуверовского института войны, революции и мира (США) сообщает, что «царская семья была в Перми и жила в доме акцизного управления»⁴ (имеется в виду женская часть).

В середине 1970-х годов к этой проблеме обратились британские журналисты А. Саммерс и Т. Мангольд. По их собственным словам, находясь «между историей и журналистикой», они с помощью спецслужб сумели вычлнить из новых документов не известную ранее информацию, которая свидетельствовала о том, что не все Романовы были уничтожены в доме Ипатьева. В частности, авторитетные дешифровщики доказали, что телеграмма об уничтожении всей семьи, отправленная с екатеринбургского почтамта Белобородовым, не соответствует действительности. «Царь умер один – его семья с ним не было», – утверждают они⁵.

Линию Саммерса – Мангольда продолжил французский профессор истории Марк Ферро, который в книге «Николай II» (1990 – франц., 1991 – русск.) приводит большое количество противоречивых свидетельств о возможности сохранения женской части семьи императора и переправки ее сначала в европейскую часть страны, а затем за рубеж. Совсем недавно он опубликовал новую книгу «Правда о трагедии Романовых»⁶. Документами, найденными в архивах Ватикана, он подтверждает свое предположение, выдвинутое 20 лет назад, о том, что жена Николая II и их дочери были спасены благодаря секретному договору, заключенному между большевиками и немцами. М. Ферро считает, что после убийства левыми эсерами немецкого посла Мирбаха у канцлера Вильгельма II появилась возможность нарушить Брестский мир, что привело бы к гибели советского режима. Советам пришлось пойти на уступки немцам и оставить в живых жену Николая II (немку), а также их

³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 51. Л. 19.

⁴ См.: Алексеев В. В. Материалы о гибели царской семьи на Урале: из архива Гуверовского Института войны, революции и мира (США) // Уральский исторический вестник. 1996. № 3. С. 212.

⁵ Саммерс А., Мангольд Т. Дело Романовых, или Расстрел, которого не было (1976 глг., 2011 – русск.). М., 2011. С. 290–305.

⁶ Ferro M. La vérité sur la tragédie des Romanov. Paris, 2012.

дочерей. Чтобы сохранить лицо перед революционными массами, большевики сообщили о том, что женщин постигла та же участь, что и царя.

В июле 2013 года в интервью в связи выходом своей новой книги М. Ферро привел сенсационные данные. На основе ранее не издававшихся документов он впервые сообщил, что переговоры по поводу передачи царицы и ее дочерей немцам с советской стороны вели Чичерин, Радек, Иоффе, а с немецкой – Кукман (Kuhkman) и Рацлер (Rietzler). После передачи немцам великая княжна Ольга Николаевна находилась под защитой Ватикана, получала пенсию от бывшего кайзера Германии Вильгельма II как его крестница до смерти последнего в 1941 году в Голландии, а сама позднее умерла в Италии. Великая княжна Мария вышла замуж за одного из бывших украинских князей. Императрице Александре Федоровне Ватикан предоставил убежище в Польше в женском монастыре в Лемберге (Львове), где она жила вместе со своей дочерью Татьяной. Марк Ферро завершает эту часть своего интервью словами: «Теперь точно установлено, что они не были казнены, в отличие от их отца Николая II»⁷.

Эти материалы кардинально меняют сложившееся представление о судьбе царской семьи, потребуют переоценки Санкт-Петербургского перезахоронения ее членов в 1998 году и основательной коррекции множества публикаций по данной теме. Отсюда вытекает однозначный вывод о необходимости пересмотра заключения Правительственной комиссии по идентификации предполагаемых царских останков, недооценившей значение исторической экспертизы и переоценившей генетическую.

Судьба младшей дочери царя Анастасии на фоне превратностей, выпавших на долю женской части семьи Романовых, выглядит еще загадочней. По мнению ряда авторов, Великую княжну вывез из Екатеринбурга охранник дома Ипатьева Александр Чайковский, доставил к западной границе России, затем переправил в Румынию, где она жила под именем госпожи Чайковской, родила от него сына. Затем, опасаясь большевистского преследования, переехала в Германию, где поначалу была признана родственниками матери. Однако после того как она начала рассказывать о посещении России братом царицы Эрнестом (1916), что намекало на переговоры о сепаратном мире с Германией, ее сочли сумасшедшей и отказались от нее.

⁷ Entretien avec Marc Ferro // *Historiens et Géographes*. № 424. 2013. P. 167–169.

Анастасия Чайковская
в Лугано. 1926 год

Ландвер-канал
(Берлин), в котором
в феврале 1920 года
пыталась покончить
жизнь самоубийством
А. Чайковская

Анастасия
Чайковская

В феврале 1920 года, отчаявшись, она попыталась покончить жизнь самоубийством и бросилась в Ландвер-канал Берлина, но была спасена полицейским. После этого изможденная, тяжело больная женщина восемь лет скиталась по немецким госпиталям и санаториям, изредка находя приют у сердобольных немцев и соотечественников. Первого февраля 1928 года она отправилась в США и под именем Анны Андерсон жила там до августа 1931 года, когда снова вернулась в Германию и развернула борьбу за свое признание в качестве Великой княжны Анастасии Николаевны Романовой.

Официальное судебное разбирательство продолжалось почти 30 лет (1938–1967) и стало самым долгим в истории Германии. Суд не признал, но и не отверг ее притязания на принадлежность к царской семье. Многотомное досье рекордного суда и отчет 1919 года датского дипломата Х. Цаале по делу А. Чайковской хранятся в Королевском архиве Копенгагена. Во время одной из командировок в Данию меня долго «пытала» корреспондентка королевской газеты о том, что я могу добавить устно к своим публикациям по царскому делу. После завершения разговора я высказал пожелание получить доступ к заветному досье. Она сказала, что нет ничего проще, но на следующий день сконфуженно сообщила, что документы помечены грифом строгой секретности на 100 лет. Вероятно, они будут рассекречены в 2018 году.

После окончания судебного разбирательства весной 1968 года А. Андерсон опять уехала в США, а зимой вышла там замуж за историка Джона Манахана. Умерла в феврале 1984 года. Ее прах похоронен на кладбище замка Зеон в Баварии (Германия). Такова краткая история жизни Анастасии Романовой – госпожи Чайковской, Андерсон, Манахан⁸. Между тем, по решению Правительственной комиссии РФ по идентификации предполагаемых царских останков, найденных в 1991 году под Екатеринбургом, ее «прах» вместе с останками других членов семьи был помещен в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

Перипетии судьбы легендарной женщины нашли отражение преимущественно в зарубежной мемуарной и публицистической литературе. Лучшей считается книга американского автора Питера Кур-

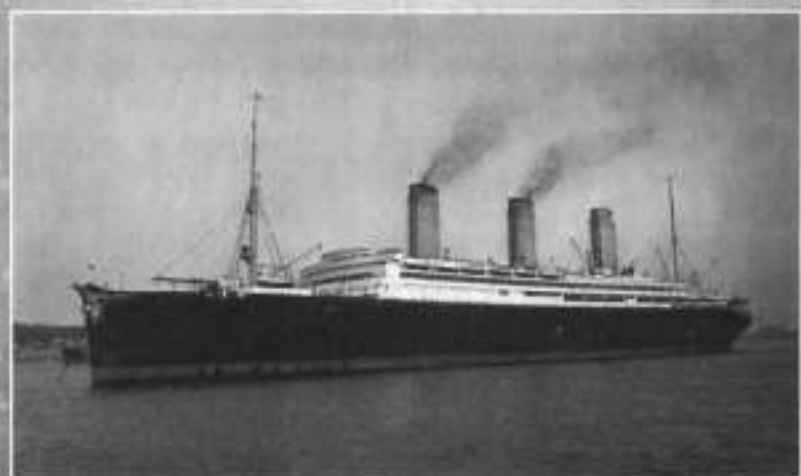
⁸ Boikina T. Anastasia retrouvée. Paris, Grasset, 1985; (Татьяна Боткина. Возвращение Анастасии. На правах рукописи. Пер. с фр. Послесловие // <http://www.proza.ru/2010.06/16/1470/>).

Мисс Дженнингс и Анастасия
Чайковская в Нью-Йорке. 1929 год

Анастасия Чайковская в США.
1928 год

«Бергария» – пассажирский лайнер,
на котором А. Чайковская уехала из Европы в Америку

та «Анастасия. Загадка Великой княжны» (1983 – англ., 2005 – русск.). Это крупное исследование одной из интригующих тайн двадцатого столетия базируется на богатейшем разностороннем фактическом материале, прежде всего на многих тысячах страниц германского судебного процесса, который, по утверждению автора, признал, что «смерть великой княжны Анастасии в Екатеринбурге не может быть принята как убедительно доказанный исторический факт»⁹

Судьбой Великой княжны Анастасии поистине интересовались авторы многочисленных книг о гибели всей царской семьи. В связи с тем, что нас интересуют версии ее возможного спасения, мы обращаемся к тем публикациям, которые касаются этого вопроса. В названной выше книге М. Ферро «Николай II» наряду с общей постановкой вопроса о женской части императорской семьи содержатся сведения и об Анастасии. Он пишет: «Привезенная в Пермь вместе с другими сестрами, она сбегает с молодым охранником; солдаты ее ловят, применяют силу или насилуют, возвращают на место, и ее осматривает доктор Уткин. Она снова исчезает неизвестно куда... Когда она вновь появляется в 1919 году, она – на грани смерти; большая часть семьи Романовых признает ее... Против всех ожиданий, она выздоравливает, превращается в мадам Чайковскую и считает себя единственной выжившей из всей семьи, заявляет о своих правах на наследство Романовых»¹⁰. Позиция М. Ферро, с одной стороны, подтверждается материалами из досье профессора Н. Миролюбова о том, что раненную княжну осматривал в Перми доктор Уткин, которому она успела шепнуть: «Я дочь Государя Анастасия»¹¹, а с другой стороны, непонятно, почему она взяла фамилию екатеринбургского охранника Чайковского. Из сопоставления этих данных определенно вытекает одно – Анастасия спасалась отдельно от сестер.

Сенсационную информацию на этот счет сообщает сын Лаврентия Берия Серго, который, ссылаясь на рассказ отца, утверждает, что спасшаяся Анастасия жила в польском монастыре (в отличие от М. Ферро, который «поселил» туда мать-царицу Александру Федоровну). Вскоре после Отечественной войны И. В. Сталин пригласил ее в СССР. Она посетила Москву и Ленинград¹².

⁹ Курт П. Анастасия. Загадка Великой княжны. М., 2005. С. 393.

¹⁰ Ферро М. Николай II. М., 1991. С. 315–316.

Алексеев В. В. Материалы о гибели царской семьи на Урале: из архива Гуверовского института. С. 209.

¹¹ Берия С. Мой отец – Лаврентий Берия. М., 1994. С. 320–321.

Абсолютное большинство российских публикаций, в частности капитальная монография И. Ф. Плотникова¹³, категорически отрицают версию спасения дочерей Николая II, в том числе Анастасии. Как разобраться, чья правда «правдивее» – Марка Ферро или Ивана Плотникова? Без новых архивных документов этот вопрос нерешаем. Необходима кропотливая компаративная исследовательская работа с документами российских и зарубежных архивов, которая поможет соотнести исторические и генетические выводы. Как заявил Ферро: «Размышление историка может быть надежнее анализа ДНК»¹⁴.

В этом ряду исследований особняком стоят публикации инженера В. Момота в Интернете¹⁵. Он решительно высказывается за признание А. Чайковской царской дочерью Анастасией, но это пока не нашло официального подтверждения. Мы благодарны ему за участие в поиске документов о ней.

Трагедия 1918 года изучалась в Институте истории и археологии УрО РАН. Опубликованы десятки статей и четыре книги¹⁶. В 2012–2013 годах научный сотрудник института Г. Н. Шумкин в составе специального историко-архивного отряда изучил и подготовил к печати доступные читателям материалы фонда 10060 – документы Великого князя Андрея Владимировича Романова и Матильды Кшесинской Государственного архива Российской Федерации. Эти документы представляют значительный научный интерес, поскольку, в отличие от приведенных выше публикаций, позволяют рассмотреть события, связанные с Анастасией, не только в Екатеринбурге, но и во время ее пребывания в Европе 1920-х годов, что проливает свет на ее принадлежность к дому Романовых и характеризует борьбу вокруг их наследства.

¹³ Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. М., 2003.

¹⁴ Ферро М. Дочери царя не были убиты. Интервью L'histoire. 2012. Septembre // <http://lebokov.livejournal.com/964806.html>.

¹⁵ Владимир Момот. Анна-Анастасия // <http://www.proza.ru/2008/08/15/170>; Он же. Ночь без рассвета // <http://www.proza.ru/2008/08/15/177>; Он же. Следствие, которого не было // <http://www.proza.ru/2008/15/212>; Он же. Тайна княжны Анастасии // <http://www.proza.ru/2009/11/16/500>; Он же. В связи со вновь открывшимися обстоятельствами // <http://www.proza.ru/12/17/1198>.

¹⁶ Алексеев В. В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. Екатеринбург, 1993; Он же. The last act of a tragedy. Yekaterinburg, 1996; Он же. Тайна века // На переломе эпох. Екатеринбург, 2013. С. 206–232; Алексеев В. В., Нечаева М. Ю. Воскресшие Романовы?.. К истории самозванчества в России XX века. Ч. 1, 2. Екатеринбург, Челябинск, 2000–2002.

Андрей Владимирович Романов хорошо знал царских детей и единственный из Великих князей признал Анастасию, когда она оказалась в Германии. Внук Александра II, он окончил Михайловское училище и Александровскую военно-юридическую академию. С 1915 года – генерал-майор Свиты Его Императорского Величества. После революции, оказавшись в эмиграции, активно поддерживал своего старшего брата Великого князя Кирилла Владимировича, в 1924 году принявшего титул Императора Всероссийского в изгнании.

Андрей Владимирович организовал расследование по делу Анастасии. Перед смертью в 1956 году он объявил, что его досье по этому делу может быть открыто после того, как Кремль, наследники кайзера Вильгельма и германское военное министерство откроют свои секреты. «Нет сомнения, – писал он, – что существует тесная связь между трагическими событиями марта 1917 года и настоящей ситуацией... Я абсолютно убежден, что расследование приведет нас в Екатеринбург, Тобольск, к событиям 1917 года и даже дальше»¹⁷.

Этими обстоятельствами значение архивного фонда Великого князя Андрея Владимировича не ограничивается. Эти материалы нужны для современной идентификации Анастасии, потому что ее прижизненный рост во время исследования останков не совпадает с размерами скелета, выдаваемого за прах этой женщины. Тем не менее, он вместе с другими останками членов царской семьи покоится в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга, что ставит под сомнение это перезахоронение.

Материалы, включенные в данное издание, публикуются впервые. Они существенно дополняют западные публикации на эту тему, особенно по периоду 1920-х годов, раскрывают, проясняют многие спорные моменты, представляют проблему с российской стороны, что облегчает ее понимание и способствует более глубокому изучению, выводит из тени загадок и мифов. Конечно, публикуемые документы не могут дать ответы на все вопросы темы. Необходимо их сочетание с данными зарубежных архивов по периоду 30–60-х годов XX века, когда вопрос рассматривался в судебных инстанциях Германии.

По содержанию они представляют собой переписку 1920-х годов о феномене «Анастасии Романовой» (в рассматриваемый период госпожи Чайковской); заключения врачей, наблюдавших и лечивших ее в Германии; описание путей «беглянки» в Европу; показания при-

¹⁷ Курт П. Указ. соч. С. 166.

ближенных к царской семье о контактах с Анастасией; мнения членов Дома Романовых о таинственной «незнакомке». Мы воздерживаемся от интерпретации данных материалов и предоставляем читателям возможность делать свои выводы.

***

Основу публикации составили документы, которые относятся к делопроизводственной переписке, актам и нормативно-правовой документации. Они оформлены с соблюдением следующих правил: все документы пронумерованы, снабжены заголовком составителя, в котором указано краткое содержание документа, его автор и адресат. В заголовке может быть частично или полностью использован собственный заголовок документа.

Под заголовком документа указаны дата и место его создания. Место создания – слева, дата – справа. Дата и место создания документа устанавливаются по тексту источника. Если таковые сведения в самом документе отсутствуют, то дата и место создания определяются по его содержанию, пометам, отсылкам, содержащимся в других источниках. В этом случае они являются приблизительными и заключены в квадратные скобки.

В правой стороне под сведениями о дате создания документа приведены грифы.

Текст документов передается с сохранением стилистических особенностей языка начала XX века по правилам современной орфографии. Сокращенно написанные слова воспроизведены полностью, восстановленная часть слова заключена в квадратные скобки. Справки по персоналиям и географическим объектам приведены в именном и географическом указателях. Иные примечания по содержанию, а также авторские изменения в тексте документа и пометы указаны в подстрочных примечаниях. Грамматические ошибки и опiski в тексте исправлены без оговорок.

В состав легенды документа входят контрольно-справочные сведения: краткое название архива, номера фонда, описи, дела, листов, откуда он был взят. В легенде также приведена информация о способе изложения документа (рукопись, машинопись) и о степени его подлинности (копия, подлинник). Подписи под документами даны в соответствии с оригиналом.

В. В. Алексеев, академик

ДОКУМЕНТЫ

«ИДЕНТИЧНОСТЬ “БОЛЬНОЙ” С ВЕЛИКОЙ КНЯЖНОЙ ВПОЛНЕ ВОЗМОЖНА И ДАЖЕ ВЕРОЯТНА»

Это ключевая фраза из письма Сергея Боткина Великому князю Андрею Владимировичу Романову от 19 октября 1926 года. За ней следует серия сообщений, в которых раскрываются возможные варианты спасения царской дочери Анастасии и отношение к ним различных слоев русской эмиграции в Европе.

№ 1. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею Владимировичу с кратким описанием проблемы идентификации Анастасии Чайковской

Берлин

19 Октября 1926 года

Копия снята

Ваше Императорское Высочество,

Я имел честь получить Ваше письмо и постараюсь по мере возможности осветить трудный вопрос о «неизвестной больной». Из короткой справки Вашему Высочеству угодно будет усмотреть, как появилась и в каких условиях провела она первые годы по появлении своем в Берлине. За это время не раз возникал к ней интерес в среде наших соотечественников, но, к сожалению, она случайно попадала в руки людей, которые одним своим вмешательством в это дело подорвали доверие к его серьезности и, благодаря этому, было упущено много драгоценного времени. Нельзя не сказать, что все, что в первое время было о больной слышно, до такой степени казалось неправдоподобным, что напоминало скорее рассказы о всяких грубых самозванцах, не раз появлявшихся в смутные времена.

Только с лета прошлого 1925 года дело это приняло случайно другой оборот. Принц Вальдемар Датский, заинтересовавшейся дошедшими до него слухами, поручил расследование этого дела датскому посланнику в Берлине камергеру Цале.

Вникнув во все подробности дела, г[осподи]н Цаале пришел к заключению, что идентичность больной с Великой Княжной вполне возможна и даже вероятна. Основанием к этому послужили для него следующие соображения:

1. Физическое сходство и совпадение особых примет.

2. Психика.

3. Целый ряд воспоминаний, указывающих на несомненное знание интимной жизни Царской Семьи.

4. Ни под наркозом, ни в бреду больная не высказывала знания какой-либо другой обстановки или лиц вне тесного круга Царской Семьи.

5. Больная, говорящая сейчас лишь на скверном немецком языке, в начале своего пребывания в Берлине, по показанию достоверных свидетелей из больничного персонала, говорила по-русски как прирожденная русская, а под наркозом по-английски.

6. Теперешнее резко отрицательное отношение г[осподи]на Жильяра кажется датскому посланнику не убедительным, так как отношение это появилось уже позднее его шестидневного пребывания в Берлине в Октябре 1925 года и не могло быть вызвано какими-либо последующими фактами, которые могли бы пролить свет на это загадочное дело, ибо таких фактов с тех пор не было.

Первые же впечатления г[осподи]на Жильяра и его жены, как явствует из свидетельских показаний и их переписки, были совершенно иными.

Материалы, дающие основания к заключению, к которому пришел датский посланник, следующие:

Физическое сходство:¹

Хотя о нем судить теперь очень трудно, ввиду крайней худобы больной, тем не менее, лица, знавшие Великую Княжну Анастасию Николаевну, видят известное сходство с ней. Во всяком случае в ее облике нет ничего, что могло бы доказать невозможность идентичности, наоборот, семейное сходство несомненно существует и его находят все.

Особые приметы:²

Установленное рентгенизацией раздробления черепа и челюсти, предполагающее удары твердым предметом, что доказывает, что она прошла через какие-то тяжкие физические насилия.

¹ Подчеркнуто во время набора текста на печатной машинке.

² Подчеркнуто во время набора текста на печатной машинке.

Сергей Дмитриевич Боткин

Александра Александровна
Тетина

Татьяна Евгеньевна
Боткина
с братом Юрием

Глеб Боткин.
Начало 1930-х годов

Целый ряд примет, совпадающих с приметами Великой Княжны Анастасии Николаевны:

Деформация в положении большого пальца правой ноги, прирожденного характера, что установлено врачами.

Шрам на пальце левой руки давнишнего происхождения (по рассказам больной, был прищемлен дверцей экипажа).

Вытравленное родимое пятно на спине.

Нравственный облик:³

Большое благородство, воспитанность, держит себя с большим достоинством; все это, казалось бы, несовместимо с полной безграмотностью и незнанием якобы ни одного языка.

Персонал всех больниц, в которых больная находилась, единогласно свидетельствует об этом и прибавляет, что эта особа, несомненно, происходит из высшего общества. Последнее бросается в глаза вообще всем ее видящим.

В первые годы пребывания больной в Берлине она была настолько запугана, что даже упорно отказывалась назвать свое имя и сказать, откуда она. Именно отказ отвечать на вопросы полиции и побудил последнюю отправить ее в дом для душевнобольных. Совершенно непонятно – каким образом врачи, никогда не признававшие в ней душевнобольную, тем не менее, продержали ее там более двух лет. Единственное объяснение, что не знали, что с ней делать, и действительно она была выпущена из больницы, как только нашлись люди, готовые ее приютить.

Многочисленные лица, у которых она затем находилась, хотя и старались во что бы то ни стало доказать, что она Великая Княжна, однако ничего для этого не сделали и совершенно не изучали больную. Только с Июня прошлого года это дело было поставлено серьезно, и особа, состоявшая при ней, аккуратно вела по поручению датского посланника записи всех ее разговоров. Они передают воспоминания больной о ее прежней жизни. Самые незначительные, казалось бы, подробности из рассказов больной по проверке поражают своей правильностью и совершенно нельзя себе представить, чтобы она, притом при установленной врачами потере памяти, могла бы основывать свои рассказы на прочитанном или слышанном от других.

Все подробности самого последнего времени Вашему Высочеству уже известны, вероятно, лучше, чем мне от Т[атьяны]

³ Подчеркнуто во время набора текста на печатной машинке.

Е[вгеньевны] Мельник, которая Вам их лично докладывала. Я не видел свою племянницу после ее посещения больной, так что знаю об ее впечатлениях только из писем. Т[атьяна] Е[вгеньевна] Мельник, несмотря на сравнительно юный возраст, человек очень уравновешенный и положительный и безгранично преданный Царской Семье, поэтому я не могу не верить ее показаниям, подтверждающим все уже имеющиеся на лицо материалы.

Относительно финансовой стороны этого вопроса имею честь сообщить Вашему Высочеству следующие данные.

До лета 1925 года, как Вы изволите увидеть из приложенной справки, больная находилась в разных больницах бесплатно по 3-ему разряду в качестве неимущей «неизвестной русской» (конечно, всегда в общей палате, даже в больнице для умалишенных), а в промежутках жила у некоторых частных лиц, ее приютивших. Только с половины лета 1925 года за ее содержание стал платить датский посланник в Берлине г[осподи]н Цаале, и с этого времени больная была помещена вполне прилично в санатории в Берлине, ездила весной 1926 [года] в Лугано и теперь живет в санатории в Баварии. На чьи именно средства содержит ее г[осподи]н Цаале, мне в точности не известно, но по словам его средства получаются из частного датского источника.

Доктора настаивают⁴ на необходимости для больной полного спокойствия и пребывания в санатории, и только в таком случае они надеются на ее выздоровление.

Без каких-нибудь экстренных расходов, как более сложное лечение или операция (возможность чего никогда не исключена, так как больная страдает костным туберкулезом), необходимо считать 20 марок в день на содержание, а кроме сего кое-какие расходы на одежду и мелочи – следовательно от 650–700 марок в месяц, т[о] е[сть] по теперешнему курсу около 6 тысяч франков.

Позволяю себе представить у сего Вашему Императорскому Высочеству заключения врачей о больной: за № 1 заключение директора психиатрической университетской клиники, проф[ессора] Vonhoeffe[r]’a, № 2 д[окто]ра Нобель, врача Mommsen-Sanatorium в Берлине, который лечил и ежедневно навещал больную в течение 8–9 месяцев и № 3 московск[ого] хирурга проф[ессора] С[ергея] М[ихайловича] Руднева, делавшего больной операции руки и посещавшего ее как для перевязок, так и из общего интереса также почти ежедневно, проф[ессор] Руднев

⁴ Подчеркнуто во время набора текста на печатной машинке.

оперирует своих пациентов в этой санатории и потому мог легко постоянно навещать больную, № 4 и 5 – два отзыва врачей, лечащих больную теперь в санатории в Баварии⁵.

Не имея под рукой прилагаемых документов, я принужден был на несколько дней задержать мой ответ, за что приношу мои извинения.

Ставя себя в полное распоряжение Вашего Императорского Высочества, покорнейше прошу Вас принять уверения в глубоком моем уважении и таковой же преданности и остаюсь Вашего Императорского Высочества

покорный слуга С[ергей] Боткин

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 69. Л. 6–9 об. Подлинник. Машинопись.

---

⁵ См. док. № 9–12.

**№ 2. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею
Владимировичу о состоянии дела Анастасии Чайковской
к началу ноября 1926 года**

Берлин

3 Ноября 1926 года

Доверительно¹

Копия снята²

Ваше Императорское Высочество,

Я имел честь получить Ваше письмо от 25-го Октября и спешу дать ответ на все вопросы и, по возможности, осветить оставшиеся не вполне ясными стороны этого крайне сложного и трагического дела.

Ваше Высочество вполне правы, высказывая мнение о том, что в ближайшее время придется ограничиться возможно определенным и точным выяснением истины и изысканием средств для содержания «больной».

Я не сомневаюсь, что, если удастся вылечить, укрепив силы больной, то доказательства ее личности будут настолько обильны, что всякие сомнения сами собою исчезнут.

Что касается расследования дела в Румынии, то мне кажется, что оно, несмотря на несомненные трудности, совершенно необходимо и может увенчаться успехом; мне представляется, что все, что было сделано до сих пор, носит слишком кустарный характер и обставлено было недостаточно серьезно и потому совершенно не может считаться исчерпывающим; но, тем не менее, как Вашему Императорскому Высочеству благоугодно будет усмотреть из прилагаемых документов, даже и оно кое-что дало. Из ответа, данного мне С[таниславом] А[льфоновичем] Поклевским-Козелл еще в мае месяце, я мог убедиться, что он отнесся к этому делу с предвзятостью, будучи из неизвестных мне источников, вероятно, ложно осведомлен. Он отрицал даже существование каких-либо легенд о провозе больной «Царской Дочери», между тем г[оспо]жа Шпиндлер, объезжавшая пограничные местности, установила существование там подобной легенды, и мне кажется, нет основания подозревать г[оспо]жу Шпиндлер в измышлении этого факта. Конечно, главное затруднение в производстве следствия – неизвестность, под какими фамилиями и именами путешествовала и проживала в Румынии семья, называвшаяся «больной» Чайковскими.

---

¹ Вписано от руки.

² Вписано от руки.

Одно, что, однако, необходимо для правильного производства следствия – это поручение такового лицу безукоризненно добро-совестному и не предубежденному и пользующемуся общим доверием.

Перехожу к наиболее существенному в данное время – финансовому вопросу. Я нахожусь в постоянном общении с г[осподином] Цаале, и он уже давно предупреждает меня о том, что оставшиеся в его распоряжении средства совершенно на исходе. Уже в Мае месяце у него оставалось лишь на несколько недель, но на тот раз «каким-то чудом» ему удалось добыть некоторую сумму опять-таки из «датского частного источника», теперь же г[осподин] Цаале предупреждает меня, что после 1-го Января 1927 г[ода] он не будет более в состоянии материально поддерживать больную, ибо имевшиеся у него источники средств окончательно иссякли. Зная и видя отношение к этому делу со стороны Датского Посланника, посвятившего ему столько забот вот почти 1,5 года, я бы считал крайне пагубным, если бы г[осподин] Цаале ныне от него отстранился.

Ввиду всего этого мысль Вашего Высочества о необходимости озаботиться приисканием денежных средств на содержание «больной» более чем правильна, и задача эта теперь даже крайне срочная, ибо до первого Января остается всего два месяца. Мне представлялось бы наиболее целесообразным собираемые деньги, предназначенные на содержание «больной», передавать в распоряжение г[осподина] Цаале, дабы он мог продолжать свои заботы о ней – этим путем было бы сохранено однообразие и планомерность в деле, и, я уверен, удовлетворено и желание больной, которая вполне доверяет ему и привыкла видеть в нем испытанного друга, к тому же для русских кругов будет подчеркнута полная нейтральность и отсутствие всякой партийности.

Хотя г[осподин] Цаале и уверяет меня, что источники денежных средств у него иссякли окончательно, мне показалось, что таковые могут снова появиться, как только с нашей – русской стороны, будут поступать средства на содержание больной. Ведь теперь уже второй год больная на полном иждивении неизвестного датского благотворителя, и очень естественно, что иностранец отказывается продолжать свою помощь, видя полное безразличие и равнодушие со стороны русских кругов.

«Больная» никогда себя Великой Княжной Татьяной Николаевной не именovala, но впервые, еще в Дальдорфе, принявшая ее за одну из дочерей Государя, некая Пойтерт сочла ее за Великую Княжну

Татьяну Николаевну, и оттуда и пошла эта легенда. Мне лично не известно, когда именно и при каких обстоятельствах больная впервые назвала себя Анастасией Николаевной, и теперь это установить было бы, я думаю, невозможно, но с тех пор как я слышал об этом деле, уже несколько лет назад, когда я его считал совершенно несерьезным, разговор всегда касался Анастасии Николаевны; но со времени как это дело поставлено правильно и ведется добросовестно, можно установить, что «больная» всегда говорит о себе как о Великой Княжне Анастасии Николаевне. Между прочим, рассказывая о своей прежней жизни, она часто в шутиливом тоне указывает на старые фотографии Великой Княжны Анастасии Николаевны, иронизируя свою внешность и т[ому] п[одобное]. Вообще в ее словах в этом отношении никогда и не звучало никакого сомнения и не было противоречий – это видно в записках Ратлеф и может удостоверить каждый, издавший ее часто и вошедший в ее доверие. С людьми посторонними она вообще не разговаривает и всегда старается скрыть свое происхождение.

Прилагаемые у сего записки Ратлеф дают в этом отношении определенную и яркую картину. Эти заметки составляют лишь часть дневника, которые вела г[оспо]жа Ратлеф за 1 год пребывания ее при «больной», ныне она систематизировала все свои записки и собирается издать их в форме книги.

Она дала мне прочесть свой труд, и должен признаться, что они производят громадное впечатление. Каждый, прочтя его, несомненно, задаст себе вопрос, почему же «больная» не признается Семей. Я считал бы ввиду этого до крайности нежелательным опубликование этой книги в настоящее время. Читающая публика и пресса всех направлений, несомненно, будут горячо обсуждать ее содержание, и антимонархические элементы найдут в ней материал для враждебной пропаганды. Но, к сожалению, я не имею никакой возможности давления на г[оспо]жу Ратлеф и пока достиг лишь того, что она обещает отложить появление этой книги до Января – Февраля будущего года.

Один из ее доводов для напечатания этой книги – получение средств на содержание «больной», и она уже заявила г[осподину] Цаале, что она ставит в его распоряжение почти весь свой гонорар.

Рентгеновский снимок находится при деле. Отзыв о нем имеется только косвенный в заключениях врачей, но специального протокола составлено не было.

Извращения и неточности, даже совершенно лживые данные, проникшие в печать, к сожалению, крайне многочисленны, и бороться с этим явлением почти невозможно; но что еще более прискорбно, это то, что некоторые наши политические деятели с умыслом или без такового, мне не известно, своими публичными докладами об этом деле способствовали распространению ложных сведений. Примеров таких можно было бы привести немало, так Н[иколай] Е[вгеньевич] Марков утверждал, что доказано, что она вообще не была матерью, конечно нет документальных доказательств того, что у нее был ребенок, и мы основываемся на ее словах, но безусловно³ нет и доказательства того, что она не была матерью; гинекологических исследований сделано не было. Н[иколай] Е[вгеньевич] Марков утверждает также, что она крестится по католически, что она перед зеркалом причесывалась, держа в руках портрет Великой Княжны Анастасии Николаевны и т[ак] д[алее]; все это опровергается достоверными свидетелями.

К[онстантин] И[ванович] Савич основывает свой доклад на якобы тщательно произведенном им следствии, между тем медицинских отзывов он даже не имел в руках, полицейские же материалы ничего не дали. Записями г[оспо]жи Ратлеф он, очевидно, не воспользовался, откуда взята им, несомненно, неверная дата рождения ребенка, мне⁴ неизвестно, судя же по рассказам «больной», это событие произошло не ранее поздней осени [19]19 года, так как, «только что оправившись», она приехала сюда – в Феврале 1920 г[ода].

Надеюсь, что все вышеизложенное в достаточной мере освещает все это сложное дело, во всяком случае, я всегда готов, если бы Вашему Высочеству понадобились еще какие-либо данные, если бы они были мне известны, немедленно их сообщить.

Во всяком случае, буду счастлив, если смогу, по мере сил помочь в этом трудном и святом деле.

Ставя себя в полное распоряжение Вашего Императорского Высочества, покорнейше прошу Вас принять уверение в глубоком моем уважении и таковой же преданности и остаюсь Вашего Императорского Высочества

покорным слугою С[ергей] Боткин

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 69. Л. 10–13. Подлинник. Машинопись.

³ Подчеркнуто во время набора документа на печатной машинке.

⁴ «Мне» – вписано от руки.

**№ 3. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею
Владимировичу об аргументах сторонников и противников
признания Анастасии Чайковской
Великой княжной Анастасией Николаевной**

Берлин

17 Декабря 1926 года

Копия снята¹

Ваше Императорское Высочество,

Только что я имел честь получить письмо Ваше от 9-го с[его] м[есяца] и приношу за него мою искреннюю благодарность.

В Вашем письме от 30 Ноября Вы, между прочим, изволите писать, что вопрос о «больной» слишком серьезный, и он требует внимательного к себе отношения, и всякое утверждение, как положительное, так и отрицательное, должно иметь серьезное и обоснованное основание.

К сожалению, все это дело, по непонятной мне причине, до сих пор вызывало у большинства знающих и слыхавших о нем совершенно обратное отношение, и у многих еще менее понятное озлобление.

Многие знающие и интересующиеся этим делом как бы разделились на два враждебных лагеря, одни – стремящиеся во что бы то ни стало убедить всех, что «больная», безусловно, Великая Княжна Анастасия Николаевна, другие же протестуют даже против какого-либо расследования. При этом последние стремятся всячески дискредитировать лиц, занимающихся этим делом, и тех, которых считают верующими в возможность идентичности. Так, я знаю вполне, казалось бы, благоразумных и приличных людей, дошедших до того, что доказывали, что Цаале совсем не датский посланник, а выдает себя за такового, а следовательно, он самозванец и все его прочие утверждения, несомненно, лживы. Я привожу это утверждение как типичный пример, как далеко идет увлечение в этом споре. Между тем мне представляется, что всякие споры совершенно излишни, когда в данном деле только обстоятельное и беспристрастное² расследование может пролить свет на, безусловно, таинственное дело. Но именно ввиду вышеизложенного крайне трудно найти вполне

---

¹ Вписано от руки.

² Подчеркнуто во время набора текста на печатной машинке.

беспристрастных людей, которые могли бы разобраться в этом деле и расследовать его во всех подробностях. Я боюсь, что и Жильяр, несмотря на все выказанные им высокие качества, на это дело смотрит с предвзятостью. Я его лично не знаю и не имел с ним ни разговоров, ни переписки по этому вопросу и отсутствовал из Берлина, когда он был у «больной». Его теперешнее отношение и резкие выступления (имею честь препроводить выписку из его письма на имя Князя Н[иколая] В[ладимировича] Орлова, которое передавалось разным лицам), мне кажется, не вполне соответствует по тону некоторым его письмам, адресованным г[осподину] Цаале и г[оспо]же Ратлеф и, главным образом, содержанию посланного Вашему Высочеству при моем письме от 3 Ноября 1926 г[ода] показания г[оспо]жи Ратлеф. Не зная совершенно прошлого г[оспо]жи Ратлеф и не будучи поэтому в состоянии поручиться за ее полную правдивость, я просил Цаале прочесть ее показание и считаю долгом препроводить у сего в копии его ответ.

Теория, заключающаяся в том, что «больную» всему научили, является главным доводом лиц, стремящихся доказать, что нет надобности в каком-нибудь расследовании; действительно, невольно напрашивается мысль, что есть люди, которые могли из каких-либо специальных целей «обработать» несчастную больную и внушить ей всякие эпизоды из прежней жизни Великой Княжны, которые она потом под влиянием самовнушения передает как ею пережитое; но в этом и должна состоять, мне кажется, одна часть расследования – могли ли лица, ее окружавшие, сообщить ей подобные сведения. Насколько мне известно, некоторые из ее рассказов не могли быть почерпнуты из напечатанных воспоминаний и также не могли быть известны лицам, окружавшим за последние годы «больную». Кроме того, врачи сильно сомневаются, чтобы «больная» при состоянии ее памяти была бы способна схватывать и вспоминать все, что ей могли рассказать, конечно – лишь мельком.

Ценность же записок г[оспо]жи Ратлеф, мне представляется, именно в том и заключается, что она совершенно не осведомлена о прежней жизни Царской Семьи и даже никогда не была в местах пребывания Их Величеств. Поэтому она не могла бы подсказывать что-либо «больной» или наводить ее на соответствующие мысли, г[оспо]жа Ратлеф прочла мне все свои записки; она старалась обращать мое внимание, зачастую, на эпизоды общеизвестные и поэтому, в данном

случае, не интересные и совершенно не схватывала и не понимала значения мелких фактов и замечаний «больной», которые, по-моему, наиболее поражают.

К сожалению, последние шесть месяцев совершенно потеряны в смысле наблюдения и расследования в этом направлении. Я сразу обратил внимание на это обстоятельство Цаале, когда он совершенно неожиданно в Июне мес[яце] с[его] г[ода] решил поместить «больную» в санаторию в Баварии. Она находится там в прекрасных климатических и медицинских условиях, и в этом отношении, может быть, время не потеряно, но там не велись и не могут вестись медицинским персоналом какие-либо дневники или записи о разговорах и рассказах «больной». Бывшая здесь на днях Оберин [в] санатории, ознакомившись с записками г[оспожи] Ратлеф, правда, сказала нам, что она многое из этого знала из уст пациентки и утверждала самым определенным образом, что ни для нее, ни для остального медицинского персонала не представляет никакого³ сомнения, что «больная» именно та, за которую она себя выдает. Причем Оберин особенно отметила, что эта их уверенность зиждется не только на производящих правдивое впечатление рассказах, но на всем облике, характере, поведении и пр[очем] «больной».

Никаких новых фактов и рассказов Оберин сообщить не могла и на соответственные вопросы Цаале особенно подчеркивала, что медицинский персонал и она, в том числе, не имели особого поручения и, вероятно, и не взяли бы за таковое – расспрашивать «больную» и что-либо из нее выведывать; они заботились только о физическом и моральном ее состоянии. Последнее же, по убеждению Оберин, значительно улучшилось.

Общее улучшение здоровья, по-видимому, является одним из условий возвращения памяти. В только что ставшим мне известным аналогичном случае врачи заявили пациенту, что если бы он прибавил 20 фунтов, к нему бы вернулась память и знание забытых им языков. На этот случай, отмеченный в прилагаемой у сего записке генерал-майора А[лексея] А[лександровича] фон Лампе, позволяю себе обратиться внимание Вашего Высочества. Генерал-майор фон Лампе состоит в Берлине негласным представителем ген[ерала] Врангеля, а до этого был официально в таковой же должности при венгерском правительстве и в Будапеште хорошо знал венгерского офицера Колерича, о котором он мне теперь и сообщает.

³ Подчеркнуто во время набора текста на печатной машинке.

Госпожа Цаале

Херлуф Цаале

Аннетасия Чайковская и Гарриет фон
Ратлеф в Лугано, 1926 год

Алексей Александрович
фон Лампе

Прошу Ваше Высочество извинить мое слишком длинное письмо, в котором я коснулся несколько общих вопросов. Могу в заключение лишь уверить Вас, что я счел выдержки из письма Великой Княгини Ольги Александровны вполне доверительными и даже не сообщил их Цаале в определенной форме, а осведомил его лишь по Вашему поручению о согласии Ее Величества и Великой Княгини на ведение расследования, а также лишь в общих чертах о содержании Вашего письма.

Я предполагаю на ближайших днях, т[о] е[сть] еще до заграничного Рождества ехать в Париж приблизительно на месяц. Мой тамошний адрес – 7 Square Theophile Guathier Paris XVI.

Я, конечно, буду оставаться в курсе всего дела и ставлю себя в полное распоряжение Вашего Высочества, если я чем-нибудь могу быть полезен в Париже.

Один из моих помощников по берлинской «Организации защиты интересов русских беженцев в Германии» барон Василий Львович Остен-Сакен вполне в курсе всего дела о «больной» и будет правильным образом осведомлять меня обо всем; он также находится в контакте с Цаале.

Прошу Ваше Императорское Высочество принять уверение в глубоком моем уважении и таковой же преданности и остаюсь Вашего Императорского Высочества

покорным слугою С[ергей] Боткин

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 69. Л. 19–21 об. Подлинник. Машинопись.

№ 4. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею Владимировичу о подготовке к печати записок фон Ратлеф о предстоящем переезде Анастасии Чайковской в Зеон и о ходе расследования ее личности

Берлин

22 Февраля 1927 года

Доверительно¹

Ваше Императорское Высочество,

Недавно, 15 Февраля, я написал Вам о Цаале, надеюсь, письмо это с приложением расписки на 2000 фр[анков] своевременно Вам было доставлено. С тех пор² я имел честь получить Ваше письмо от 14 Февраля, на которое разрешите ответить через несколько дней, немного взвесив затронутые Вами вопросы.

За последние дни почти не видел Цаале, но встретил в обществе его жену, из слов которой я мог заключить, что главные заботы и опасения датского посланника, вызвавшие и известные Вам телеграммы, заключались в том, что он, обеспокоенный за будущее материального положения больной, хотел поскорее воспользоваться помещением ее у герцога Г[еоргия] Н[иколаевича] Лейхтенбергского. Он, вероятно, опасался, что энергичная деятельность «Дармштадта»³ могла бы изменить готовность Лейхтенбергского дать приют «больной» у себя.

На днях я видел также г[оспо]жу фон Ратлеф, боевое настроение которой мне крайне⁴ не понравилось. У меня впечатление, что в увлечении борьбой она уже совершенно упускает из вида первоначальную свою цель (предполагаю, что у нее действительно была эта цель) – а именно – пользу «больной». Минувшей осенью, когда я ее видел неоднократно⁵ и старался в разговорах и нарочно также и в письмах, дабы сохранить след, убедить ее во вреде делу выпуском в свет своих записок, она⁶ напирала на то, что издание это не

¹ Вписано от руки.

«Пор» – вписано от руки.

«Дармштадт» – группа лиц, выступавших против признания А. Чайковской Великой княжной Анастасией Николаевной. Лидером данной группы Боткин и Великий князь Андрей Владимирович считали Великого герцога Гессенского Эрнеста. Дармштадт являлся резиденцией герцогов Гессенских.

⁴ Подчеркнуто от руки.

Подчеркнуто от руки.

Зачеркнуто слово.

так скоро еще состоится, что она преследует им исключительно цель изыскания средств для содержания «больной» и т[ому] п[одобное]; кроме того, она не соглашалась, что предание широкой⁷ гласности всего этого дела может повредить спокойному его расследованию, и вообще утверждала, что никакого шума вокруг ее издания не будет. Ныне у нее появился уже агрессивный тон, и она готовится к полемике в газетах, если бы кто-либо выступил с опровержением содержащегося в ее записках, и в ее словах все время слышится резкий тон критики по отношению ко всем заинтересованным лицам.

Должен сказать, что оборот, который принимает все это дело, меня крайне беспокоит, ибо вынесение его на суждение широкой публики может только затруднить или даже сделать невозможным спокойное и строго-беспристрастное расследование; между тем я именно всегда стремился к последнему, считая, как я уже имел честь писать Вашему Высочеству, что таковое расследование необходимо во всех отношениях и, между прочим, благодаря создавшемуся настроению здесь – в сфере моей деятельности и потому мне более всего известной. За последние дни я имел еще авторитетные подтверждения того отношения немецких кругов к этому делу, о котором я упоминал в моей памятной записке от Мая мин[увшего] года.

К несчастью, выход книги г[оспо]жи ф[он] Ратлеф подготавливается купившим у нее записки издательством самой широкой и кричащей рекламой. Вчера в Берлине на рекламных столбах появились большие плакаты с надписью: «Lebt Anastasia? Wer ist Anastasia?»⁸, сегодня снова с надписью: «Anastasia lebt? Ist das Anastasia?»⁹, их размеры и расцветка бьют в глаза и имеют ввиду заинтересовать публику; имею честь препроводить у сего рисунки плакатов, появляющихся одновременно в рекламе газет. Газеты эти издаются одним из наиболее крупных здешних книжных издательств «Шерл» – выпускающим целый ряд газет и журналов правого, националистического, направления (Журналы Die Woche, Magazin и др[угие] и газеты Lokal Anzeiger, Tag, Nachtausgabe и т[ак] д[алеe]).

Теперешняя цель издательства, несомненно, заплатившего крупную сумму за манускрипт Ратлевой, создать вокруг предстоящего появления сначала в газетах (с 23 Февр[аля])¹⁰, а затем отдельной книге

⁷ Подчеркнуто от руки.

⁸ «Анастасия жива? Кто Анастасия?» (нем.).

⁹ «Анастасия жива? Это Анастасия?» (нем.).

¹⁰ «(С 23 Февр.)» – вписано от руки.

возможно большую рекламную шумиху чисто американского образца. Действия издательства вполне логичны с коммерческой стороны, но до крайности вредны для самого дела и все это будет, очевидно, использовано теми кругами, которые и без того ставят палки в колеса для правильной его постановки.

Я не могу не обвинить, отчасти, Цаале в том, что он не только не восстал сразу против намерения г[оспо]жи Ратлеф, но даже, не предвидя всех последствий, почти что выразил свое одобрение.

Издательство вообще взялось за это дело довольно энергично. Один из главных редакторов ходил к Цаале, чтобы выяснить отношение последнего к этому делу, и ездил даже в Оберстдорф, где получил известное Вам заключение д[окто]ра Эйтеля от Дек[абря] м[еся]ца¹¹, и видел «больную», которая будто бы ознакомилась с содержанием книги и одобрила его. Что касается меня, то до сих пор пресса меня пока еще оставила в покое, и звонили только что мне в канцелярию; само собою, я никаких ни сообщений, ни интервью давать не буду. Тот же редактор был также у большевицкого посла Крестинского, который будто бы (по крайней мере по рассказу редактора г[осподи]ну Цаале) отнесся к вопросу о «больной» с полным безразличием и заявил, что это дело их не интересует, однако, никаким образом не высказал своего мнения о том, что незнакомка не может быть Вел[икой] Княжной.

По-видимому, издательство хорошо осведомлено обо всем деле и имеет весь материал, появлявшийся когда-либо в газетах; оно только и ждет всяких возражений, дабы раздуть всю эту историю. При этих условиях, мне кажется, было бы единственно благоразумным не вступать в какую-либо полемику, которая только раздует это дело и даст пищу газетчикам; полное же молчание охладит пыл, и все это дело скорее забудется широкой публикой.

Я не могу себе дать ясного отчета о положении самой «больной». Известие, сообщенное ей письмом от Цаале о предстоящем переезде, встретило у нее категорический отпор, однако, по-видимому, она быстро с этим примирилась. Сегодня г[оспо]жа Цаале едет в Мюнхен, где она должна встретиться с «больной». Я только что заходил к Цаале, который мне прочел письма, полученные от Герцога Г[еоргия] Н[иколаевича] Лейхтенбергского и д[окто]ра Эйтеля – все уже налажено, и д[окто]р Эитель вместе с Т[атьяной] Е[вгеньевной] Мельник перевезут «больную» в Мюнхен, откуда отправятся в Зеон. Действительно ли

¹¹ «От Дек. м-ца» – вписано от руки.

Т[атьяна] Е[вгеньевна] Мельник уже в Оберстдорфе – мне не известно. Я получил с опозданием ее письмо, пересланное мне из Парижа, о ее намерении туда ехать, но были еще денежные затруднения.

Кстати о деньгах: Цаале сказал мне, что весь переезд и разные расходы с ним связанные (платья и т[ак] д[алее]), а также мелкие расходы в Зеоне, включая и сестру милосердия, им будут оплачиваемы¹². Из каких сумм это будет сделано – мне не известно и мне неловко было его спросить. При моем свидании же с ним, по моем возвращении в Берлин, он жаловался на отсутствие денежных средств, но сказал мне, что помимо небольшой суммы на предстоящие срочные расходы он имеет еще, приблизительно, 4500 мар[ок], положенных им на отдельный текущий счет. Эта сумма составлена из, кажется, 2500 мар[ок], полученных от г[оспо]жи Ратлеф, а остальное из разных других источников (между прочим из Америки через г[оспо]жу Дебагорий «на расследование»). Эти 4500 мар[ок] г[осподин] Цаале, однако, не хотел бы тратить, дабы быть в состоянии всегда сказать «больной», что он не содержал ее на Ратлефский счет. Он высказал мне свое намерение, когда он окончательно ликвидирует все, передать эти деньги тому лицу или учреждению, которое будет заботиться о «больной».

Еще в Мае месяце было собрано по подписным листам 800 фр[анков], которые мне были переданы при моем отъезде теперь из Парижа, и я также вручил их г[осподину] Цаале.

В одном письме Вашего Высочества, полученном мною в Париже, Вы выразили¹³ пожелание, чтобы я совместно с Н[иколаем] Н[иколаевичем] Шебеко выработал проект создания какого-нибудь центрального комитета и создания на местах доверенных представителей. Я обсуждал с Н[иколаем] Н[иколаевичем] Шебеко этот вопрос и сам всесторонне его обдумал.

Ныне положение значительно изменилось вследствие агрессивно-враждебного отношения, принятого в этом деле со стороны целого ряда лиц; это охладило очень многих.

Ввиду этого я не знаю, целесообразно ли было бы образование какого-либо комитета при Вашем Высочестве. Я думаю, что Вам ближе это видно; что же касается образования каких-либо комитетов на местах, то, мне кажется, там они совершенно бесцельны. В Париже

¹² От руки исправлено с «оплачены» на «оплачиваемы».

¹³ Зачеркнуто «изложили». От руки вписано – «выразили».

имеются два союза – Ревнителее Памяти Государея Императора Николая II и Государыни Императрицы Александры Фёдоровны, которые оба заинтересовались этим делом, но, к сожалению, практического результата никакого не получилось, и, насколько мне известно, и в лоне самих этих союзов нет полного единодушия в оценке самого этого вопроса. В Берлине я бы считал совершенно бесполезным образование комитета, хотя бы за отсутствием подходящих и действительно сочувствующих делу людей. При том одна из целей всяких комитетов была бы сбор денег, между тем за последние месяцы я окончательно убедился, что сбор денег в необходимых для дела, по крайней мере, размерах не осуществим; материальную поддержку могли бы только оказать те единичные наши соотечественники, на перечет всем нам известные, которые, по странной случайности, как раз принадлежат к упорным противникам всякого расследования этого дела.

Вместе с тем в Н[иколае] Н[иколаевиче] Шебеко Вы всегда найдете готового всецело помочь этому делу своего помощника в Париже. Что касается Берлина и также Парижа, во время моих частых туда поездок, то я ставлю себя в полное распоряжение Вашего Высочества.

Я не знаю лично Л[ьва] Н[иколаевича] Урванцова и потому не могу принять на себя каких-либо за него ручательств, однако, мне известен уже давнишний его горячий интерес к этому делу и готовность быть ему полезным. Ввиду этого я считал бы целесообразным в какой-либо форме привлечь его к сотрудничеству. Если Вы разделяете мое мнение, может быть, Вы разрешите мне написать ему от Вашего имени, что Вы, осведомившись с проявленным им интересом к этому делу, были бы рады его сотрудничеству.

Согласно Вашему желанию я снесся тогда же с Варшавой, дабы постараться выяснить, кто был в конце 1918 г[ода] в составе польского национального комитета в Орле, и получил на днях следующий ответ: «Не думайте, что я не¹⁴ принял всех мер, чтобы поскорее исполнить Ваше поручение, но пока, хотя j'ai tenu terre et ciel¹⁵, нужных сведений еще не получено. Архивы всех "самопроизвольных" консульств находятся в Мин[истерстве] Иностр[анных] Дел, но в этом М[инистер]стве нет никаких следов об эрзац-консульстве в Орле за

¹⁴ «Не» – вписано от руки.

«Я между небом и землей» (фр.).

Николай Николаевич Шебеко

Следователь
Николай Алексеевич Соколов

Херлуф Цалле

Николай Николаевич
Крестников

Великий герцог Георгий Николаевич
Лейхтенбергский

время 1918–19 [годов]. Главное Ликвидационное Управление тоже ничего не знает. Масса опрошенных ничего толком сказать не могли. Буду продолжать розыски».

Вы, вероятно, уже знаете от самой З[инаиды] С[ергеевны] Толстой, что я просил ее поставить ее сестре целый ряд дополнительных вопросов относительно разговоров, которые она имела в Орле. З[инаида] С[ергеевна] Толстая уже снеслась со своей сестрой, и она со своей стороны запросила бывшего управляющего поляка, который был с г[оспожой] Бехтеевой в это время в Орле. Ваше Высочество меня очень обяжете сообщением всех сведений, которые из этих источников будут получены.

Упомянутый в письме г[осподина] Цаале, копию которого я имел честь Вам послать, факт задержки поезда Шведского Красного Креста будто бы для отыскания исчезнувшей Великой Княжны был проверен. Граф Бунде ответил, что это имело место в Мас 1918 г[ода]¹⁶.

Мне передали на днях, что К[онстантин] И[ванович] Савич в своем докладе в Берлине, между прочим, упомянул о том, что большевистский представитель в Варшаве Войтов где-то заявил, что одно из тел убитых в Екатеринбурге исчезло¹⁷. Нельзя ли было бы выяснить, где и когда это было сказано Войтовым¹⁸.

Показанная К[онстантином] И[вановичем] Савичем фотография Чайковского, как мне также теперь передали лица, успевшие хорошо ее рассмотреть, представляла круглолицего человека с тонкими черными усами.

Прошу Ваше Императорское Высочество принять уверение в глубоком моем уважении и таковой же преданности и остаюсь Вашего Императорского Высочества

покорным слугою С[ергей] Боткин

Копию письма я посылаю Н[иколаю] Н[иколаевичу] Шебеко¹⁹

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 69. Л. 45–48 об. Подлинник. Машинопись.

¹⁶ Абзац выделен чертой на полях.

Подчеркнуто карандашом.

¹⁸ Подчеркнуто карандашом.

¹⁹ Предложение вписано карандашом.

**№ 5. Письмо Василия Львовича Остен-Сакена
Сергею Дмитриевичу Боткину о результатах расследования
Владимира Григорьевича Орлова**

Берлин

[25–30 Апреля 1928 года]

Его Превосходительству С[ергею] Д[митриевичу] Боткину
24-го с[его] м[есяца] поздно вечером я увидел сидящего на
улице на скамейке О[рлова] В[ладимира] Г[ригорьевича], решил
воспользоваться случаем, чтобы с глазу на глаз поговорить с ним
и попытаться, между прочим, как бы вскользь, навести разговор на
дело больной и уяснить себе ряд вопросов, совершенно для меня до
сих пор не ясных.

Посидев с О[рловым] В[ладимиром] Г[ригорьевичем] в ресто-
ране с 1/2 12 до 2 час[ов] ночи, я долго говорил с ним на всевозможные
темы и лишь заметив, что он расходится, как бы случайно навел
разговор на больную. Я позволяю себе возможно точнее привести по
пунктам все то, что говорил мне О[рлов] В[ладимир] Г[ригорьевич],
и что являлось ответами на мои вопросы и высказанные мною
сомнения, что я делал вполне сознательно, чтобы его вызвать на
большую откровенность. Докладывая Вам все то, что он мне говорил,
я совершенно не хочу вдаваться в оценку сказанного мне им и за
правдивость и верность, конечно, никакой ответственности на себя не
беру.

О[рлов] В[ладимир] Г[ригорьевич] говорил мне:

1) что 99 %, по его мнению, говорит за то, что больная есть
А[настасия] Н[иколаевна] и 1 % он оставляет психиатрам, если до-
пускать возможность, что мы имеем дело с феноменом, ясновидением
и т[ому] п[одобным], во что он, между прочим, не верит.

2) Что он предоставил представительнице Чикаго Трибуне
и английской газеты фотографию со статьей некоего Ермакова,
написанной в 1921 г[оду] в одной газете, выходившей в Сибири
и заключающей в себе воспоминания Ермакова, лично стрелявшего¹
в Государя Императора. В своих воспоминаниях о совершенном
им убийстве Ермаков говорил: «Мы поставили к стенке Государя,
Государыню, Наследника и одну дочь», больше ни о ком речи нет.
Газету эту О[рлов] В[ладимир] Г[ригорьевич], по его утверждению,

¹ Зачеркнуто «служившего». От руки вписано «стрелявшего».

имеет и хотел мне показать. Статья эта будто бы печаталась и произвела впечатление в Америке и Англии.

3) Что будучи вызван и сначала сам допрошен Комиссаром Берлинского Полицей-Президиума, которому поручено было выяснить личность больной после того, что в суде началось дело между газетами, присутствовал на допросах всех других причастных к делу лиц – Клейстов, Швабе² и т[ак] д[алее], О[рлов] В[ладимир] Г[ригорьевич] утверждает, что Кл[ейст] очень путал, как и другие свидетели, но жена бар[она] Кл[ейста] категорически утверждала, что больная есть А[настасия] Н[иколаевна].

4) Что Полицейский Комиссар пришел к определенному выводу, что больная не Фр[анциска] Ш[анцковская], но кто она – не выяснил.

5) Что этот комиссар дал ему, О[рлову] В[ладимиру] Г[ригорьевичу], напечатанное полицией объявление с фотографией больной, где она названа незнакомкой, вытащенной из воды 17 Февр[аля] 1920 г[ода], что было сделано тогда для розыска знающих покушавшуюся на самоубийство женщину. Это объявление О[рлов] В[ладимир] Г[ригорьевич] хотел мне показать и дать копию.

6) Что в Америке больную хорошо ограждают от репортеров, но что против нее ожесточенную кампанию ведет г[осподин] Бразоль³ и что и Выс[ший] Мон[архический] Сов[ет]⁴ старается действовать на Глеба⁵, через кого именно, мне, однако, выяснить не удалось.

7) Что здесь такую же кампанию ведет Соколов-Кречетов,

² Зачеркнуто слово.

«Бразоль» – вписано от руки.

Высший монархический совет (ВМС) создан в 1921 году в г. Рейхенгалле (Бавария) на «Съезде для обсуждения восстановления России» («Рейхенгалльском Монархическом Съезде») с целью образования единого монархического фронта в эмиграции и сохранения в чистоте и законности «подлинных Русских Православно-Монархических Идей и Идеалов». В 1922 г. в Париже прошел II съезд ВМС. В 1924 г. в монархическом движении произошел раскол после того, как Великий князь Кирилл Владимирович объявил себя императором Кириллом I. В конце 1924 г. под председательством А. Ф. Трепова была предпринята неудачная попытка объединить монархические организации путем подчинения их Великому князю Николаю Николаевичу как главнокомандующему и старшему в роде. В 1929 г. создана боевая организация ВМС – «Российский Имперский Союз». После 1938 г. ВМС пошел на сотрудничество с Владимиром Кирилловичем, но после объявления Марии Владимировны «блюстительницей престола» и «единственной законной наследницей» снова произошел разрыв с «кирилловичами». ВМС считал, что император должен быть избран Земским Собором, как в 1613 году До Второй мировой войны председателями ВМС были Н. Е. Марков (1921–1927) и А. Н. Крупенский (1927–1939). В 1940 г. председателем был избран Г. М. Книюффер.

Глеб Евгеньевич Боткин.

Кольберг и Швабе, т[о] е[сть] именно те, которые пользуются особенным и не безвыгодным вниманием и добрым отношением со стороны Г[еоргия] Н[иколаевича] Л[ейхтенбергского]⁶.

8) Что следственного материала он Союзу Суд[ебных] Деятелей не выдал, считает себя ответственным перед Его императорским Высочеством Вел[иким] Кн[язем] А[ндреем] В[ладимировичем] и Г[еоргием] Н[иколаевичем] Л[ейхтенбергским], занят систематизацией собранного материала, переводами и т[ак] д[алее]. Копии высылает Вел[ико]му Кн[язю] А[ндрею] В[ладимировичу], затем предоставит весь подлинный материал ему и Г[еоргию] Н[иколаевичу] Л[ейхтенбергскому] – копии с него.

9) Что вышел из Союза Судебн[ых] Деятелей, т[ак] к[ак] к нему предъявляли неприемлемые для него требования, т[о] е[сть] устройства очной ставки Г[еоргию] Н[иколаевичу] Л[ейхтенбергскому] с Виндингер, присутствования на его допросах в виде контроля, почетных мировых судей Вонляровского, Заккита и др[угих] и пр[очих].

10) Что замечалось стремление вмешательства в его следственную⁷ работу, враждебное к больной и даже Г[еоргия] Н[иколаевича] Л[ейхтенбергского] отношение, выступление К[арла] К[арловича] Заккита (бывшего Помощника Московского Градоначальника, из латышей) против ф[он] Р[атлеф] с самыми невероятными, якобы, фактами и т[ому] п[одобное].

11) Что при допросе четы Швабе, раз в присутствии приехавшего к концу допроса Г[еоргия] Н[иколаевича] Л[ейхтенбергского], они оба путали, но особенно жена Шв[абе], которая, видимо, играет двойственную роль и влияет на своего мужа.

12) Что, по заявлению дочери бар[она] Кл[ейста], больная некоторые слова выговаривает явно с польским акцентом, который О[рлов] В[ладимир] Г[ригорьевич], проживший 30 лет в Польше, при недолгом⁸ наблюдении больной в Зеоне не заметил, и что в Зеоне он был один раз.

⁶ Все они являлись членами «Братства русской правды» – организации, созданной в 1921 г. в Берлине Г. Н. Лейхтенбергским для борьбы с советской властью. Братство «имело» свою подпольную сеть на территории СССР, проводившую диверсионно-террористические акты. Распалось в 1940 г. после разоблачения барона А. Кольберга как агента советской разведки (агент «Верный»).

⁷ «Собственную» исправлено от руки на «следственную».

⁸ «Небольшом» исправлено от руки на «недолгом».

13) Что при допросе разных жильцов тех домов, в которых жила Фр[анциска] Ш[ванцковская], получалось впечатление, что все знают о показаниях Виндингер и по ним как бы равняются, и одна старушка даже потребовала за свои показания 500 м[арок], указывая на то, что Винд[енгер] получила 1500. Когда О[рлов] В[ладимир] Г[ригорьевич] сказал, что он платить ничего не может – она ответила: «Ну, тогда пусть все будет то, как говорила и показывала Виндингер».

14) Что Шв[абе] и Кл[ейст] немало заработали от Люке, причем последний за показания и помощь им не платил прямо деньгами, но принимал от них статьи в газету, статьи, которые при других условиях не принимались бы.

Вот вкратце то, что мне говорил О[рлов] В[ладимир] Г[ригорьевич] и я полагаю, что главный интерес заключается в газетной статье Ермакова и, особенно, полицейском объявлении, в котором зафиксировано 17 Февраля 1920 г[ода], как число спасения больной из воды.

Я полагаю, что ко всему сказанному О[рловым] В[ладимиром] Г[ригорьевичем] следует отнестись с некоторой осторожностью, но тем не менее нельзя этим пренебрегать, т[ак] к[ак] доля правды все же возможна и даже вероятна и разобраться во всем в этом, хотя это и не легко, все же желательно и надо попытаться.

Изложенное имею честь доложить Вашему Превосходительству.
Барон Остен-Сакен

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 70. Л. 139–141. Копия. Машинопись.

**№ 6. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею
Владимировичу о ходе расследования, проводимого адвокатом
Фаллоусом**

Берлин

19 Апреля 1929 года

Доверительно¹

Ваше Императорское Высочество,

Я имел честь получить Ваши письма от 2-го и 7-го Ап[реля], но не смог сразу на них ответить, т[ак] к[ак] с тех пор не видел Fallows². Я не хотел специально вызывать его к себе или идти к нему, считая нежелательным, чтоб он мог подумать, что я намерен руководить его работой, тем более, что работа эта является теперь, в сущности говоря, уже не выяснением личности «Неизвестной», а стремлением доказать, может быть, даже во что бы то ни стало, идентичность Чайковской с Вел[икой] Княжной, в чем сам Fallows, по-видимому, действительно искренно убежден. Наше свидание случайно откладывалось со дня на день и только вчера, наконец, состоялось.

Вчера Fallows был у меня вместе с ф[он] Р[атлеф], и я ему передал советы, изложенные в письмах Вашего Высочества. Он был бы очень рад, если бы мог видеть Вел[икую] Княгиню О[льгу] А[лександровну] и откровенно сообщить ей все, что он предпринял. Однако Fallows опасается и, я думаю, совершенно основательно, что в Копенгагене без соответствующей рекомендации он не будет принят Ее Высочеством. Ввиду этого он просил меня передать Вам его ходатайство снести с Великой Княгиней; в случае Ее согласия его принять, он немедленно отправился бы из Берлина в Копенгаген. Т[ак] к[ак] Фаллоус остается здесь всего еще только дней десять, то вопрос этот, конечно, довольно спешный.

Что касается вопроса о нежелательности начинать какое-либо дело в Финляндии, то это было сделано им уже в Ноябре прошлого года еще из Америки и вот по каким причинам: поднимать вопрос об идентичности, как таковой, по американским законам, по-видимому, нельзя, а приходится предъявлять требования к какому-нибудь имуществу, причем уже сам собой возникает вопрос об идентичности. Такой случай ему представился, когда в Америке стало известно об

¹ Подчеркнуто при наборе текста на печатной машинке.
«Fallows» вписано от руки чернилами.

Сергей Алексеевич
Соколов-Кречетов

Владимир Григорьевич Орлов

Борис Львович Бразоль

Петр Лазаревич Войков

иске, вчиненном в Финляндии Великими Княгинями Ксенией и Ольгой. Весьма вероятно, что ныне, после разговора в банке Мендельсона, из которого он мог заключить, что имеются какие-то суммы, вложенные на имя дочерей покойного Государя, будет им вчинен иск и в Берлине.

С Иваном³ Лохвицким Фаллоус уже имел, будучи в Париже, какие-то переговоры, которые на него произвели неблагоприятное впечатление. Лохвицкий утверждал, что имеет данные о пребывании Великой Княжны по пути из Екатеринбурга в Румынию в каких-то монастырях, и что он может получить неоспоримые в этом документальные доказательства, вызвав, между прочим, из России монахов для дачи показаний; но доставление этих сведений и документальных данных потребовало бы расходов в 2000 долларов. Это последнее обстоятельство произвело на нью-йоркского адвоката несколько охлаждающее действие.

По имеющимся у меня сведениям Иван Лохвицкий вовсе не генерал, а так называемый атаман Искра, предводитель партизанского отряда, боровшегося в свое время с большевиками, и теперь будто бы имеющий какие-то сношения в Советской Россией по антисоветской работе. Нравственные же его качества и устои внушают некоторые подозрения. Ввиду этого его не следует смешивать с ген[ерал]-лейт[енантом] Николаем Лохвицким, командовавшим русским отрядом во Франции во время войны и затем бывшим у Колчака.

Уже в Париже, когда я видел в первый раз Фаллоуса, он произвел на меня впечатление несколько наивного человека. Это впечатление у меня еще значительно усилилось после моего вчерашнего разговора. Он представляется мне вполне порядочным, искренне верящим в идентичность больной, но не вполне отдающим себе отчета в трудности распутать все это до крайности сложное дело. Он находится в Берлине уже четыре недели, утверждает, что ужасно занят, между тем никакого нового материала он, в сущности, не добыл, и все его достижения, которыми он, по его словам, доволен, заключаются лишь в том, что он получил подтверждения под присягой некоторых уже ранее данных показаний, например, инженера Хохлейхнера, Малиновской-Кемниц, проф[ессора] Руднева. Кроме того, еще новое показание бывшего в плену в Сибири графа Монжела, по-видимому, подтверждающее показание Хохлейхнера.

³ Подчеркнуто при наборе текста на печатной машинке.

Семьей Шанцковской он совсем не занялся, и вообще считает, что в его задачу не входит разоблачение истории Шанцковской, как и вообще опровержение утверждений, несоответствующих, по его мнению, действительности. Дело «противной стороны» будет в свое время выступать, против его – Фаллоуса, доказательств. По этим причинам он, вероятно, не стремится и видеть Швабе и других.

Мне кажется, что Фаллоус вообще подпал под влияние г[оспо]жи ф[он] Р[атлеф], которая стремится направить его работу по желаемому ей пути. Сама же она слишком мало понимает юридически формальную сторону дела, слишком увлечена своей собственной верой в идентичность больной и, наконец, возможно даже, что она и возомнила о себе настолько, что считает себя более компетентной, чем кто-либо в этом деле, и хочет играть во всем в этом первую роль.

Я увижу Фаллоуса еще на ближайших днях и, во всяком случае, до его отъезда в Париж, а также по получении от Вашего Высочества ответа касательно Великой Княгини Ольги Александровны, немедленно передам ему таковой.

Я узнал сейчас, что Великая Княгиня только что была здесь два дня, но сегодня уже уехала обратно в Копенгаген. Она привозила своих сыновей для проверочных экзаменов в здешней русской гимназии.

С глубоким уважением и искренней преданностью имею честь
быть Вашего Императорского Высочества
покорным слугою С[ергей] Боткин

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 70. Л. 139–141. Подлинник. Машинопись.

№ 7. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею Владимировичу о том, что плакаты об исчезновении Великой княжны видел граф Монжела

Берлин

29 Апреля 1929 года

Доверительно¹

Ваше Императорское Высочество,

Только что получил Ваше письмо от 26 Апреля за № 523/78, разошедшееся с моим последним от 27-го и уже не заставшее здесь Фаллоуса. Спешу сразу ответить несколькими словами, чтобы сказать, что Фаллоус, когда он был у меня в первый раз в Париже, на мой вопрос о том, видел ли Вел[икий] Кн[язь] Александр Михайлович «больную», ответил мне словами: «he did not attempt to»², и что Вел[икий] Кн[язь] на своих публичных докладах, между прочим, упомянул, что «душа Вел[икий] Кн[язь]ны перевоплотилась в Чайковскую». С тех пор я не имел случая касаться этого вопроса.

Крайне интересно, в каком именно новом свете представляется Екатеринбургская драма, о чем Вам пишет ген[ерал] Геруа. Граф Монжела, племянник может быть Вам известной А[нны] К[арловны] Петерсон (бывшей фрейлины Княгини Анастасии Николаевны), подтвердил под присягой показания инженера Хохлейхнера о видевшем в Екатеринбурге плакате об исчезновении одной из Вел[икий] Кн[язь]жен. Такое показание, по-видимому, сделали еще несколько немцев из военнопленных. Кто бы ни была интересующая нас «больная», показания эти мне кажутся до крайности интересными.

Прошу принять уверение в глубоком моем к Вам уважении и таковой же преданности и остаюсь Вашего Императорского Высочества

покорным слугою С[ергей] Боткин

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 70. Л. 143–143 об. Подлинник.
Машинопись.

¹ Вписано от руки.

² «Он не пытался» (англ.).

Великий князь
Кирилл Владимирович

Великий князь
Андрей Владимирович

Эдвард Фаллоус

**№ 8. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею
Владимировичу о результатах,
полученных Фаллоусом в течение года**

Париж

31 Января 1930 года

Доверительно¹

Ваше Императорское Величество,

Мне прислали на днях, с просьбой вернуть обратно, вырезку из издающейся в Шанхае русской газеты «Слово». Со своей стороны считаю долгом послать ее на прочтение Вашему Высочеству.

Все дело т[ак] и[азываемой] «неизвестной больной» приняло, по-моему, силой обстоятельств крайне нежелательное направление. То, что Вы в свое время высказывали, а именно, что одинаково недопустимо, чтобы постороннее лицо претендовало быть Вел[икой] Княжной, как [и] то, чтобы Вел[икая] Княжна находилась в столь ужасном положении – глубоко верно. Поэтому совершенно необходимо производство самого тщательного следствия, которое бы установило истину, какая бы она ни была.

Содержание такой статьи, как прилагаемая, подлежало бы всесторонней проверке. Кто написавший статью в газете «Слово» Александров? Кто этот «полковник П.», «хорошо знавший» всю Царскую Семью? Необходимо выяснение добропорядочности этих лиц и их более подробные допросы, между тем ничего этого, вероятно, сделать невозможно.

«Следствие», производящееся Фаллоусом, идет, естественно, по одному направлению, а именно, он стремится во что бы то ни стало доказать идентичность, и если бы, паче чаяния, он и нашел интересные данные, идущие не в пользу «больной», то он предпочтет о них умолчать.

Я получил сегодня несколько слов от Фаллоуса, сообщающего, что он приезжает сюда 1-го Февраля и хотел бы меня видеть в ближайший понедельник. Я не уклонюсь от этого свидания, хотя и сомневаюсь, чтобы он мог бы мне рассказать что-нибудь особенно интересное. Для меня совершенно непонятно, что Фаллоус может делать почти целый год в Европе, находясь здесь будто бы исключительно для изучения этого вопроса. Каждый раз, что я его встречал, он утверждал, что крайне

---

¹ Вписано от руки.

доволен результатом своих поисков новых данных, но в чем именно заключаются эти новые данные, я, в сущности, не вижу, кроме разве полученных под присягой рассказов нескольких немцев о висевшем в Екатеринбурге плакате о розыске тела одной из Вел[иких] Княжон и о том, что «больная» в 20-м году хорошо говорила по-русски.

В то же время решительно ничего не делается для изучения самой «больной» и целого ряда необъяснимых фактов, как напр[имер], определения через серьезную экспертизу возможности научиться в короткий срок по-английски, определения акцента «больной» по-английски, немецки и по-русски и т[ак] д[алее]. Фаллоус утверждает, что «неизвестная» теперь совершенно здорова, и на этом ставит точку. Но если она совершенно здорова психически, то, казалось бы, что всецело должна вернуться и память и т[ак] д[алее].

На совершенную необходимость изучения² всех подобных вопросов я неоднократно указывал Фаллоусу, но это, по-видимому, тем не менее, не делается. Может быть, Ваше Высочество найдете возможным коснуться их.

Покорнейше прося Вас не отказать вернуть мне прилагаемую газетную вырезку, имею честь быть Вашего Императорского Высочества

покорным слугою С[ергей] Боткин

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 70. Л. 145–146. Подлинник. Машинопись.

---

² «Изучения» – вписано от руки.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ ВРАЧЕЙ

Известные русские и немецкие врачи оставили обстоятельные заключения о здоровье А. Чайковской, ее психическом состоянии, причинах, породивших замкнутость и скрытность. Они акцентируют внимание на происхождении больной из образованной среды, отмечают ее искренность, отсутствие стремления играть чужую роль.

№ 9. Заключение профессора Сергея Михайловича Руднева

Берлин

17 Апреля 1926 года

Вашему Превосходительству я могу сообщить нижеследующие данные моих наблюдений над состоянием физического и душевного здоровья г[оспо]жи Чайковской, а также прошу позволить сообщить факты, указывающие на сходство больной с младшей дочерью Его Величества Императора Николая II.

При первом моем знакомстве с больной в Мариенкранкенхаузе, куда я был позван для заключения о методе лечения, я нашел больную в тяжелом депрессивном состоянии, не желающей даже отвечать на вопросы. Я мог констатировать, что центр страданий есть инфекционный процесс в левом локтевом суставе, где хронически протекавший туберкулезный процесс осложнился новой стафилококковой инфекцией (*ostitis – osteomyelitis humeri phlegmone cubiti*¹), протекавшей с высокой температурой 39–40° и вызывающей ослабление сил организма и потрясение нервной системы.

Я немедленно дал совет произвести операцию для спасения жизни и по возможности спасения руки, так как² шел вопрос об ампутации руки. Больная была перевезена в санаторию «Моммзенсанаториум», где под хлороформом я сделал широкие разрезы пораженных тканей и выскоблил острой ложечкой казеозно-творожные массы,

¹ «Остит – воспаление плеча, воспаление локтя» (лат.).

² «Как» – вписано от руки.

расслабевающие мышцы, дойдя до костей, удалил пораженные участки и продезинфицировал йодом, дренировал йодоформенной марлей.

Во время наркоза больная бредила по-английски³. До операции я говорил с ней по-русски, а больная отвечала только по-немецки.

В течение многих недель, как до операции, так и после, больная не могла обходиться без вспрыскивания морфия или триволина.

Исследуя больную всесторонне, найдены рубцы на груди – след гранулемы тоже туберкулезного характера, о чем мне было сообщено главным врачом Кранкенгауз дес Вестен д[окто]ром Нейпертом. На черепе в лобно-теменной области и затылочной части справа есть рубцы, но анатомически они не представляют особенности рубцов после туберкулезных процессов, а имеют свойство простых рубцов от ушиба твердым предметом с повреждением костного вещества.

На Рентгеновском снимке есть указания на повреждения кости с кровоизлияниями в ткани.

Больная сильно малокровна, истощена, буквально скелет, обтянутый кожей, без намека на жировой слой в подкожной клетчатке. В левом легком хрипы в нижней доле и ограничения дыхательной экскурсии легкого – следы бывшего плеврита.

На правом колене следы уколов, произведенных для лечения бывшего воспалительного экссудата в коленном суставе (synovitis genu dexto⁴).

На правой ступне отмечаем резко выраженную деформацию прирожденного характера в положении большого пальца уклоняющегося в средину с выступом к наружи основания пальца.

Со стороны пользовавших врачей Ее Высочество Великую Княжну Анастасию Николаевну я слышал об этой форме⁵ изменений правой стопы.

Наблюдая за больной и производя ежедневно перевязки, я мог постепенно войти в доверие к больной и отдать отчет в ее психике.

Все что касается до ее здоровья физически, больная точно и толково выясняла, но о будущем⁶ говорила убежденно, что все равно ее ждет неминуемо близкая смерть, и она не верит в возможность

³ Подчеркнуто во время набора текста на печатной машинке.

⁴ «Синовит (воспаление синовиальной оболочки) коленного сустава» (лат.).

Подчеркнуто во время набора текста на печатной машинке.

Подчеркнуто во время набора текста на печатной машинке.

выздоровления настолько, чтобы могла работать⁷ рукой. Эти мысли настолько угнетали больную, что она без интереса относилась ко всему окружающему и видела со всех сторон недружелюбие и даже враждебное отношение к ней.

Эта подозрительность не давала долгое время приблизиться к ней с интересующими вопросами о ее происхождении, ее прошлой жизни и о ее пережитых страданиях. Только спустя шесть – семь недель после операции, когда больная начала лучше питаться, и ее общее состояние здоровья улучшилось, а также память, сильно ослабленная, частью восстановилась, больная могла рассказывать такие подробности из ее детской жизни, которые могли быть известны только членам семьи Императора Николая Второго.

Мне лично случайно пришлось видеть больную вместе с ее сестрой В[еликой] К[няжной] Татьяной в Москве во дворце в день объявления войны.

Я проходил с проф[ессором] С[ергеем] П[етровичем] Фёдоровым вдоль дворца со стороны Троицких ворот в Кремле.

В это время в нас была брошена скомканная бумага из окна дворца. Я спросил С[ергея] П[етровича] Фёдорова, кто же это бросает из окна. На что Фёдоров сказал: «Перейдем на другую сторону к решетке», – мы увидели уходивших от окна в белых платьях Великих Княжон Анастасию и Татьяну.

Вспомнив об этом инциденте, не говоря предварительно никому, я спросил больную: «Скажите, что Вы делали у окна во дворце в тот день и час, когда Его Императорское Величество объявлял о войне». Больная задумалась, а затем непринужденно рассмеялась и сказала: «Schande, schande⁸, мы шалили с сестрой и бросали бумажки в прохожих».

Не было никаких признаков и данных из всех разговоров с больной допустить мысль о существовании гипноза со стороны на больную или что у больной была бы особая чувствительность к угадыванию мыслей и чувства других, не было никаких признаков ясновидения. Скорее можно было отметить депрессию чувств и потерю памяти даже в вещах недавнего прошлого; легкая забывчивость – это свойство не покидает больную до настоящего времени.

⁷ Подчеркнуто во время набора текста на печатной машинке.

⁸ «Позор, позор» (нем.).

Сосредоточиться больной и ясно представить себе к выполнению предлагаемую больной умственную работу представляет до сего времени еще большой труд, но я полагаю, что время изменит эти дефекты, как это заметно за последний месяц, когда боязнь людей и раздражение окружающей обстановкой все больше и больше уменьшается.

Больной необходимо провести долгое общее укрепляющее лечение в горах Швейцарии, где климатические условия будут более благоприятными для восстановления здоровья и духовного обновления.

(Подп[ись]) Проф[ессор] Руднев

Организация защиты интересов русских беженцев в Германии сим удостоверяет верность предстоящей копии.

За начальника (Автограф)

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 41. Л. 32–33 об. Заверенная копия.
Машинопись.

**№ 10. Заключение Директора Психиатрической
и Нервной Клиники «Шарите» в Берлине,
профессора Карла Бонхоффера¹**

[Берлин]

16 Марта 1926 года

Результаты моего собственного обследования²

Что касается сперва телесного состояния, то больная изнурена, выражение лица – страдающее. Я не останавливаюсь на подробном описании состояния внутренних жизненных органов и на существующем на левом локте суставном заболевании, по-видимому, туберкулезном.

На черепной поверхности нет никаких грубых внешних повреждений. За правым ухом имеются узкий шрам длиной около 2–3 сант[иметров], расположенная под ним кость имеет, по-видимому, соответственный узкий поверхностный желоб. При ощупывании покрытой волосами головы нельзя найти никаких деформаций и никаких данных, указывающих на более грубое повреждение черепной крышки в недавнее прошлое. Также рентгеновский снимок головы не дает картины, указывающей на вероятность повреждения черепа. Под грудной клеткою находятся несколько голубовато-коричневых точкообразных пятен, которые при нажимании оказываются незначительными растяжениями вен. На уровне грудной клетки находится шрам, который, по заслуживающему доверия показанию больной, происходит от туберкулезной костной фистулы. Трудно распознать Ахиллесовы рефлексy, но они имеются; кроме этого нет в нервной системе никаких имеющих значения органических изменений.

Подробному психическому обследованию препятствует до известной степени то обстоятельство, что больная обычно по прошествии некоторого времени заявляет, что она вследствие болей в руке утомлена. Она тогда ложится обратно в постель и с болезненным выражением лица закрывает глаза. Нет возможности получить от нее связный рассказ об ее детстве и позднейших переживаниях. Часто она

¹ Заголовок документа, данный Боткиным.

² Название документа, данное К. Бонхоффером. Подчеркнуто во время набора текста на печатной машинке.

избавляет себя от подробного обследования тем, что она говорит или же выражением известного отчаяния в лице, как бы указывает, что разговор об ее воспоминаниях для нее тягостен, что она чувствует себя слишком больною, что она больна не только телом, но и душою, что ей не стоит дальше жить, что она ничем более не интересуется. Действительно, при более длительных разговорах у нее появляется прилив крови к голове, и черты ее лица вытягиваются. Но она всегда соблюдает в беседе и в способах обращения внимательные, любезные и приветливые формы. Ее оборот речи часто необыкновенно удачен в отношении подбора слов. Произношение у нее иностранное с русским акцентом, но еще с особым оттенком. В настоящее время нельзя найти того южно-немецкого акцента, о котором упоминается в истории ее болезни в Дальдорфе.

Настроение больной переменчиво. При исследованиях наступает скверное настроение, как только переходишь от обычного разговора к какому-нибудь испытанию ее психических функций. У больной есть явные дневные колебания; вечером она живет и в лучшем настроении, чем утром.

То, что она во время отдельных разговоров высказывает в виде обрывочных воспоминаний о своем жизненном поприще, замечается приблизительно в следующем. Она помнит, как она в детстве играла в саду в Царском Селе со своими сестрами и братом; ее мать говорила с нею большею частью по-английски; она помнит, что она летом была в Крыму, но она не может назвать места, где она была. Она бывала с матерью и на немецких курортах, вспоминает часовню, которую ее мать построила. Указание на Вис-Баден, Баден-Баден она отклоняет и отвечает утвердительно на сделанное ей упоминание о Гамбурге и Наугейме. Там она была из-за матери. Она и независимо от этого бывала в Гессене. О Дармштадте она не упоминает, но отвечает утвердительно, когда его называют. Она скоро и правильно распознает портреты Царских Детей, которые, впрочем, уже весьма часто ей показывались. Она показывает, что любила музыку и сама занималась ею. Она любила рисовать, делала портреты с натуры. Ее старшая сестра хорошо рисовала. Она говорит, что хорошо помнит лазарет Царицы и своих старших сестер в Царском Селе. Она также вспоминает пребывание в Тобольске и Екатеринбурге, у нее там была с сестрами одна комната. Они прибыли туда по железной дороге, а также пароходом. О последних событиях в Царской Семье она показывает, что ее отец

был застрелен первым, она вспоминает о толпе явившихся к ним людей и о блестящем звездном небе. О путешествии в Берлин она показывает, что она ехала железной дорогой, что перед границей всегда со своим спутником оставляла поезда и проходила через границу пешком. Надо было собирать сведения, чтобы перейти через границу. Она часто была изнурена до крайности. Для путешествия она обратила некоторые свои драгоценности в деньги. Остальные драгоценности она оставила у своих покровителей в Румынии, между прочим, и для того, чтобы обеспечить там кое-чем своего ребенка. Здесь в Берлине она, вероятно, провела лишь несколько дней перед тем, как она пыталась лишить себя жизни и попала в больницу. Она жила в гостинице, должно быть, поблизости от вокзала. Затем на нее нашло полное отчаяние, а поэтому она и хотела лишить себя жизни. То, что она не сделала никакой попытки к тому, чтобы попросили придти в больницу ее спутника из Румынии – она объясняет своим безразличием и страхом. Она показывает, что в начале своего пребывания в Дальдофе она послала письмо Принцессе Ирене³. История больницы об этом, однако, вовсе не упоминает.

Я не говорил с больной о том, что мне было сообщено лицами ее окружающими относительно ее пребывания в Румынии, ее бракосочетания, ее ребенка, насильственной смерти ее мужа, относительно очной ставки ее с лакеем⁴, учителем⁵ и Членами Императорской Фамилии⁶, – потому не говорил с нею об этом, что ввиду быстро наступающего утомления больной я, при отдельных исследованиях, должен был ограничиться тем, что имело непосредственное значение для оценки ее психического состояния. Надо, однако, заметить, что способ, которым она передает о своих якобы переживаниях, никакого демонстративного характера не имеет⁷, рассказы эти сопровождаются реакцией, по-видимому, вполне естественного аффекта. Тот способ, каким нечаянно появляется, благодаря случайному стечению мыслей, какая-нибудь определенная группа воспоминаний, не имеет ничего искусственного. Обращает на себя внимание то, что ей никогда не вспоминаются подробности, которые могли бы привести к выяснению данной местности, как например, географические названия и т[ому] п[одобное].

³ Подчеркнуто карандашом.

⁴ А. А. Волков.

⁵ П. Жильяр.

⁶ Имеются в виду Великая княгиня Ольга Александровна и принцесса Ирина Прусская.

⁷ Подчеркнуто карандашом.

Профессор, психиатр
Карл Бонхоффер

Для психической оценки важно, в каком виде представляются воспоминания больной о пребывании ее в Дальдорфе, так как в этом отношении возможно сравнение этих воспоминаний с действительно пережитым и так как имеются достоверные данные о состоянии ее сознания в течение пребывания ее там. Действия больной в Дальдорфе были с внешней стороны в более важных случаях вполне осмысленны, несколько раз было удостоверено, что больная могла хорошо ориентироваться; причем всем попыткам разузнать что-либо об ее личности она оказывала совершенно сознательно систематическое противодействие. За это время нельзя найти никакого признака, по которому можно было бы установить расстройство сознания, повлекшее позднее за собою дефект памяти.

Между тем больная обнаруживает, когда касается в разговоре пребывания ее в Дальдорфе, значительные пробелы в памяти. Несмотря на то, что она находилась там более двух лет, она не может назвать по имени ни одной сиделки, врача или больной. Она говорит, что ничего о том не знает, что ее фотографировали⁸, хотя она при этом находилась в сильном аффекте и этому противодействовала. Она вообще отрицает, что она там, с кем бы то ни было, говорила, очень энергично отрицает, что она занималась чтением книг и газет, что просила дать ей книги, что называла отдельных лиц по имени. Она отрицает, что она разговаривала по-русски с сиделкою Бухгольц, и говорит, что эта возможность совершенно исключена⁹. Она также не вспоминает своего иронического ответа врачу, обратившегося к ней, как Марии Ваховьян. Напротив того, она помнит, что она написала письмо Принцессе Ирене, на что не имеется указания в больничных записях в Дальдорфе. Она вспоминает, что одна сиделка принесла ей иллюстрированную газету со статьей о заключении и убийстве Царской Семьи, она также соглашается с тем, что она дала вырвать себе зубы, потому что они шатались. Она полагает, что не помнит тех или других происшествий ввиду того, что они были совершенно безразличны и незначачи. При обсуждении этих вопросов она реагирует с очень сильным аффектом и примечательно, что она не только говорит, будто она много не припоминает, но даже настойчиво отрицает отдельные происшествия и считает их невозможными, как например чтение и русский разговор.

⁸ Подчеркнуто карандашом.

⁹ На полях от руки карандашом – «NB».

Испытание ее способности к чтению показало, что она правильно читает отдельные латинские буквы (немецких она не читает)¹⁰, хотя и с большим трудом и часто лишь после долгих настояний. Она говорит, что соединение букв в слова очень для нее затруднительно, она читает слово «Анастасия», медленно перебирая буквы, отказывается от чтения других слов, заявляя, что она утомлена и ослабела от болей в руке. На уговоры она правильно произносит трехзначные числа 163 и 742. Она прочитывает немногие короткие английские слова, правильно выговаривает их¹¹, она раньше упражнялась в этом, но перестает уже после нескольких слов, заявляя, что она устала и неспособна дальше читать, она стыдится, что не может ни на что отвечать. Извращение слов (парафазии) не бывает. Во время разговора иногда обнаруживается, что ей не вспоминается слово, которое она хотела бы сказать. Ей недостает умения читать отдельные предложения, т[о] е[сть] она говорит, что это для ней слишком утомительно, что она не может комбинировать слова в предложение. При писании происходит то же самое. Она с трудом пишет латинскими буквами, и то с постороннею помощью, имя «Анастасия», ничего другого она самопроизвольно не пишет. Она пишет медленно, как 7–8-летний ребенок. Все такие упражнения выполняются большей частью с явною неохотою.

Испытание способности ее припоминать более новые впечатления обнаруживает, что больная большею частью правильно воспроизводит недавние переживания. В разговоре она сообщает о том, что она пережила за последние дни, какие у нее были недомогания, подвергалась ли она измерениям, выходила ли она со двора, какие покупки она делала, что она видела и слышала в гостях. Она помнит, что было сказано во время ранее происходивших разговоров. Она называет места своего пребывания после увольнения ее из больницы в Дальдорфе, а также имена тех лиц, у которых она была, почти всегда с выражением некоторой субъективной удрученности и без точного указания времени.

Относительно того странного факта, что она в теперешнем своем окружении никогда не говорит по-русски, тогда как она, по показанию своих русских знакомых, наверное знает этот язык, она дала мне лишь то объяснение, едва ли достаточное с нормально-психопатической точки зрения, будто воспоминание об этом языке для нее слишком ужасно после всего того, что она пережила в России.

¹⁰ Подчеркнуто карандашом.
Подчеркнуто карандашом.

Попытка более точного установления объема ее познаний не удается вследствие того, что больная от этого уклоняется, ссылаясь на плохое состояние своего здоровья. Она оставляет без ответа вопросы о местностях в Крыму, о положении Данцига, о городах в Румынии и т[ак] д[алее]. Об отношении старого русского календаря к здешнему она указывает только, что существует разница в 14 дней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1¹² Насколько умение держать себя, способ выражаться на разговорном языке, известная приветливая грация ее мимики и манере указывают на происхождение больной из образованной среды¹³, настолько же трудно воссоздать законченный образ ее личности. Эта трудность зависит не столько от того, что вся прежняя жизнь больной до того дня, когда она в Марте 1920г[ода], по-видимому, после покушения на самоубийство в речном канале была доставлена в Елизаветинскую больницу, погружена с объективной точки зрения в мрак, сколько, главным образом, от того, что энергичному проникновению в субъективные переживания больной и в накопленные ею воспоминания противостоят сильные психические препятствия, с внешней стороны проявляющиеся у больной в виде утомления, вследствие ее физической болезни и в виде расстройства ее памяти.

2¹⁴ Для имеющего в данном случае особый интерес вопроса о самоличности больной необходимы некоторые важные психопатологические предпосылки.

Душевой болезни в собственном смысле этого слова у больной нет, но она выявляет признаки психопатического состояния¹⁵. Это обнаруживается в легкой, под влиянием эмоции, возбудимости ее, в наклонности ее к изменчивым настроениям, особенно же в депрессивных реакциях и в своеобразном расстройстве памяти¹⁶.

3¹⁷ Это последнее имеет первенствующее значение для психиатрического диагноза. Естественно рассматривать это расстройство памяти как последствие тех тяжелых, насильственных воздействий¹⁸, о коих упоминается из прежней жизни больной. Тот факт,

¹² «1» – написано от руки карандашом на полях.

¹³ Подчеркнуто карандашом.

¹⁴ «2» – написано от руки карандашом на полях.

Подчеркнуто карандашом.

Подчеркнуто карандашом.

«3» – написано от руки карандашом на полях.

Подчеркнуто карандашом.

что нет грубых повреждений, указывающих на внешние насильственные воздействия (маленький узкий шрам сзади правого уха едва ли имеет значение) – сам по себе еще не говорил бы против существования тяжкого органического расстройства памяти. Ибо таковые наблюдаются, даже предпочтительно, при потрясении мозга, без грубого повреждения черепа. Тяжкие расстройства памяти наступают также после острых инфекций или отравлений, которые могли иметь место в продолжение того периода времени, память о котором не сохранилась.

4¹⁹ Состояние памяти больной показывает, однако, значительные отклонения от тех опытных данных, какие получаются при органических повреждениях мозга. Явно что в таких случаях различий между старыми и новыми воспоминаниями не может быть установлено по отношению к больной. У нее расстройство памяти не подчиняется закону, в силу коего приобретенный памятью материал, чем он моложе, тем труднее может быть проявлен. Пробелы памяти у больной относятся равномерно ко всем периодам ее жизни и имеются указания на острова²⁰ воспоминаний²¹ как из времен, ближайших к моменту, когда якобы нанесены были повреждения, так и из раннего детства и из времени, наступившего много позже предполагаемых насильственных воздействий.

5²² Об обнаруживаемом теперь у больной расстройстве, препятствующем ей читать и писать, следует особливо сказать, что оно не имеет характера органического порока. Недостают все остальные симптомы, связанные с органическим повреждением сфер речи. Своеобразный возврат к детскому состоянию так же, как и затруднительность для нее читать и писать, скорее характерны для психической обусловленности дефекта. Но термин «психическая обусловленность» надлежит отнести не к душевным потрясениям, которые во время болезни могли постичь больную, потому что и они не приводят к подобным пробелам в памяти, а под этим термином подразумеваются такое расстройство воспоминаний, которые зависят от более или менее сознательных волевых импульсов.

6²³ Мнение о том, что такие психические факторы имеют весьма важное значение при расстройстве памяти, подкрепляется отношением

¹⁹ «4» – написано от руки карандашом на полях.

²⁰ Подчеркнуто карандашом.

²¹ В скобках неразборчиво.

²² «5» – написано от руки карандашом на полях.

²³ «6» – написано от руки карандашом на полях.

воспоминаний больной к двухлетнему пребыванию ее в Дальдорфе. По имеющимся данным, там наверно не имело место такое пониженное сознание, которое могло повести к последующему исчезновению воспоминаний. Также и появившееся в последние месяцы²⁴ пребывания в этом заведении туберкулезное заболевание не может послужить объяснением для последующей утраты воспоминаний.

Если больная больше не помнит ни отдельные вызвавшие аффект тамошние переживания свои, ни ежедневно повторявшиеся впечатления – я ссылаюсь на результаты произведенного расследования, то это не является простым отрицанием или нежеланием знать хотя бы ввиду того, что воспоминание для нее тягостно. Едва ли может также возникнуть вопрос о том, не является ли отметка в истории болезни и показания больничного персонала неверным во всем том, чего больная не вспоминает или против чего она возражает. Против этого говорит хотя бы прилагаемая фотография.

7²⁵ Сопоставляя все, что вообще выяснено относительно пределов и состава воспоминаний больной, можно считать вероятным, что в данном случае пробелы в ее воспоминаниях происходят от самовнушения, от желая вытеснить пережитое из памяти. Весьма важно доказать такую склонность к образованию путем самовнушения пробелов в своих воспоминаниях, потому что наряду с так называемыми отрицательными извращениями памяти имеют место, как показывает опыт, также и извращения в сторону положительную, продуктивную, и нельзя не предусмотреть в данном случае возможность возникновения такого рода извращений, ввиду тех особых переживаний и приключений, о которых повествует больная. В связи с этим весьма важным представляется то обстоятельство, что главная надзирательница (больницы в Дальдорфе) определенно показывает, что больная с интересом читала книги и газеты, что другая надзирательница или сиделка передает, что она спрашивала русские книги. Не было бы ничего необыкновенного в том, если бы у таких психопатических²⁶ личностей, неуверенных в чувстве реальности пережитого, прочитанное, слышанное или выдуманное, превратилось в их воображении в нечто, ими же самими пережитое, и если бы притом источник, из которого материалы проистекли, был из сознания вытеснен и не сохранился в памяти. Как это происходит

²⁴ Подчеркнуто карандашом, на полях – «NB».

²⁵ «7» – написано от руки карандашом на полях.

²⁶ Подчеркнуто карандашом.

в отдельных случаях – может оставаться вопросом открытым. Во всяком случае, по результатам расследования, следует признать в данном случае наличие влияния, вызванного самовнушением. Это заключение не подлежало бы видоизменению, если бы доказательная сила обстоятельств, говорящих в пользу идентичности, сделали бы эту последнюю совершенно бесспорной. Ибо возможность, что и у Царской Дочери мог развиваться такой процесс самовнушения, должна считаться, по меньшей мере, допустимой.

Был поднят вопрос, не следует ли считаться с возможностью подчинения больной гипнотическому влиянию посторонних лиц. На этот вопрос надо ответить отрицательно так же, как и на тот, можно ли предполагать сознательный обман²⁷.

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 41. Л. 54–59. Копия. Машинопись.

---

²⁷ Подчеркнуто карандашом.

№ 11. Заключение доктора Нобеля

[Берлин]

Март 1926 года

После почти 8-месячного пребывания г[оспо]жи Анастасии Чайковской в санатории Моммзена, в течение какого времени я ежедневно навещал больную, я имел случай, без ведома больной, исследовать ее в отношении ее душевного состояния и даю следующее врачебное заключение о ее психической жизни за это время. Я нарочно изложил это заключение в общепонятной форме, соответственно его предназначению.

Больная была сюда доставлена в сильной лихорадке. Тело совершенно исхудало, кожа была до крайности бледна, страдальческое выражение лица, довольно резкие черты. Нет надобности входить в подробности физического состояния, я хотел бы только упомянуть о содержании рентгеновского снимка.

Затемнение в области левой скулы; левая челюстная дуга и скуловая часть имеют оттенения; бородавочное явление, весьма вероятно немного смыто; затемненное место под правым слуховым ходом; разные дефекты верхней и нижней челюсти и отсутствие некоторых зубов¹. Сомнительно, имеется ли на черепной крышке какое-либо вдавление. Дать более точные сведения по имеющимся рентгеновским пластинкам нельзя за отсутствием контрольных снимков.

После падения температуры оказалось возможным обмениваться несколькими словами с г[оспо]жою Чайковской. Больная говорит с типично иностранном², весьма вероятно, русским акцентом³, изысканным, но не аффектированным образом, в общем, любезна, вежлива и приветлива, но показывает явный страх или боязливую сдержанность, в особенности, когда она в предложенных ей вопросах или в разговоре предполагает какой-либо намек на ее прошлое; она отмалчивается на всякие вопросы такого рода, причем оправдывает свое молчание переутомлением и болью в руке. Никакой ненормальности нет в движениях, манере держать себя, мнениях, понятиях. Настроение переменчиво: иногда сравнительно хорошее, иногда меланхолическое. Спрошенная о причине этого, больная

¹ Подчеркнуто карандашом.

² Подчеркнуто карандашом.

Подчеркнуто карандашом.

указывает на сильные боли в руке, не дающие ей покоя и ночью лишаящие ее сна. Она с боязливым выражением лица лежит в постели, говорит, что она в отчаянии, так как надежды на выздоровление столь незначительны, что она потеряла вкус к жизни и что для нее лучше всего было бы спокойно заснуть. Об ее прошлом от нее ничего узнать нельзя. Напротив того, она тщательно старается уклониться от всяких вопросов такого рода. Только постепенно, по мере восстановления здоровья, и после продолжительного пребывания (в санатории), больная сделалась доверчивее и откровеннее. Больная никогда не читала ни книг, ни газет, ничего также не писала, потому что все это слишком утомительно для нее, но с интересом следила за событиями, о которых ей читали.

Она, колеблясь, медленно отвечает на вопросы, относящиеся до ее прошлого. Долго раздумывает с напряженным выражением лица, с трудом вспоминает названия лиц и местностей. Лишь после долгого времени она по отношению ко мне перестала быть боязливою и недоверчивою и непринужденно рассказывала, если удавалось навести ее на это, некоторые подробности из прежних времен, причем лучше было косвенно направить ее мысли на это, нежели ставить ей вопросы напрямик. В последнем случае можно было опять подметить на ее лице мучительное, ищущее выражение и получить в ответ: «Я больше не могу, это требует от меня напряжения, я все забыла, я ни к чему на свете не годна, раз моя память так пострадала». Затем, в другой раз, во время беседы она говорила мне, что это ужасно – она прилагает все старания к тому, чтобы забыть все то ужасное, что она пережила, и постоянно приходит опять кто-нибудь, чтобы вновь все всполошить, от чего она опять впадает в грусть и отчаяние. Больная иногда, когда чувствует себя лучше, непринужденно рассказывает лицам, с которыми она ближе знакома⁴, подробности ее прежней жизни в Царском Селе, о детских шалостях, о путешествиях летом в Крым и морских путешествиях на яхте «Штандарт» в финляндских шхерах, о случившейся на яхте аварии, о любимой сию собачке и о болезни ее брата. Также передает она некоторые подробности о расстреле, об ее бегстве через Россию на крестьянской телеге, о лечении ее головных болей компрессами со льдом, об ее пребывании в Румынии, ее путешествии в Германию, об ее попытке к самоубийству из отчаяния, об ее пребывании в разных больницах, каковы подробности, насколько

⁴ Подчеркнуто карандашом.

я мог составить себе о них мнение и их проверить, совершенно отвечают истине. Она показывает, что в Дальдорфе ее фотографировали, рассказывает про одну больную, умершую от туберкулеза, и притом с точным указанием времени. К глубокому ее возмущению, другая больная съела оставшуюся от умершей пищу, сама потом умерла. Больная, однако, отрицает, будто она читала книги и будто требовала журналы и газеты. Она рассказывает непринужденно, без всякой театральности и жестикюляции и с естественным аффектом. Случается также, что она опять забывает некоторые вещи, ею самою уже ранее рассказанные, а когда я со своей стороны к этому возвращаюсь, то она удивляется, откуда это мне известно. Воспроизведение ее прежней жизни – островообразно⁵, но заметно уплотняется за время моего наблюдения за нею, что, может быть, конечно, объяснено улучшением ее общего состояния и излечением ее раны на левом локте. Здесь тоже немалое значение имеет уже ранее указанная собственная воля ее, направленная к тому, чтобы забыть страшные события ее прежней жизни.

Что касается языка, на котором она изъясняется, то меня уверили, что прежде ее родители и брат и сестры говорили между собой почти исключительно по-английски. Лишь с учителями и слугами они пользовались русским языком. Больная же не говорит по-русски. Спрошенная о причине, она объясняет, что она испытала в России столько бедствий и несчастий, что этот язык стал ей несимпатичным, и что она не хочет говорить на нем. Она приняла такое решение и остается при нем. Я, однако, часто был свидетелем того, что она понимает по-русски⁶. Во время беседы двух лиц на русском языке она внимательно следила за разговором и вмешивалась в него, делая замечания по-немецки. Она также поправляла неверное произношение русских слов. Чтение представляется ей очень трудным, особенно образование слов из букв. После долгого раздумья она может написать слово «Анастасия».

Может быть, причину того, что она избегает русский язык, надо искать в том, что во время бегства ей было запрещено говорить на этом языке, а также боязнь быть опознанною, потому что эта боязнь отражается во всем ее существе, в ее словах и замечаниях. Это, по моему мнению, является причиною ее замкнутости в прежних больницах и в начале ее пребывания в санатории Моммзен. По этой причине она едва отвечала вообще на вопросы. В ее боязни лежит также

⁵ Подчеркнуто карандашом.

⁶ Подчеркнуто карандашом.

и причина наступающего временами меланхолического настроения с чувством беспомощности и апатии, с ослаблением энергии и даже с желанием смерти. В такое время больная замкнута, отказывается от пищи, еле говорит, падает духом, сомневается в своем излечении, не дает себе труда отвечать на вопросы, требующие более длительного размышления, ссылаясь на переутомление и головную боль, которою она, несомненно, страдает вследствие ее забот и отчаяния, а также больной руки. События, имевшие место со времени оставления больницы в Дальдорфе, ею воспроизводятся правильно и скоро, так же, как и описание ее болезни, ее пребывания в разных семьях и больницах, имена сестер и отдельные подробности, касающиеся ее пребывания здесь (т[о] е[сть] в санатории «Моммзен»).

Сопоставляя все это, я хотел бы высказать, что, по моему мнению, никакого сумасшествия в данном случае нет⁷; я, по крайней мере, никогда за все время продолжительного моего наблюдения не заметил у больной никакого симптома какой-либо душевной болезни, а также никакого признака внушения, исходящего от посторонних лиц или от нее самой. Правда, что память пострадала, может быть вследствие происшедших повреждений головы; правда, что появляются упомянутые выше меланхолические настроения, однако они, по моему мнению, ничего психопатологического в себе не⁸ заключают. Едва ли можно определить, насколько потеря ею памяти зависит от последовавших повреждений, так как нельзя составить себе ясную картину о тяжести сих последних. Расстройство памяти по характеру⁹ своему чрезвычайно сильное и не подходит ни под одну из известных¹⁰ категорий, тем более, что расстройство это одинаково распространяется на всю прошлую жизнь больной. Только в самое последнее время воспоминания становятся опять нормальными. Трудно, конечно, решить, сколько к этому причастна воля больной. В некоторые дни ясно обозначается лучшая способность вспоминать при ответах на обращенные к ней вопросы, а также при непосредственных повествованиях.

Теперь еще некоторые замечания для выяснения самоличности больной. Конечно, не может быть речи о каком-нибудь доказательстве с моей стороны. Однако мне представляется невозможным, чтобы ее

⁷ Подчеркнуто карандашом.

⁸ Подчеркнуто карандашом.

⁹ Подчеркнуто карандашом.

¹⁰ Подчеркнуто карандашом.

Анастасия Чайковская в «Моммзенсанаториуме»

воспоминания проистекали от внушения, и чтобы знанием некоторых незначительных подробностей она была обязана чему-нибудь другому, как не собственному переживанию¹¹. Далее, с психологической точки зрения, едва ли мысленно, чтобы кто-либо, принимающий на себя по какой-нибудь причине роль другого человека, так бы держался и поступал, как это делает больная, и сам обнаруживал бы столь мало инициативы к осуществлению своих планов.

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 41. Л. 111–113. Копия. Машинопись.

---

¹¹ Подчеркнуто карандашом.

**№ 12. Врачебное заключение доктора медицины Федора Эйтеля
о состоянии физического и психического здоровья
Анастасии Чайковской¹**

Санаторий «Штиллахгауз».
Оберстдорф

2 Декабря 1926 года

Г[оспо]жа Чайковская, 25 лет, была принята 25 Июня 1926 г[ода] в санатории д[окто]ра Затгофа в Оберстдорфе на излечение от туберкулеза локтевого сустава.

Маленькая, хрупкая пациентка, находилась в состоянии, указывающем на совершенно недостаточное питание и потерю сил. Вес тела вместе с платьем составлял 47 килогр[аммов]. Она производит впечатление жалкого, тяжело больного, физически и нравственно изнуренного человека и казалась гораздо старше 25 лет.

Левый локтевой сустав не сгибается далее угла, приблизительно, в 80 градусов. На внешней его стороне находилась сочившаяся рана, размером в 5-марковую монету. На внутренней стороне верхней и нижней части руки находятся глубоко врезавшиеся шрамы, происходящие от разрезов. Мускулатура левой руки сильно поддалась. Кисть руки вообще мало подвижна. Пальцы держатся в вытянутом положении. Они имеют лишь незначительную подвижность в смысле сгибания. У среднего пальца левой руки на стороне, обращенной к указательному пальцу, заметен шрам в виде черты, длиною около 2 сантиметров, происходящий от повреждения в детском возрасте и обуславливающей негибкость этого пальца. Недостатки чувствительности в области *pervus ulnae*². Согласно отчету профессора Руднева об операции – здесь имеется смешанная инфекция туберкулезного воспаления суставов со стафилококками.

Дальнейшее исследование обнаружило: двустороннюю незначительную близорукость, сильное дрожание век при их смыкании, благоприятную реакцию зрачков.

Слух в нормальном состоянии. Позади правого уха заметен поверхностный шрам.

¹ Название документа, данное Ф. Эйтелем: «Врачебное заключение о г[оспо]же Анастасии Чайковской на основании шестимесячных наблюдений и руководствуясь врачебными заключениями Тайного Советника Бонхоффера, профессора Руднева и д[окто]ра Нобеля, проживающих все трое в Берлине».

² Примечание по тексту: «Локтевой нерв».

Язык и полость рта не обнаруживают никаких особенностей. В верхней челюсти недостает десять, а в нижней – трех зубов.

Мозговые нервы не затронуты.

Щитовидная железа не преувеличена. На обеих сторонах можно прощупать более мелкие затылочные железы.

Грудная клетка слабо развита. Ямочки у ключиц – глубоко впавшие. На грудной кости находится лучеобразный шрам, величиною в 4 раза³ 1,5 сантим[етра] (шрам происходит будто бы от глубокого нарыва).

Над верхушкой левого легкого, а также над нижней его частью слышен неопределенный скрип. Граница левого легкого еле сдвигается⁴ (по имеющимся данным, больная перенесла в 1923 г[оду] тяжкое легочное кровотечение⁵). В правом легком нельзя найти никакого болезненного признака.

Сердце не расширено и бьется правильно.

Исследование тела не обнаруживает никакого отступления от нормы. Рефлексы выявляются весьма явственно.

Сустав правого колена немного утолщен и вызывает боли при более продолжительной ходьбе (по заключению проф[ессора] Руднева, имело место – воспаление сустава с выпадением⁶). На нижней части правого бедра, на боковой стороне его, кожа окрашена в сизо-красный цвет, тонка и без определенного зыбления⁷. Рентгеновский снимок не дал никаких точных указаний.

Большой палец на правой ноге сильно отклонен в сторону (hallux valgus)⁸.

Таким образом, дело идет о туберкулезном заболевании левого легкого с образованием метастаз⁹ и нарывов в костях: грудной клетке (кости), большой берцовой кости¹⁰ и суставах (правое колено и левый локоть).

³ Так в тексте.

Примечание по тексту: «малоподвижно».

Зачеркнуто «кровоизлияние». От руки вписано «кровотечение».

Зачеркнуто «кровоизлиянием». От руки вписано в сноску: «выпадением».

Зачеркнуто «не проявляет прочной жизнениности». От руки вписано в сноску: «без определенного зыбления». Зыбление (флюктуация) – признак скопления жидкости в патологическом очаге.

⁸ «Hallux valgus» – «бурсит большого пальца стопы» (лат.). Вписано от руки.

Подчеркнуто карандашом.

Зачеркнуто «икре правой ноги». От руки вписано в сноску: «большой берцовой кости».

При приеме в санаторию и в первые дни больная являла в психическом отношении ту же в сущности картину, какая изображена в заключениях г[осподина] Тайного Советника Бонхоффера и д[окто]ра Нобеля. Больная была запугана, боязлива, очень корректна, владела собою и отличалась приветливостью. На вопросы о ее болезни она дает медлительные и недостаточные ответы, причем лицо ее искажается, выражая глубокую грусть и утомление. Мы присоединились к диагнозу лиц давших предыдущие заключения: наличность психопатии и состояние самовнушения¹¹.

Больная с большим трудом уживалась здесь. Горная местность чужда ей. Она была очень сдержана и недоверчива. Она лежала на кушетке с боязливым, глубоко печальным выражением лица, равнодушная ко всему, что происходило вокруг нее. Она отнюдь не высказывала своей печали в какой-либо резкой форме, напротив того, в присутствии других пациентов она вполне владела собою и была очень сдержанная. Она не искала никакого контакта с прочими больными, не требовала ни книг, ни газет. Говорила очень плохо по-немецки, с типичным русским акцентом (выговором). Никаких следов немецкого наречия здесь нельзя было наблюдать.

Память находилась в том же состоянии, какое указано в прежних заключениях: большие пробелы в воспоминаниях, нехарактерные¹² для органической мозговой болезни, а также для настоящего психоза.

Только после многих недель постепенно началось улучшение. Сильное чувство усталости и общее утомление исчезли. Физическое улучшение выразилось и в увеличении веса на 5 фунтов. Рана на левом локте медленно заживала. Нервы также несколько успокоились, хотя и оставалась заметная¹³ повышенная чувствительность.

Прежде всего, наступило, однако, существенное изменение в психическом отношении. Больная стала доверчивее к своему ближайшему окружению, чувствовала больше уверенности в себе и стала по поводу мелких ежедневных происшествий самостоятельно¹⁴ и непринужденно говорить о детских воспоминаниях из родительского дома, царского двора. Сперва она рассказывала о случаях, бывших при самом дворе, о своих родителях, брате и сестрах, о путешествиях с родителями в Крым и Германию, описывала посещение Императора

¹¹ Подчеркнуто карандашом.

«Не» вписано от руки.

Зачеркнуто «продолжалась явная». От руки вписано в сноску: «оставалась заметная».

Зачеркнуто «непосредственно». От руки вписано в сноску: «самостоятельно».

Вильгельма II в Петербурге. Вследствие ее недостаточной способности выражаться разговоры были с пробелами, но ясны и определены, без всякого повышенного тона и важничанья.

Каждый месяц приносил с собою, вместе с возрастающим некоторым успокоением, прогрессивность укрепления¹⁵ ее памяти и улучшение взаимного понимания. Больная сама сознавала этот успех и однажды сказала мне, что «она теперь вновь находится на пути к тому, чтобы сделаться человеком».

Ужасный хаос воспоминаний за последние шесть лет, страшные впечатления, при часто повторявшихся тяжелых лихорадочных припадках, беспорядочно кружились в ней и не давали ей покоя. Временами тяжесть пережитого совершенно одолевала ее, и ей овладевала глубокая грусть и отчаяние. Она раз сказала: «Я не должна думать обо всем этом, иначе я заболею». Это все выяснилось за последние недели, когда наступило улучшение, так что больная теперь в состоянии говорить о разных вещах объективно, связно и уже без пробелов.

Так, она ныне пространном образом сообщает подробности из всего своего прошлого. Она говорит о своем детстве, о своих отношениях к родителям, сестрам и в особенности к младшему брату, а также о совершенно личных происшествиях из семейной жизни. Она описывает обстоятельства в начале войны, посещения ею лазаретов, время пленения, болезнь ее брата в это время, рассказывает о рукодельных работах, которые она тогда изготовляла, и об обострении условий жизни в то время. Все эти рассказы она делает с выражением глубокой печали и в большинстве случаев заканчивает их словами: «Великая Россия не могла спасти одной семьи».

Об убийстве и первом времени после спасения больная почти что ничего не говорит. На мой вопрос о том, как происходило бегство, она дает мне берлинскую газету, в которой напечатана большая статья о ней, с указанием, что кое-что там изложено правильно, но многое ложно. Она сама не может теперь еще об этом говорить. С большою признательностью она упоминает имя спасшего ее г[осподи]на Чайковского. О Бухаресте, куда она была доставлена, она почти ничего не рассказывает.

Когда в зиму с 1919 на 1920 год обстоятельства стали там для нее небезопасными, она бежала пешком через границы в Германию при очень тяжелых якобы условиях, при ужасной погоде и после того,

¹⁵ Зачеркнуто «уплотнения». От руки вписано в сноску: «укрепления».

как она за несколько месяцев перед тем родила ребенка. В Германии она хотела отыскать своих родственников. В совершенном истощении и отчаянии она совершила в Феврале 1920 г[ода] попытку на самоубийство. Она считает этот поступок самой большою своею глупостью, от которой произошли все дальнейшие осложнения и предполагаемая душевная болезнь.

На вопрос, почему она просто не назвала себя, она показывает, что она написала письмо¹⁶ своей тетке Принцессе Ирине Прусской¹⁷ и надеялась, что этим путем положение будет урегулировано.

Вследствие пребывания в доме для сумасшедших, нахождение в одной палате с другими, частью весьма тяжелыми больными, и обращения с нею врачей, считавших ее душевнобольною, она ни к кому в заведении не могла иметь доверия и впала в состояние боязни, подозрительности, равнодушия и депрессии. Она сама поясняет, что она испытала все эти переживания в слишком молодом возрасте, тем более, что дома она была окружена всем самым лучшим и отборным и в 15 лет никогда не читала книг о такого рода вещах. Пребывание в больнице для душевнобольных и последующее время сделали ее человеком глубоко недоверчивым. Недоверие еще более усилилось благодаря тому, что она много раз оказывала доверие, но часто наталкивалась на неправду и явную эксплуатацию.

Эти показания были даны больною после наступления физического и нервного улучшения за последние недели.

Вывод

Оценка состояния больной могла быть сделана правильно лишь после того, как началось успокоение нервов и память больной укрепилась¹⁸. Еще и теперь обращает на себя внимание то обстоятельство, что ей трудно запоминать имена лиц и городов, что, однако, не дает основания предполагать душевное расстройство, но объясняется просто тем, что это вытесняется из памяти более важным и ей кажется безразличным.

Признававшееся до сего времени расстройство памяти имеет свою причину в том, что больная часто не могла отвечать на настойчивые расспросы отчасти вследствие недостаточного умения выразиться, отчасти из боязни, но, прежде всего (больная особенно подчеркивает

¹⁶ Подчеркнуто карандашом.

Подчеркнуто карандашом.

¹⁸ Зачеркнуто «сгустилась». От руки вписано в сноску: «укрепилась».

Татьяна Мельник (Боткина), Анастасия Чайковская,
доктор Федор Эйтель.
1926 год

это), из-за того, что она внутри себя так сильно переживала разные значительные события, что предлагавшиеся вопросы казались ей несущественными. Поэтому она просто не могла больше ни слушать¹⁹, ни отвечать.

Вспоминание всего пережитого и возникшее благодаря этому мучительное чувство одолели ее. Она отговаривалась тогда утомлением и молчала. Показания эти я считаю безусловно правильными, потому что таким же образом больная держалась и по отношению ко мне в продолжение первых месяцев. Эта же манера держать себя описана в заключении Тайного Советника Бонхоффера. Пробелы в воспоминаниях больной об ее пребывании в Дальдорфе могут быть объяснены отчасти случившимися там летаргией и депрессией, отчасти тем, что она большею частью²⁰ лежала в кровати с лицом, обращенным к стене.

С первого раза кажется удивительным, что больная в настоящее время не говорит по-русски. Она говорит, что она в последний раз разговаривала по-русски с одной сиделкой в начале пребывания ее в доме для умалишенных. Она ныне понимает русскую речь, знает отдельные слова и полагает, что она будет вновь в состоянии говорить по-русски после упражнения в этом в продолжении нескольких дней, если притом нервное настроение окажется у нее хорошим. С английским языком дело обстоит, вероятно, таким же образом. Больная сама теперь требует, чтобы ее вновь обучали этому языку.

Настроение больной получало при более продолжительной беседе некоторый грустный оттенок²¹. Однако эта грусть никогда не выносилась на показ. Никогда не наблюдалось колебаний²² настроения, необоснованных аффектов или капризов. Во всяком случае, здесь никогда более не наступало той перемены настроения с острою возбужденностью²³ и депрессивной реакцией, какая описана Тайным Советником Бонхоффером. Первоначальный диагноз: психопатическое²⁴ состояние оказывается с течением времени теперь уже более не обоснованным²⁵.

¹⁹ Зачеркнуто «прислушиваться». От руки вписано в сноску: «слушать».

²⁰ «Большею частью» – вставлено в текст в виде сноски.

²¹ Зачеркнуто «характер». От руки вписано в сноску: «оттенок».

²² Зачеркнуто «переменчивых». От руки вписано в сноску: «колебаний».

²³ Зачеркнуто «раздражительностью». От руки вписано в сноску: «возбужденностью».

²⁴ Зачеркнуто «психическое». От руки вписано в сноску: «психопатическое».

²⁵ Зачеркнуто «приемлемым». От руки вписано в сноску: «обоснованным».

Таким образом, никакого психопатического расстройства в настоящее время не имеется²⁶.

Тяжелое состояние, в которое больная впала, есть прямое последствие всех ужасных переживаний, крупных разочарований, которые были ей в молодости (молодые ее годы) не по силам. Таким образом, ее грустные настроения, боязнь, подозрительность вполне понятны. Что касается вопроса о наличии самовнушения, то за шесть месяцев при регулярных объективных наблюдениях, нельзя было обрести никаких данных, указывающих на самовнушение. Против самовнушения говорит все течение болезни с ясно обозначившимся улучшением, более же всего здравый смысл больной, строгое критическое отношение к самой себе и очень тонкая критика всего окружающего.

Предполагаемое у больной, согласно заключению Тайного Советника Бонхоффера, желание вытеснить из памяти пережитое безусловно²⁷ более уже не наблюдается²⁸ со времени улучшения ее нервного состояния. За истекшие месяцы я постоянно снова проверял все показания, сделанные больною мне или ее ближайшему окружению, и мог установить, что больная никогда не сделала противоречивых указаний. Рассказы и описания переживаний теперь всегда откровенны, с неподдельным тоном искреннего чувства, без всякого преувеличения.

Следует поэтому прийти к выводу, что больная действительно пережила то, что она рассказывает²⁹. Совершенно недопустимо, чтобы столь больной физически человек, не обнаруживающий признаков психопатического состояния, демонстрировал одно и то же положение, ни разу от своей линии не уклоняясь.

Если теперь подойти к вопросу об идентичности, то мое мнение по этому вопросу вытекает из регулярных, длившихся целые месяцы, объективных наблюдений. Для лиц, дававших до сего времени свои заключения, решение этого вопроса было затруднено тем, что больная вследствие физического и психического своего истощения делала своим молчанием невозможным проникновение в ее субъективные переживания.

Нет никаких симптомов душевной болезни и никаких признаков³⁰ психопатии.

²⁶ Подчеркнуто карандашом.

²⁷ Зачеркнуто «наверное». От руки вписано в сноску: «безусловно».

²⁸ Зачеркнуто «существует». От руки вписано в сноску: «наблюдается».

²⁹ Подчеркнуто карандашом.

³⁰ Зачеркнуто «ясных указаний на». От руки вписано «признаков».

На вопрос о самовнушении следует ответить отрицательно.

У больной нет никаких признаков³¹ на истерию, на обман, на гипноз.

Действительно законченная картина ее личности во всей ее округленности получилась лишь в последние восемь недель, когда наступило известное внутреннее успокоение и нервное успокоение³². По моему мнению, только теперь есть возможность вникнуть в вопрос об идентичности (тождественности), к которому мы с самого начала относились с величайшей сдержанностью.

В г[оспо]же Чайковской распознается человек, необыкновенно высоко стоящий в этическом (нравственном) отношении. Ее высокий уровень, ее благородный образ мыслей, особенно выдающаяся правдивость в больших, а также в малых вопросах³³, известного рода важность в соблюдении своего положения³⁴, которую она с первого дня и до сих пор проявляла по отношению ко всякому, дают основание предполагать, что г[оспо]жа Чайковская с самых ранних лет вращалась в необыкновенно высокопоставленных кругах.

Наши наблюдения, вместе с данными профессора Руднева и состоявшееся здесь свидание с госпожою Мельник, дочерью лейб-медика Царя Николая II, дают нам основание прийти к заключению, что госпожа Чайковская есть Ее Высочество Великая Княжна Анастасия Николаевна.

Д[окто]р мед[ицины] Фёдор Эйтель

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 41. Л. 122–127. Копия. Машинопись.

³¹ Зачеркнуто «показаний». От руки вписано в сноску: «признаков».

³² Зачеркнуто «отдохновение». От руки вписано в сноску: «успокоение».

³³ Зачеркнуто «делах». От руки вписано в сноску: «вопросах».

³⁴ Неразборчиво в сноске, вписанной от руки.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРИБЛИЖЕННЫХ К ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

Показания приближенных к царской семье, которые много наблюдали и хорошо знали детей императора, имеют принципиальное значение при опознании предполагаемой Анастасии. Несмотря на противоречивость оценок, высказанные суждения являются одним из важных и убедительных свидетельств.

№ 13. Показания Николая Васильевича Саблина¹

Бухарест

29 Января 1927 года

Прежде чем, по возможности, точно передать все, что я показывал в Генеральной Сигуранце Румынского Правительства по вышеупоминаемому делу об установлении личности выше-называемой г[оспо]жи Чайковской, каковые розыски производились по Высочайшему Ее Королевского Величества Королевы Румынии Марии повелению, позволяю себе изложить, на каком основании я имею право считать себя достаточно знавшим Августейшую семью.

В 1906 году я был назначен на Императорскую яхту «Штандарт», на каковом корабле и проплавал непрерывно до 1916 года, т[о] е[сть] – 10 лет, сперва в должности вахтенного начальника, потом ревизора, а последние пять лет состоял старшим флаг-офицером Походного Штаба флаг-капитана Его Императорского Величества генерал-адъютанта адмирала К[онстантина] Д[митриевича] Нилова.

В 1906 году Великой Княжне Анастасии Николаевне было пять лет. С этого года Их Величества начали ежегодно плавать на яхте, сперва эти плавания бывали по двум – трем неделям, потом по более чем двум месяцам непрерывного пребывания Их Величеств на борту.

¹ Авторское название документа: «Показания бывшего капитана 2-го ранга Гвардейского Экипажа Николая Васильевича Саблина третьего по делу неизвестной личности, именуемой госпожой Чайковской и считающей себя Августейшей дочерью в Бозе почивающего Государя Императора Николая Второго Всея России Великой Княжной Анастасией Николаевной».

С 1909 года Их Величества изволили проводить по два раза в году в Ливадии, почему яхта «Штандарт» переходила или даже оставалась на зиму в Черном море, имея постоянную стоянку в Ялте.

По должности флаг-офицера при флаг-капитане Его Величества я имел свою канцелярию в Ливадии, где постоянно имел счастье видеть Августейшую Семью и близко знать их жизнь.

Также я сопровождал флаг-капитана Его Величества при поездках Их Величеств по Волге при праздновании Царствования Дома Романовых в течение трех веков в России.

Во время этой поездки я жил на том же пароходе, на котором помещалась Августейшая семья, причем, вследствие малых размеров судна, кроме семьи на борту находились только Министр Двора², Статс-Дама Е[катерина] А[лексеевна] Нарышкина, флаг-капитан³ и я.

Все это дает мне право считать, что я достаточно близко был к Августейшей Семье, и вот почему ко мне на квартиру в Бухаресте 15 Февраля прошлого года явилась некоторая особа по фамилии Шпиндлер в сопровождении двух инспекторов Генеральной Сигуранцы, из коих один довольно свободно объяснялся по-русски, и обратились от имени директора Сигуранцы с просьбой сообщить, действительно я есть офицер с яхты «Штандарт» и знал ли я хорошо Великую Княжну Анастасию Николаевну. Рассказав мне, что в Берлине обнаружилась некая г[оспо]жа Чайковская, считающая себя дочерью в Бозе Почивающего Государя Императора Николая Второго, означенная особа, а также инспектора Сигуранцы просили меня подтвердить рассказы означенной г[оспо]жи Чайковской и со своей стороны сообщить что-либо, что могло бы помочь выяснить настоящее загадочное дело.

Прежде всего мне показали фотографии г[оспо]жи Чайковской, в ответ на что я показал фотографии великой Княжны Анастасии Николаевны, имеющиеся в книге г[оспо]жи Мельник, дочери Лейб-Медика Их Величеств Е[вгения] С[ергеевича] Боткина.

Присутствующие признали, что локон над правой стороной лица г[оспо]жи Чайковской однообразен с локоном⁴, каковой всегда носила, причесываясь, Великая Княжна.

² Владимир Борисович Фредерикс.
Константин Дмитриевич Нилов.
Подчеркнуто карандашом.

Также весьма схожи⁵ очертания ноздрей⁶ двух фотографий, длина носа⁷, но что совершенно не схоже – это рот и подбородок. На представленной мне фотографии, газетный отпечаток коей при сем прилагаю, – нельзя отрицать известного фамильного сходства изображенной личности с очертаниями Великой Княгини Ксении Александровны. Переходя к дальнейшим физическим совпадениям, г[оспо]жа Шиндлер просила меня сообщить, не знаю ли я чего-либо относительно поранения пальцев на правой (если теперь не ошибаюсь) руке г[оспо]жи Чайковской. Означенное поранение г[оспо]жа Чайковская объясняет, будто бы ее рука была придавлена во время игры в Александровском дворце с сестрами и Наследником Цесаревичем.

Я же отлично помню другой случай, когда Великая Княжна получила поранения руки⁸. Однажды после завтрака в Ливадии Августейшая семья отправлялась в прогулку на автомобилях, и в последнюю минуту Анастасия Николаевна, отличавшаяся большой живостью характера [и] порывистыми движениями, пожелала переменить место из одного автомобиля в другой, и, вскакивая в последнюю минуту в мотор, дверцей ей придавило довольно значительно палец так, что поездка была отставлена, и Великая Княжна долго ходила с перевязкой на руке. Совершенно невольно мне известно еще следующее из физических отличий Великой Княжны: когда Княжны были маленькие, то в плаваниях в шхерах Они ездили на берег пустынных островков купаться. Хотя Княжны носили купальные костюмы, тем не менее, на спине Анастасии Николаевны была довольно большая, в серебряный пяточок, родинка⁹, которую можно было видеть из-за выреза купального костюма. Мы, офицеры «Штандарта», назначались по очереди для охраны Княжон во время купаний, хотя для этого всегда с Княжнами купались матросы, одевавшиеся в парусиновые костюмы.

Мы смеялись над родинкой Великой Княжны и нажимали на нее как на пуговицу электрического звонка. Не следует упустить из виду, что в это время Анастасии Николаевне было пять – шесть, семь лет, т[о] е[сть] все Княжны были еще ребенками.

Подобная примета природы может лучше всего доказать правду.

⁵ Подчеркнуто карандашом.
Подчеркнуто карандашом.
Подчеркнуто карандашом.
Подчеркнуто карандашом.
Подчеркнуто карандашом.

Когда Княжна подросла, то Государыня Императрица говорила, что она выжжет¹⁰ или уничтожит каким-либо путем эту родинку, дабы она не портила бы декольте впоследствии, когда Великая Княжна превратится в барышню. Мне лично неизвестно, было ли это приведено в исполнение, но инспектора Сигуранцы чрезвычайно ухватились за этот признак и немедленно телеграфировали в Берлин, прося проверить, нет ли на спине какого-либо шрама или даже родинки. Ответ получился на имя г[оспо]жи Шпиндлер, что версия о родинке была известна не только мне, но уже запротоколена почти год назад в Июне 1925 года, и что теперь на месте родинки есть шрам. По-видимому, Государыня привела свое намерение в исполнение.

Прежде чем перейти к изложению дальнейших сходств и расхождений, считаю своим долгом сообщить следующее:

В 1919 году я волею судеб вынужден был служить в красном флоте СССР, занимая должность начальника шифровального отделения Штаба Балтийского Флота. При мне в качестве наблюдательницы от Чеки состояла некая особа женского пола, приходившая контролировать нашу работу. Женщина безусловно интеллигентная, сия особа, тем не менее, не могла справиться со своей задачей контролирования старых штабных офицеров, и под конец попала под наше влияние. Эта женщина сообщила мне за два дня до официального известия о мученическом убиении Священных Мучеников, о чем я почел своим долгом немедленно сообщить обер-гофмаршалу Высочайшего Двора графу Бенкендорфу, который постоянно проявлял лично ко мне особое свое внимание.

Покойный граф, в то время уже лежавший в тяжелом состоянии больным, пришел в ужас и просил меня держать его в курсе этого преступления. Поэтому я в это время очень часто бывал у него, и однажды ко мне пришел егерь графа Сорокин с просьбой немедленно прийти к графу. Это было спустя месяц после убийства Семьи. Я застал графа в постели, причем скоро вошла какая-то плачущая женщина, которая оказалась женой придворного повара Харитонов, который постоянно плавал с Их Величествами и был расстрелян вместе с Ними.

Сия женщина нам рассказала, что убийство было совершенно ночью, и что никто не думал, что Семью разбудили ночью для такого злодеяния. Повар Харитонов¹¹ сказал своей жене, что не покинет

¹⁰ Подчеркнуто карандашом.
Подчеркнуто карандашом.

семью, и ушел в дом, где содержались Мученики. Часа через два Харитоновна, обеспокоенная долгим отсутствием мужа, вышла во двор и увидела, что у подъезда стоят грузовики, в кои грузят какие-то предметы. В то же время один часовой ей сказал, что всю Семью убили и вот теперь вывозят трупы.

Одновременно она увидела, что какие-то вещи и сундуки часовые выносили за ворота, и вообще шел грабеж имущества Их Величеств. Тогда же ей сказали, что одна Княжна не была убита, но Харитоновна не могла нам сказать, что произошло затем далее.

В известной книге Роберта Вуильтона «The Last Days of the Romanovs»¹² (Thornton Butterworth Ltd. 62 St Martin's Lane London), бывшего корреспондента «Таймс» в Петербурге, на странице 89 можно читать следующее:

«Death had been instantaneous in the case of the parents and THREE of the children, and of Dr. Botkin, and two servants. Alexis remained alive in spite of his wounds, and moaned and struggled in his agony Yorovsky finished him with his Colt. One of the girls-presumably GRAND DUCHESS ANASTASIA – rolled about and screamed and when one of the murderers approached, fought desperately with him till he killed her. It seems as if the murderers had not been able to aim straight at the boy and GIRL»¹³.

Имя повара Харитоновна упомянуто на странице 87 той же книги. Хотя Вуильтон и говорит, что после борьбы Анастасия Николаевна была все же убита, тем не менее, Ее Величество Королева Мария Румынская, удостоившая меня вызвать к Себе по этому делу, считает, что возможно допустить, что Великая Княжна была спасена, принимая во внимание рассказ жены Харитоновна.

Таким образом, версия о спасении Великой Княжны Анастасии Николаевны была мне известна еще в 1919 году, и когда я сказал об [этом] моей агентше Чеки, то через несколько дней она мне передала, что некий высший чин Чеки сказал ей в ответ на эту версию, что убийство было совершено очень беспорядочно и неорганизованно, и что Главная Чека из Москвы послала немедленно комиссию для проверки этого дела.

¹² «Последние дни Романовых» (англ.).

«Смерть была мгновенной, в случае родителей и троих детей, а также доктора Боткина и двух слуг: Алексей, несмотря на свои раны, оставался жив, стонал и бился в агонии, Юровский прикончил его из Кольта. Одна из девочек, по-видимому, ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АНАСТАСИЯ, каталась и кричала, и когда один из убийц приблизился, отчаянно боролась с ним, пока он не убил ее. Кажется, что убийцы не могли целиться прямо в мальчика и ДЕВОЧКУ» (англ.).

Оставаясь в Совдепии до 20 года, когда я бежал, мне неоднократно приходилось слышать, что одна из Великих Княжон спасена¹⁴.

Переходя к дальнейшему изложению расследования, должен сказать, что если г[оспо]жа Чайковская не есть великая Княжна Анастасия Николаевна, то для того, чтобы научить простую женщину, или даже и интеллигентную, рассказывать все то, что г[оспо]жа Чайковская сообщает о своей бывшей жизни – надо, по моему мнению, организовать нечто вроде шт[а]ба, чтобы наполнить голову событиями и фактами, происходившими:

в Царском Селе,
в Ливадии,
в Ставке и
на яхте «Штандарт».

Не зная, кто мог бы дать все сведения об Августейшей Жизни в первых трех пунктах, могу сказать, что о жизни на яхте могли дать подробные сведения только офицеры яхты, или немногочисленные лица свиты, плававшие с Семей.

А между тем сведения о плавании на яхте иногда поразительно точны¹⁵. Так, между прочим, г[оспо]жа Чайковская говорит, что при них были назначаемы «дядьки» из матросов. Это действительно так, но это было только в первые два – три года плавания, пока Княжны были маленькие, и была опасность, что Они могли бы упасть за борт или что-либо вроде этого.

Рассказ г[оспо]жи Чайковской о том, что Наследник Цесаревич имел ящик с игрушками на мостике над Царской Рубкой – столовой – правилен, но вход на эту рубку был почти что запрещен посторонним, потому что от хождения по ней портилась подволока – потолок в столовой, да и вход на нее был чрезвычайно неудобен – по крутым и узким трапам. Да и играл на ней Наследник весьма редко, хотя и играл.

Любимое место Государыни на яхте, под грот-мачтой, г[оспо]жа Чайковская указывает весьма правильно, но это не трудно, потому что это было весьма на виду.

Любимым местом пребывания на ходу яхты Семьи был нижний ходовой мостик, что широкой публике не могло быть известным.

Что Государь Император любил кататься на двойке по утрам, причем на руле всегда бывали княжны – это правильно, но указание, что иногда Государь брал собой Наследника на руль – совершенно

¹⁴ Подчеркнуто карандашом.

¹⁵ Подчеркнуто карандашом.

не правильно, потому что Наследник с раннего утра уезжал на берег и играл в военные игры с юнгами яхты. Лично я не помню, пожалуй, ни одного случая, чтобы Наследник сопровождал Государя при этих катаниях.

Рассказы г[оспо]жи Чайковской о каютных размещениях на яхте удивительно верны, именно, что Княжны долго не имели своих отдельных кают, а спали по две в каюте с нянями – Теглевой и Эребберг или Уткиной – это довольно интимные подробности, пожалуй даже команде яхты неизвестные.

Потайной ход из уборной Государыни в нижние каюты, где спали Княжны, – тоже довольно тайного характера, тем более, что, проходя по этому ходу, Государыня должна была входить в каюту своей горничной Тутельберг, что, по-видимому, стесняло Государыню, и Ее Величество очень редко пользовалась этим ходом.

В этих каютах были диваны для пассажиров и также кушетки, под коими были устроены ванны. Поэтому для Великих Княжон привозили походные кровати, на коих Они спали, а на диване же спали няни. Наличие ванн в спальнях было очень негигиенично и неудобно, поэтому судовое начальство все время просило Их Величеств переменить Княжнам каюты, но Их Величества говорили, что пока Дети маленькие – хорошо и так.

Об этом г[оспо]жа Чайковская рассказывает довольно подробно, а между тем это могло быть известным только весьма малому числу лиц. На юте яхты для Детей была устроена электрическая карусель, для чего приспособили кормовой швартовный шпиль, однако карусель особенного успеха не имела вследствие тихого хода, но упоминание об этом развлечении г[оспо]жой Чайковской показывает, что либо она действительно бывала на яхте в 1906–07 годах, либо ей кто-либо об этом рассказал из весьма осведомленных лиц, плававших на яхте. Повторяю, что эта забава была очень скоро заброшена. Почти ничего г[оспо]жа Чайковская не говорит о позднейших плаваниях на яхте, когда у нее должно бы было более сохраниться воспоминаний.

Ни одну фамилию из офицеров, плававших на яхте, г[оспо]жа Чайковская не называет, и тогда я просил Сигуранцу переслать г[оспо]же Чайковской фотографию Государя Императора на двойке под веслами, когда я был назначен грести с Его Величеством.

Фотография эта, прилагаемая при сем, снята лично Ее Величеством, которая была на руле двойки.

Судовой механик и Н. В. Саблин

Великие княжны
на яхте «Штандарт»

Николай II с Цесаревичем Алексеем
в шлюпке

Яхта «Штандарт»

Александра Федоровна и Цесаревич
Алексей на «Штандарте»

Великие княжны
на яхте «Штандарт»

Великие княжны

Ливадия, после
игры в теннис.
Слева лейтенант
Н. Родионов,
далее Великие
княжны Татьяна
и Анастасия,
Николай II,
Великая княжна
Ольга

К сожалению, г[оспо]жа Чайковская не только не узнала меня, но даже не могла вспомнить мою фамилию, между тем как невозможно себе представить, чтобы при виде этой, можно сказать единственной в мире, фотографии – и весьма редкой – у лица, называющего себя Дочерью Государя – не воскресло бы в памяти хотя бы что-либо похожее на мою фамилию. Таких фотографий двух на свете нет.

С другой стороны, г[оспо]жа Чайковская просила меня спросить, нет ли у меня крестика, которые Государыня давала очень ограниченному числу лиц. Это простой медный крестик без какой-либо цены, но Великие Княжны получали их от Государыни и давали офицерам, наказывая хранить эти крестики более всего либо другого на свете.

Мне неизвестно происхождение этих крестиков, но факт тот, что такой крестик я имел и дорожил настолько, что вывез на шею со своим крестильным крестом. По желанию г[оспо]жи Чайковской я отослал этот крестик ей в Берлин и, по словам г[оспо]жи Шпиндлер, г[оспо]жа Чайковская сразу признала этот крестик. Получил же этот крестик из рук В[еликой] К[няжны] Татьяны Николаевны, после одного бурного и туманного перехода, когда я стоял на вахте и был ответственен за благополучный ход яхты.

Одновременно с вышеприведенными расспросами г[оспо]жа Шпиндлер спросила меня, как бессарабца, не слыхал ли чего-либо о циркулировавших в Бессарабии слухах о появлении Дочери Государя.

Совершенно случайно я имел случай видеть одну еврейку, занимавшуюся контрабандной перевозкой из Совдепии, которая мне говорила, что в Сороках она слыхала о переходе через границу будто бы дочери Государя. Я указал адрес этой еврейки, и г[оспо]жа Шпиндлер немедля выехала в сопровождении агента Сигуранцы в наш уезд, а также в Кишинев, где она производила розыски в течение двух недель, опросила означенную еврейку, посетила массу сел, через которые будто бы дочь Государя проезжала, но население хотя и рассказывало о слухах, но упоминало имя Татьяны Николаевны, и никто решительно не мог сказать видел ли он лично претендентку или мог бы указать на лицо, видевшее таковую. Эти розыски не дали никаких результатов.

5 Марта прошлого года я имел счастье быть вызванным во Дворец Котрочены Их Величеств Короля и Королевы Румынии по настоящему делу и принят Ее Величеством Королевой Марией.

В течение часа времени Ее Величество весьма подробно изволила выслушать мои объяснения, перед этим Ее Величеству были представлены мои книги об Августейшей Семье, Ее Величество сравнивала

фотографии, я изложил все, что могло бы пролить малейший свет на эту загадочную историю, причем Ее Величество изволила сказать, что в случае если эта несчастная больная женщина действительно есть Дочь Государя Императора, то при малейшей уверенности Ее Величество не преминет оказать Ей всяческую помощь.

На мое замечание, что если это есть действительно спасаемая Великая Княжна – [это] самое святое, что у нас осталось, Ее Величество изволила ответить: «Подумать только, что это может быть дочь Моего Кузена и Государя!».

Но розыски в Румынии не дали каких-либо положительных результатов. Генеральный Директор Сигуранцы г[осподи]н Ромулус Войнеско, человек большего образования и специализировавшейся в подобных делах, заявил:

«50 % говорит, что это Дочь Государя, 50 % говорит против».

Что касается до полной забывчивости родного языка, что чрезвычайно поражает всех лиц, так или иначе прикасавшихся к этому делу, то позволю себе привести заявление некоего г[осподи]на Стамоглу, беженца из Одессы, господина, заслуживающего всякого доверия, проживающего в Бухаресте, который мне рассказал, что его родная сестра, будучи арестована Одесской Чекой вместе с мужем, пережила несколько весьма тяжелых часов в подвалах Чеки, после чего муж этой особы был расстрелян, а эта особа выпущена. По освобождении эта дама престарелых уже лет совершенно забыла русский язык, на котором говорила с детства, хотя и гречанка по происхождению, и только через две недели, оправившись от ужасов, к ней вернулся русский дар слова.

Проводя много часов с г[оспо]жой Шпиндлер в разговорах о г[оспо]же Чайковской, прекрасно понимая всю ответственность за свое мнение, перебирая в памяти все, о чем г[оспо]жа Чайковская рассказывает, я должен по совести сказать, что, принимая во внимание свидетельства Вуилтона, рассказ жены повара Харитонова, сведения агентши из Петроградской Чеки, заявление такого высокого чина Чеки, что убийство было совершено необдуманно и второпях, у меня составилось представление, что факт спасения Великой Княжны может быть фактом действительности.

Прослужа три года в красном флоте¹⁶ и на ответственной должности начальника шифровального отделения Штаба Балтийского фло-

¹⁶ Подчеркнуто карандашом.

та, затем будучи начальником Санитарной флотилии Красного Креста, я имел случай очень близко встречаться с коммунистами. Более некультурных, более диких, более глупых, более, прошу за выражение извинить, дураков – я не могу себе представить.

Теперь не время, да может быть, и не к чему рассказывать, что происходило в Штабе Балтийского флота во время наступления генерала Юденича¹⁷, в отражении коего суда Флота принимали главнейшее участие, но это по своей глупости, по непониманию большевиками всей провокации, кою проявлял штаб Флота – превышает человеческое понимание. Достаточно сказать, что мои мичманы ездили на моих автомобилях к белым и возвращались через два часа со всеми нужными нам сведениями, кои немедля передавались по красному беспроводному телеграфу на суда английского флота, стоявшего в водах Финляндии. Еще маленькое усилие или, вернее, еще несколько часов времени – и задача генерала Юденича была бы выполнена. Большевики были на острие ножа, чтобы свалиться с него.

Вот почему я допускаю, что в кошмарном преступлении убийства Царской Семьи можно допустить факт спасения одной из Великих Княжон. Как мы не видим порядка и намека на какую-либо законность в теперешнем режиме большевиков – так таковых же не было и при водворении большевизма.

Не надо упускать из вида, что не все служащие у большевиков истинные коммунисты, можно сказать, что большинство провоцирует советскую власть и поэтому существование Чайковского, спасшего Великую Княжну, не представляется уж таким невероятным.

После отъезда г[оспо]жи Шпиндлер я получил от нее письмо, в коем она пишет, что после рассказов обо мне г[оспо]же Чайковской сия особа вспомнила обо мне и просила меня прислать, если у меня имеется, фотографию Государыни, играющей в теннис с Государем. Всякий, кто сколько-нибудь имел счастье знать Ее Величество в последние годы, отлично знал, что если Ее Величество и играла когда-либо в теннис, то только вероятно в молодые года, невозможно себе представить Ее Величество с Ее болезнью сердца в последние годы, играющей в теннис.

Но в то же время г[оспо]жа Чайковская просит меня прислать ей фотографию Государя, играющего в теннис с Герцогом Гессенским в Ливадии. Таковая фотография существовала и была у меня, но оста-

¹⁷ Наступление Юденича на Петроград было проведено в октябре-ноябре 1918 г.

лась в моем архиве, спрятанном в морском архиве в Петрограде. Откуда у г[оспо]жи Чайковской могла появиться мысль или сохраниться в памяти таковая фотография?

В заключение должен сказать, что только тщательные и кропотливые поиски могут пролить свет на это загадочное дело. Не дело Сигуранцы и полиции производить эти розыски в Бессарабии. Это нужно сделать тайно и лицами совершенно частными. Свидетели боятся и никогда не скажут правду чинам официальным и должностным. Российское Представительство в Бухаресте сделало со своей стороны все возможное для облегчения задачи г[оспо]жи Шпиндлер, но положение этого Представительства весьма деликатно в Румынии, равно как и частных лиц, кои преданы и обязаны своей карьерой и даже жизнью Незабвенному дому Романовых, в течение трех веков ведших нашу несчастную Родину к Величию, Благоденствию и Процветанию.

Николай Саблин

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 47. Л. 3–9. Подлинник. Машинопись.

**№ 14. Письмо Николая Васильевича Саблина Великому князю
Андрею Владимировичу о ходе расследования
по делу Анастасии Чайковской в Румынии**

Бухарест

8 Июня 1927 года

Ваше Императорское Высочество,

В ответ на Всемилостивейшее письмо Вашего Императорского Высочества от 28 Мая с[его]/г[ода] спешу всепреданнейше донести, что мне представляется удивительным, что Старший Лейтенант Родионов не помнит случая поранения пальца В[еликой] К[няжны] Анастасии Николаевны.

Не сомневаясь в искренности означенного офицера и моего товарища и друга, в заключении означенного письма я позволю себе представить на усмотрение Вашего Высочества некоторые взгляды различных лиц на интересующее Вас дело.

Относительно жены повара Харитоновы я положительно утверждаю, что женщина, дававшая показания Графу Бенкендорфу в Петрограде в квартире княгини Салтыковой, сестры графини Бенкендорф, была мне представлена как жена повара Харитоновы.

Насколько я отчетливо помню, сия женщина говорила, что была в момент убийства Царской Семьи с мужем. Возможно, что потом она вернулась в Тобольск, где ее снова встретил камердинер Его Величества Волков, которого я хорошо знал по плаваниям на яхте.

Точно установить, когда была жена Харитоновы в Петрограде, я не в состоянии, но подтверждаю, что это было вскоре после убийства Семьи.

Принимая во внимание свирепствовавший террор, я думаю, что посещение этой женщиной Графа Бенкендорфа в доме бывшего Английского Посольства должно было быть обставлено величайшей тайной, ибо нет сомнения, что за этой квартирой и самим домом было установлено сильнейшее наблюдение со стороны Чеки.

Розыски доктора Шурихта пока не дали каких-либо положительных результатов. Я провел несколько вечеров с означенным лицом, рассказывая ему всевозможные подробности о Царской семье.

Недели две тому назад г[осподи]н Шурихт должен был выехать в Яссы, и с тех пор я не имею никаких сведений о нем.

Адмирал Константин
Дмитриевич Ниллов
и Николай II

Яхта «Штандарт»

Царская семья
на автомобильной прогулке
в Крыму

Частитие царской семьи на ферме.
Стоит четвертый слева Н. В. Саблин

Императрица
Мария Федоровна

Александра Федоровна, Великая княжна,
и Н. В. Саблин:

Между прочим, г[осподи]н Шурихт рассказал нам, что г[оспо]жа Шпиндлер, производившая в прошлом году розыски, уехала обратно в СССР и будто бы получила место на службе у коммунистического правительства. Это известие произвело тут самое скверное впечатление, и в связи с этим позволяю себе доложить Вашему Императорскому Высочеству, что уже в прошлом году мне пришлось выслушать немало упреков со стороны влиятельных лиц русской колонии в Бухаресте – зачем я вмешался в настоящее дело, что все это глупости и вредное для общественности явление.

В частности, очень против расследования этого дела [были] чины бывшего императорского Посольства в Бухаресте.

Я же стою на той точке, что выяснение этого дела чрезвычайно важно. С тех пор как стало известно, что г[оспо]жа Шпиндлер передалась большевикам, и когда возникло подозрение, не была ли она агентом ГПУ, отношение к розыскам совершенно изменилось, и многие лица просто не желают ничего ни слушать, ни говорить.

Этим возможно объяснить и запамятование офицеров, указанных мною Вашему Высочеству, как свидетелей некоторых фактов из жизни Царской Семьи.

Тем труднее и тягостнее труд Вашего Императорского Высочества по пролиту света на интересующее Вас дело.

Для меня лично отрадно было то большое участие и внимание, каковые благоугодно было оказать этому делу Королеве Румынии Марии в прошлом году.

К сожалению, в настоящем году, в связи с тяжелой болезнью Августейшего Супруга Королевы Марии Короля Фердинанда, мы не посмели решиться беспокоить Ее Величество просьбой приказать оказать нам содействие властей, хотя доктор Шурихт мне говорил, что всюду встречал полное внимание и готовность в помощи.

Принося Вашему Императорскому Высочеству мою всепреданнейшую благодарность за внимательные обращения, всепокорно прошу принять уверения в моей постоянной готовности приложить свои силы для облегчения тяжелой задачи Вашего Императорского Высочества.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга
Капитан 2-го ранга Н. Саблин

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 47. Л. 21–22. Подлинник. Машинопись.

**№ 15. Показания Зинаиды Сергеевны Толстой
о посещении ею в 1922 году «неизвестной больной»**

[Берлин]

[1927 год]

Утром 9 Марта 1922¹ года протелефонировал мне Степан Сергеевич Андреевский, прося дать ему адрес Баронессы Буксгевден. Через час он вторично мне позвонил и сказал, что Баронесса сейчас гостит вне Берлина у Принцессы Ирины Прусской и что поэтому ему нужно спешно видеть меня по очень важному делу. Приехав ко мне, он мне передал, что несколько дней тому назад во двор Русской церкви к продававшему там открытки Царской Семьи офицеру лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка некому Швабе подошла одна старуха и сказала ему, что в лечебнице для умалишенных «Дальдорф» находится Вел[икая] Княжна Татьяна Николаевна, что она с ней там помещалась в одной комнате, так как сама нечаянно попала в сумасшедший дом, и дала Швабе адрес и все указания, как ее там найти. Заинтересовавшись этим сообщением, Швабе отправился в больницу с одним своим знакомым немцем, и они оба были потрясены сходством больной с Вел[икой] Кн[яжной] Татьяной Ник[олаевной], которую, видимо, очень взволновал их приход, особенно когда Швабе показал ей фотографию Императрицы Марии Федоровны; но ни на какие их расспросы она не ответила. [Швабе] доложи[л] об этом Маркову II, последний и поручил Андреевскому приехать ко мне и просить меня съездить в сумасшедший дом повидать больную. Предварительно мы с Андреевским сейчас же съездили в Полицию, где нам показали фотографию этой больной и сказали, что в Феврале 1920 года ее вытащили в Берлине из воды, так как она хотела лишиться себя жизни, и ввиду того, что она не говорила своего имени, сочли ее за ненормальную и поместили в лечебницу «Дальдорф» под именем «Fräulein unbekannte»².

10 Марта³ рано утром я с моей дочерью, Андреевским и Швабе отправились в больницу. Еще с собой мы взяли доктора, который, в случае если бы мы ее узнали, мог бы помочь ее сразу же взять оттуда. Приехав туда, мы сказали, что разыскиваем одну свою знакомую,

¹ Подчеркнуто от руки.

² «Неизвестная девушка» (нем.).

Подчеркнуто от руки.

и просили видеть «Fräulein unbekannte». Нас провели в приемную комнату, обещав ее сейчас нам привести, но больная не захотела выйти, и нам сказали, что она вообще очень волновалась после визита Швабе и просила к ней больше никого не пускать. Тогда нас повели в общую палату, где она находилась. Услышав наши шаги, больная, которая лежала в кровати, быстро закрылась с головой и ни за что, несмотря на все наши просьбы, не хотела раскрыться. Наконец нам удалось немного приподнять одеяло, и мы тоже поразились ее сходству с Вел[икой] Кн[язной] Татьяной Ник[олаевной]. Целый час мы с ней там промучились, но как следует себя рассмотреть она нам не дала, потому что, как только мы хотели отнять одеяло, она с большой силой сопротивлялась, кусалась и делала невероятные гримасы, когда было видно ее лицо. По-видимому, наш приход ее очень расстроил, так как она все время плакала, особенно когда мы ей показали одно письмо, которое нам прислала из Тобольска Вел[икая] Кн[язна] Татьяна Ник[олаевна], и образ точно такой же, какой мы послали Царск[ой] Семье в Тобольск. Не добившись от нее ни одного слова (мы с ней говорили по-русски и немецки, конечно, не делая намеков, что принимаем ее за Вел[икую] Княжну), я поехала к Маркову II, которому сказала, что нашла определенно сходство с Татьяной Ник[олаевной], но не могу на себя взять ответственности ее признать, и посоветовала ему вызвать Баронессу Буксгевден, знавшую гораздо лучше меня Великих Княжон. Андреевский в этот же день за ней поехал к Принцессе Ирине Прусской. У ворот больницы Марков учредил дежурства офицеров, боясь, чтобы больную куда-нибудь не увезли, так как ходили слухи, что ее собираются перевезти в другой город; а меня он попросил на следующий день опять съездить в лечебницу, думая, что, может быть, без посторонних свидетелей больная со мной поговорит, поэтому 11 Марта⁴ я с моими двумя детьми опять туда отправилась. Нам сказали, что больная всю ночь не спала и была в очень нервном состоянии. Мы просили ее не предупреждать о нашем приезде и неожиданно вошли в ее палату. Она сидела на кровати и, обернувшись в сторону двери, при виде нас быстро опять юркнула под одеяло. Опять мы ее долго упрашивали раскрыться, сказать нам, кто она, но все было тщетно, она только опять рыдала, что-то невнятно бормотала и, схватив мою руку, не выпускала ее и сильно сжимала. Наконец пришел доктор, который стянул с нее одеяло, а сиделки схватили ее за руки, она опять стала

⁴ Подчеркнуто от руки.

гримасничать, и все лицо и шея покрылись от волнения красными пятнами, но все же нам удалось лучше ее разглядеть и безусловно сходство с Татьяной Ник[олаевной] было у нее большое. На все наши расспросы о ней доктор и сестры милосердия нам сказали, что она никогда не хотела им говорить своего имени; страдала какой-то манией преследования и страхом, чтобы кто-нибудь ее не узнал; читала газеты и очень интересовалась политикой, особенно событиями в России; что за все время ее пребывания в больнице ее всего несколько раз навещил какой-то молодой человек в высоких сапогах со шпорами, что она с ним говорила как со знакомым на русском или польском языке и после его ухода всегда очень волновалась; что вообще она была со всеми служащими мила и вежлива, и что они все в больнице ее любили. Единственно, что нас смутило – это ее рост, так как на наш вопрос об этом (мы ее видели только лежащей) нам ответили, что она маленькая, а Вел[икая] Кн[язна] Татьяна Ник[олаевна] была высокая.

В этот день вечером приехала в Берлин Баронесса Буксгевден, и на следующее утро я с ней, ее отцом, Андреевским и Швабе опять поехали в «Дальдорф». Входя в палату, мы в дверях встретились с той старухой, которая первая у церкви рассказала Швабе о больной. Увидев нас, «Unbekannte»⁵ опять спряталась. Баронесса Буксгевден обратилась к ней по-английски, называя ее «My darling»⁶, но та опять ничего не говорила и не хотела показаться, а когда доктор силой сорвал с нее одеяло и стали ее держать (с кровати ни одного раза при мне ее никто не стаскивал), лицо опять покрылось красными пятнами и она опять стала делать гримасы, кусалась и пряталась. Посмотрев внимательно на нее, Баронесса сказала, что это не Татьяна Ник[олаевна], и пошла к двери, где на нас набросилась старуха и стала нам доказывать, что «Unbekannte»⁷ – Великая Княжна, что она ее сразу же узнала, так как где-то в России видела проезжавших в экипаже Царских Детей, и что будто бы больная носит всегда на себе фотографию Царской Семьи, которую нам и показала. Это была всем известная группа, которую продавали в Берлине повсюду, что я ей и заметила. Вообще старуха производила неприятное впечатление. После этого Баронесса предложила еще раз посмотреть на больную и совершенно определенно высказалась против того, что она Великая

⁵ «Неизвестная» (нем.) – вписано от руки.

⁶ «Моя дорогая» (англ.) – вписано от руки.
«Unbekannte» – вписано от руки.

Княжна, но добавила: «Да, рука напоминает Императрицу, и в лице есть сходство с Татьяной Н[иколаевной], но волосы светлее и жестче, чем были у Вел[икой] Княжны, и рост неподходящий». После такого безапелляционного определения мы уехали совершенно успокоенные.

В начале 1922 года мне вдруг протелефонировала моя тетя С[офья] П[етровна] Бельгард и с волнением стала рассказывать, что к ней приходила старуха Пойтерт, которая ей сказала, что в больнице «Дальдорф» находится Вел[икая] Княжна Анастасия Ник[олаевна]. На что я ей ответила, что мы ее видели, и что Баронесса Буксгевден не нашла сходства у больной с Вел[икими] Княжнами, но меня очень удивило, что старуха, говорившая раньше Швабе про «Unbekannte»⁸ как про Татьяну Ник[олаевну], теперь рассказала тете, что она – Анастасия Ник[олаевна]. Взволновавшись тем, что эта история продолжается, когда мы ее считали уже законченной, я решила съездить опять в лечебницу повидать больную и на следующий же день, взяв с собой мою дочь и M[ademoiselle]⁹ Кирееву, туда отправилась. Нам там сказали, что «Unbekannte»¹⁰ после всех наших посещений очень сильно заболела, но теперь поправилась; что ею заинтересовались Барон и Баронесса Клейст, которые часто ее посещают, и которых, по видимому, она не боится и говорит с ними. Мы просили ее не предупредить о нашем приходе и когда вошли в палату, то застали ее сидящей в shaise-longe¹¹ около окна. Увидев нас, она опять сильно покраснела, закрыла лицо руками и стала волноваться. Мы ее долго опять упрашивали с нами поговорить, но ничего от нее не добились. В это время пришла сиделка и сказала, что надо ей идти гулять. Тогда мы ее подняли с кресла, и я с сиделкой повели ее под руку. Она оказалась маленького роста и своей фигурой нам напомнила Вел[икую] Кн[язьну] Анастасию Ник[олаевну], но лицо скорее было похоже на Татьяну Ник[олаевну] и нам показалось дико, если допустить мысль, что это Анастасия Ник[олаевна], что она могла бы до того измениться, так как между этими двумя Сестрами не было никогда раньше такого поразительного сходства. Выйдя в коридор, мы остановились у окна, и она, облокотившись о подоконник, опять старалась закрыть лицо. На наши вопросы, кто она и почему не хочет с нами говорить, она молча

⁸ «Unbekannte» – вписано от руки.

⁹ «M-elle» – вписано от руки.

«Unbekannte» – вписано от руки.

«Длинный стул, шезлонг» (англ.) – вписано от руки.

мотала головой и только раза два сказала тихо: «Nein»¹². После всего этого мы уехали, опять не признав ней Великую Княжну.

24 Июля 1922 года пришел ко мне сенатор Дмитрий Борисович Нейдгардт с просьбой отправиться с ним опять повидать «Unbekannte»¹³, которая с месяц находилась у Барона Клейста. По его словам, она совершенно определенно теперь сама утверждала, что она Вел[икая] Кн[язна] Анастасия Ник[олаевна], и я для очистки совести решила еще раз себя проверить и поехала туда. Застали мы ее и всю семью Клейст за чайным столом. «Unbekannte»¹⁴ со мной молча поздоровалась и все время смотрела исподлобья, ничего не говоря. В этот раз я нашла в ней меньше сходства с Вел[икими] Княжнами, чем в больнице. После чая Клейсты мне сказали, что больная очень любит музыку, и попросили меня сыграть на рояле, что я и исполнила. Тут произошел один случай, который меня смутил. Конечно, это могло быть простое совпадение, но все же я должна о нем упомянуть. Больная все время слушала спокойно музыку, но когда я стала играть один вальс, который мы за несколько дней до революции слышали с Вел[икими] Княжнами в исполнении Гулеско, и который Им до того понравился, что даже потом в своих письмах ко мне Они о нем вспоминали, она вдруг заплакала. После этого я сейчас же прекратила играть, но Клейстам не рассказала, в чем дело. Потом Барон пригласил меня в свой кабинет, расспрашивал о моем впечатлении, стал показывать все записи о рассказах больной и сказал, что она говорит, что Вел[икая] Княгиня Ксения Алекс[андровна] ее называла «Астушкой», и что это было бы интересно проверить. В это время меня вызвали к ней на балкон, и когда я пришла, то она стала целовать меня, плакать, умоляюще смотреть на меня, крепко прижиматься ко мне и не хотела отпускать, когда я сказала, что иду домой, но опять ничего не говорила. Тогда Клейсты, чтобы ее успокоить, сказали, что на следующий день привезут ее ко мне, чему она очень обрадовалась; а я была этим тоже очень довольна, так как у нас в гостиной стояло много фотографий Царской Семьи, и меня интересовало, как она на это будет реагировать; но повторяю, что несмотря на ее трогательное отношение ко мне, я ушла совершенно не убежденной, что это Анастасия Ник[олаевна]. Вечером я все же написала об этом в Копенгаген Вел[икой]

¹² «Нет» (нем.) – вписано от руки.

¹³ «Unbekannte» – вписано от руки.

¹⁴ «Unbekannte» – вписано от руки.

Княгине Ксении Алекс[андровне] и спросила, верно ли, что Она Ее называла «Астушкой». В день обещанного Клейстами визита они мне протелефонировали, что «Unbekannte»¹⁵ ходила к дантисту, у которого ей вырывают зубы, и что впрыскивания на нее так сильно действуют, что ей нездоровится, и она не может приехать.

31 Июля рано утром вдруг опять был мне телефон от Клейст[ов], что больная при смерти и хочет меня видеть, так как собирается мне поведать какую-то тайну. Я, конечно, сейчас же туда отправилась, взяв с собой M[ademoiselle]¹⁶ Кирееву и Всеволода Викторовича Брянского, так как хотела иметь своих свидетелей и помощников. В дверях нас встретил Клейст с испуганным видом, сказал, что «Unbekannte»¹⁷ в бессознательном состоянии, что он никому не позволит войти в ее комнату, причем, жестикулируя, кричал, что для этого должны будут перейти через его труп, что он теперь умывает свои руки и всю ответственность перед Царской Семейей слагает на меня. На что я ему возразила, что на это не согласна, так как, во-первых, не знаю причины болезни и требую, чтобы мой доктор освидетельствовал больную, а во-вторых, ему сказала, что до сих пор еще не признавала ее за Вел[икую] Княжну; но что раз теперь дело принимает такой оборот и она мне хотела что-то сказать, я прошу разрешить несколько дней дежурить при больной, чтобы все время за ней наблюдать. На что он согласился, но всем своим поведением произвел на нас неприятное впечатление. Когда меня провели к «Unbekannte»¹⁸, она лежала без чувств, белая как полотно. Жена и дочери Барона находились при ней. Что было с ней – я до сих пор не знаю, так как, когда приехал мой доктор Голубев, его к ней не пустили, говоря, что без того доктора, который ее лечит, нельзя ему видеть больную, а тот доктор так никогда при Голубеве, которому два раза назначали rendez-vous¹⁹, не появился. Мне несколько раз все же удалось его видеть, он говорил, что у нее туберкулез и что она не может долго жить, но мне казалось очень странным то, что после его визитов больной почти всегда на некоторое время становилось хуже и она была в каком-то одурманенном состоянии. Весь этот день я провела с «Unbekannte»²⁰. Она несколько раз повторила во сне имя

¹⁵ «Unbekannte» – вписано от руки.

¹⁶ «M-elle» – вписано от руки.

«Unbekannte» – вписано от руки.

«Unbekannte» – вписано от руки.

«Встречу» (фр.) – вписано от руки.

«Unbekannte» – вписано от руки.

«Вероника», что меня очень заинтриговало, а когда она к вечеру стала приходить в себя, и я, к ней нагнувшись, ее спросила: «Вы спали?». Она мне по-русски ответила: «Я спала».

На следующий день было 19-е Июля (по старому стилю) – день памяти преподобного Серафима Саровского, и я ей принесла образок этого Святого на платиновой цепочке. Когда я к ней вошла, она мне очень обрадовалась, стала меня целовать и плакала, особенно когда я, взяв ее руку, перекрестила ее и дала ей приложиться к образку. Весь день опять я просидела возле ее кровати, и она все время ко мне ласкалась, держала мою руку около сердца, целовала ее и говорила: «Nur so bin ich ruhig»²¹. Но из-за слабости мало разговаривала, только вспомнила о своей Бабушке и Тетях, сказав, что Тетю Ольгу²² больше любила, так как Та с ней всегда играла, и хотела бы теперь Ее видеть. Я с ней разговаривала по-русски, а она отвечала совершенно правильно, но по-немецки, что меня очень смущало, так как Вел[икие] Княжны скверно владели этим языком; причем она очень медленно произносила слова, тогда как Вел[икие] Княжны, наоборот, говорили страшно быстро. Конечно, эту перемену в разговоре можно было себе объяснить ее болезненным состоянием здоровья. Французский язык она совсем не понимала. Когда я ее спросила – почему она не хочет говорить по-русски, она ответила, что ее Мать Им запретила говорить по-русски из-за того зла, которое русские Им сделали. Эта фраза меня удивила, так как уж очень была непохожа на Императрицу! Но все-таки в этот день у меня закралось сомнение, и я стала допускать мысль, что это может быть Анастасия Ник[олаевна], уж очень она была в типе Вел[иких] Княжон; а она сама, по-видимому, находила совершенно лишним еще говорить мне, кто она, и сразу же разговаривала со мной как со знакомой. Последующие два дня я неотлучно находилась при ней, и ее силы понемногу к ней возвращались. Все Клейсты называли ее «Appchen»²³, рассказывали о многих удивительных ее воспоминаниях, показывали нам очень странный немецкий роман, в котором описывалось убийство Царской Семьи и что красноармеец спас Вел[икую] Кн[язну] Анастасию; а сам Барон мне все время говорил, что уверен, что у нее был ребенок от солдата, и что, вероятно, это и есть та тайна, которую она мне хотела

²¹ «Только так я спокойна» (нем.) – вписано от руки.

²² Подчеркнуто от руки.

²³ «Appchen» – вписано от руки.

сказать. Еще мы от них узнали, что они постоянно водили больную в одну «Bierstube»²⁴, где давали ей вина, чтобы развязать язык, и тогда ее допытывали. Раз как-то туда пригласили Саблина, который также ее тогда не узнал, и который, чтобы ее проверить, вынул из кармана и положил на стол один портсигар, который ему подарила Царская Семья, но «Unbekannte»²⁵ на это не обратила внимания. Еще приходил к Клейстам Г[еоргий] Н[иколаевич] Папа-Федоров (муж фрейлины Бюцовой) и больную тоже не признал, хотя, по словам Клейст, она на одной из его фотографий Царской Семьи указала, где его жена. У Клейст постоянно бывал Швабе, который с женой был тогда совершенно убежден, что «Unbekannte»²⁶ – Вел[икая] Княжна, и даже назвал в ее честь Анастасией недавно родившуюся дочь, у которой больная захотела быть крестной матерью и подарила ей ложку с выгравированным по-русски именем «Анастасия» на ней. Он нам рассказал, что «Unbekannte»²⁷ им говорила, что Вел[икая] Княгиня Ольга Алекс[андровна] называла ее «Швицсом»²⁸. Ко мне больная все продолжала замечательно ласково и трогательно относиться, но мало еще говорила. На все мои вопросы, которые могли бы мне доказать, что это именно Анастасия Ник[олаевна], она грустно качала головой, схватывалась за лоб и жалобно говорила: «Kopf Krank!»²⁹.

Вообще она производила впечатление очень жалкое, имела вид затравленного зверька, и видно было, что нуждалась в ласке и участии, причем была очень внимательна, воспитана и деликатна. Раз как-то я ей сказала, что у меня сильная головная боль – она этим очень взволновалась, сама стала примачивать мне лоб одеколоном и все время спрашивала, если мне лучше. Когда ей приносили завтрак или чай – она никогда не начинала есть без того, чтобы не предложить мне первой. Все твердые кушанья ей резали на мелкие куски, так как у ней многих зубов не хватало (некоторые, видно, были сломаны, так как торчали части от зубов)³⁰, и поэтому ей было трудно жевать. Особенное удовольствие ей доставляло, когда я ее сама, как маленького ребенка, кормила.

²⁴ Пивная (нем.) – вписано от руки.

²⁵ «Unbekannte» – вписано от руки.

²⁶ «Unbekannte» – вписано от руки.

²⁷ «Unbekannte» – вписано от руки.

²⁸ Подчеркнуто от руки.

²⁹ «Голова болит!» (нем.) – вписано от руки.

³⁰ Подчеркнуто от руки.

4 Августа³¹, придя к Клейст, я застала больную в очень нервном и возбужденном состоянии, и, когда мы с ней остались вдвоем, она вдруг с совершенно сумасшедшими глазами, вскочив на кровати, стала почти крича говорить по-немецки: «Скажите, почему убили моего Отца? Что Он такого сделал, чтобы с Ним могли так поступить?». Я начала ее успокаивать, но сама так этим взволновалась, что с нею вместе стала плакать. Немного придя в себя, она мне рассказала о всем убийстве Царской Семьи, что первым был убит Государь, и что когда это все началось, она, испугавшись, бросилась за Сестру Татьяну, которая, упав, покрыла ее; потом, что она почувствовала сильный удар по голове и больше ничего не помнила, а очнулась уже в избе, окруженная солдатами. Что, оказалось, ее спас Александр Чайковский, который был в карауле в Ипатьевском доме, что потом этот Александр со своей матерью Марией, братом Сергеем и сестрой Вероникой ее на телеге увезли и после длинного путешествия наконец добрались до Румынии, что она во время дороги носила какой-то прибор на лице, чтобы изменить форму носа и вообще сделать себя неузнаваемой, и что они все жили на ее драгоценности, зашитые в платье. После чего она добавила, что все, что с ней случилось – для нее наказание за то, что она, инстинктивно спрятавшись за Татьяну Ник[олаевну], не умерла вместе со Своими, что, попав в сумасшедший дом, она радовалась и думала, что никто никогда не узнает о ее существовании и она там спокойно умрет, и что когда мы к ней туда пришли, она очень испугалась и не хотела, чтобы ее признали, поэтому от нас пряталась; но меня сразу же узнала. Потом она стала говорить, как ее Родители любили Россию, и что она никогда не простит Русским их измены. Когда я ей сказала, что мы Им писали в Тобольск письма с просьбами разрешить нам туда приехать, но что Они нам ничего на это не ответили, она воскликнула: «Aber Sie Könnten selbst Kommen!»³² Как же мы могли вам написать об этом? Ведь тогда вас бы, наверное, постигла участь Шнейдер и Гендриковой!». На мой вопрос, если бы ей хотелось, чтобы Иза Буксгевден была возле нее, она ответила: «Nein, Ich liebe Sie nicht, weil Sie war nicht gut für uns und ich werde niemals mit Isa leben!»³³.

³¹ Подчеркнуто от руки.

³² «Но вы могли бы прийти сами!» (нем.) – вписано от руки.

«Нет, я ее не люблю, потому что она была не хороша с нами. Я никогда не буду жить с Изой!» (нем.) – вписано от руки.

Еще она мне показала шрам за ухом и на ноге, сказав, что это были штыковые раны, а про шрам на пальце³⁴ говорила, что он произошел от сдирания кольца. Про немного припухшие и больные губы и недостающие зубы сказала, что это последствия от побоев прикладом ружья. Конечно, в этот день я от нее ушла совершенно потрясенной и убитой всем слышанным, а M[ademoiselle]³⁵ Киреева, которая вызвалась дежурить ночью при «Unbekannte»³⁶, и которую я выдала за свою племянницу, чтобы она ее не боялась, рассказала, что всю ночь больная не могла спать, температура у нее поднялась почти до сорока, она все время металась, стонала, плакала и, указав ей на фотографию Наследника, висевшую над ее кроватью, сказала: «Страшно подумать, что и Его тоже убили!».

После всего этого я написала подробное письмо обо всем в Копенгаген и также Баронессе Буксгевден.

На следующий день³⁷ *³⁸ мы утром видели Маркова II, и я ему сказала, что почти уверена, что «Unbekannte»³⁹ Анастасия Ник[олаевна]. Тогда он ей послал цветов, так как она говорила, что их очень любила, а я ей днем принесла фиалок и фотографию Государя верхом у автомобиля. Она всему этому очень обрадовалась и положила карточку под подушку. Потом, очень покраснев и закрыв лицо руками, она стала мне говорить, что хочет мне поведать одну свою тайну, но что прямо не знает, как к этому приступить, так как ей очень стыдно, и просила дать ей честное слово, что никто об этом от меня никогда не узнает. После чего она мне рассказала, что у нее в Бухаресте родился мальчик от Александра Чайковского, которого она назвала Алексеем, что вскоре отец ребенка был на улице кем-то ранен в грудь, после чего у него сделалась скоротечная чахотка, и он умер. Тогда ей стало до того стыдно и неприятно все то, что с ней случилось, и потом, еще испугавшись, что кто-то напал на их след, она решила бежать в Германию к своим Тетям, что через границы она переходила пешком в тех местах, где нет стражи, и что, наконец, очутившись в Берлине, она решила покончить с собой и бросилась в воду. Ребенок, по ее словам, остался у Чайковских в Бухаресте, и она начала меня

³⁴ Подчеркнуто от руки.

³⁵ «M-elle» – вписано от руки.

³⁶ «Unbekannte» – вписано от руки.

³⁷ Подчеркнуто от руки.

³⁸ «b aug.» – сноска в тексте.

³⁹ «Unbekannte» – вписано от руки.

умолять его разыскать и ей привезти, так как говорила, что это теперь единственное утешение в ее жизни, и добавила: «Sein Tot wird mein Tot sein»⁴⁰. Название улицы, на которой они жили, она не помнила, только знала, что она отходит от главной улицы, идущей от вокзала. Я ей обещала сходить в Румынское Консульство и постараться узнать.

Так как она опять была в очень грустном настроении, я ее стала утешать и говорить, что она теперь, наверное, скоро поправится и поедет к Бабушке и Тетям; на что она ответила, что с Бабушкой не хочет жить, так как: «Sie war nicht gut für meine Mutter!»⁴¹, – а только бы желала всегда быть со мной и просила меня взять тоже к себе ее ребенка. После чего она вдруг воскликнула: «Скажите Дмитрию Павловичу, чтобы он никогда не был бы царем, так как тогда с ним сделают то же самое, что сделали с моим Отцом!». Потом она мне рассказала, что ее Родители хотели, чтобы он женился на Татьяне Ник[олаевне], и что он Ей очень нравился, а что ему больше нравилась Ольга Ник[олаевна] (У Клейст в гостиной почему-то стояла фотография Вел[икого] Кн[язя] Дмитрия Павл[овича]).

В это время в ее комнату вошел мой сын. «Unbekannte»⁴² сразу же отвернулась к стене и не стала на него смотреть. Когда он ушел, я ее спросила, почему она не хотела его видеть, на что она удивленно сказала: «Как, это был Ваш сын? Я его не узнала, так как ведь знала его еще маленьким». На мой вопрос, как его звали, она ответила, что не помнит, что все имена путаются у нее в голове. Когда вечером M[ademoiselle]⁴³ Киреева захотела вынести из ее комнаты цветы, она не позволила унести мои фиалки и оставила их на своем ночном столике. Помогая больной мыться, M[ademoiselle]⁴⁴ Киреева заметила, что у нее были очень некрасивые⁴⁵ ноги и темное пятно⁴⁶ в области желудка⁴⁷. Клейсты все время меня допытывали, не получила ли я ответа насчет «Астушки» от Вел[икой] Кн[ягини] Ксении Алекс[андровны] и поражались, что до сих пор не было письма. Я сама была удивлена такой непонятной задержкой, так как обыкновенно письма из Берлина в Копенгаген ходили очень скоро. Еще

⁴⁰ «Моя смерть – его смерть» (нем.) – вписано от руки.

⁴¹ «Она не была хороша с моей матерью!» (нем.) – вписано от руки.

⁴² «Unbekannte» – вписано от руки.

⁴³ «M-elle» – вписано от руки.

⁴⁴ «M-elle» – вписано от руки.

⁴⁵ Подчеркнуто от руки.

⁴⁶ Подчеркнуто от руки.

⁴⁷ Подчеркнуто от руки.

я заметила, что возле дома Клейст и ближайшей станции metro⁴⁸ стояли какие-то типы, которые следили за мной. Клейст отдал мне все свои документы насчет этого дела, и между ними оказалось письмо для Вел[икой] Кн[ягини] Ксении Алекс[андровны], написанное будто бы больной по-русски страшными каракулями. Текст приблизительно следующий: «Милая Тетя. Я жива, все подробности Тебе расскажет податель этого письма. Твоя Астушка». Клейст раньше сам собирался съездить в Копенгаген, но потом почему-то отложил поездку. Я тоже, к сожалению, не имея визы, не могла туда проехать и решила попросить Федора Николаевича Безака, который постоянно бывал в Дании, свезти Вел[иким] Княгиням эти нужные бумаги. На следующее утро я его вызвала и ознакомила со всем делом, указав на важность его расследования. Он охотно согласился мне помочь и съездить в Копенгаген, но в это время пришла его жена, которая категорически запретила ему ехать и вообще заниматься этой историей.

В этот же день утром моя дочь отправилась посидеть с больной, и у дома Клейст к ней подошел какой-то штатский еврейского типа и прямо спросил ее, куда она идет; на что, конечно, та ему не ответила. Все это было очень странно. Когда моя дочь вошла в комнату больной, та спала, и она тогда нарочно села таким образом, чтобы «Unbekannte»⁴⁹ не сразу могла ее заметить, а сама хорошо ее видела. Проснувшись, больная приподнялась и, глядя на фотографию Наследника, стала что-то долго шептать и потом со стоном упала на подушку. Тогда моя дочь подошла к ней и начала по-английски с ней разговаривать. В первую минуту та испугалась, а потом стала пристально на нее смотреть и водить рукой по лбу, видно стараясь что-то припомнить; а когда дочь, чтобы ее успокоить, сказала, кто она – больная ее поцеловала, ей обрадовалась и прибавила: «Я бы вас никогда не узнала, до того вы переменились, но правда, в нашем возрасте люди очень меняются – ведь меня тоже трудно узнать!». Почти все время, что моя дочь у нее просидела, она старалась с ней как можно больше говорить по-английски, и больная, все, по-видимому, понимая, правильно отвечала, но по-немецки. Разговор был малоинтересный, только когда больная сказала, что любит собак и лошадей, дочь у нее спросила, если она помнит наших маленьких пони, которые в Царском Селе очень нравились Вел[иким] Княжнам, но она об них не вспомнила.

⁴⁸ «Metro» – написано от руки.

⁴⁹ «Unbekannte» – вписано от руки.

Днем я сходила, как обещала, в Румынское Консульство, где получила целый список улиц, отходящих в Бухаресте от «Calea Victoriei»⁵⁰. Придя потом к больной, я ей прочла все эти названия, и она, очень обрадовавшись, сказала, что это была «Sfinții Voievozi Strada»⁵¹. В этот раз я решила ей сделать несколько проверок и, взяв с собой много всевозможных фотографий наших родных и знакомых, стала ей их показывать. Больная спокойно на них смотрела и все время повторяла: «Ich Kenne Sie nicht!»⁵², – но, когда еще издали увидела одну фотографию Вел[икой] Кн[язны] Ольги Ник[олаевны] с Ритой Хитровó, которую никто почти не знает и на которой трудно сразу их узнать, она вдруг закрыла глаза, откинулась назад и закричала: «Nein! Das Kann ich nicht sehen!»⁵³. То же самое еще раз повторилось с маленькой, любительской фотографией Татьяны Ник[олаевны]. Это меня поразило. Потом я, будто бы ей показывая красивые открытки, поворачивала их незаметно на обратную сторону, и она опять спокойно смотрела на почерки, но, когда только еще издали заметила почерк Татьяны Ник[олаевны], то опять попросила скорее спрятать эту открытку, хотя раньше видела почерк моей дочери, напоминающий Татьяны Николаевны, но на него не обратила внимания. В этом, конечно, мог только разобраться человек, великолепно знающий почерки Вел[иких] Княжон. Единственно, что меня смущало – это ее немного польский акцент, когда она выговаривала фамилию Чайковский и та манера, которой она произносила их все имена. Сына она называла «Alexis»⁵⁴, а мужа и его брата «Alexander»⁵⁵ и «Sergius»⁵⁶. Она говорила, что они хорошо к ней относились, но призналась в том, что будто бы перевели ее в католичество и добавила, что поэтому, когда я ее на днях перекрестила по-православному, она так заплакала. У Клейст в квартире еще жили две польки, которые часто при M[ademoiselle] Киреевой приходили к «Unbekannte»⁵⁸ и по-польски с ней говорили, так что M[ademoiselle] Киреева ничего не

⁵⁰ «Аллея Победы» (рум.) – вписано от руки.

«Улица Святых Князей» (рум.) (в тексте допущена ошибка – «Svinty» вместо «Sfinții») – вписано от руки.

⁵² «Я ее не знаю» (нем.) – вписано от руки.

«Нет! Я не могу этого видеть!» (нем.) – вписано от руки.

«Alexis» – вписано от руки.

«Alexander» – вписано от руки.

«Sergius» – вписано от руки.

«M-elle» – вписано от руки.

«Unbekannte» – вписано от руки.

«M-elle» – вписано от руки.

понимала, а они очень смешили и забавляли больную. Это нам тоже казалось странным, так как трудно было допустить, чтобы она могла так быстро научиться польскому языку, да еще в таком больном состоянии здоровья.

Вернувшись домой, я себя скверно почувствовала после всех тяжелых переживаний этих дней и сказала M[ademoiselle]⁶⁰ Киреевой, которая шла к больной на ночное дежурство, ей передать, что завтра не смогу к ней придти и прошу мне сделать удовольствие, написав мне несколько слов. (Нам интересно было получить ее почерк). Когда же та попросила об этом «Unbekannte»⁶¹, она ей ответила, что, к сожалению, писать совершенно из-за нездоровья не может; а на вопрос M[ademoiselle]⁶² Киреевой, что как же в таком случае она все-таки написала письмо Вел[икой] Кн[ягине] Ксении Алекс[андровне], которое дал нам Клейст, – больная очень удивилась и заявила, что никогда никакого письма не писала. Это обстоятельство нас очень озадачило. Кроме того «Unbekannte»⁶³ ночью сказала: «Иезус Мария», что нас также удивило.

На следующее утро я наконец получила долгожданный ответ от Вел[икой] Кн[ягини] Ксении Алекс[андровны]. Привожу его полностью:

Hvidor⁶⁴

29 Июля 1922

Милая Зинаида Сергеевна,

Спешу Вам ответить на Ваш вопрос. Нет, это опять что-то не то – я никогда ее так не называла. Но меня очень интересует, в чем дело, и буду Вам весьма благодарна, если Вы когда-нибудь объясните. Шлю сердечный привет.

Искренно Ваша

Ксения

21 Июля. 3 Августа.

Несносная почта – не разобрала мои каракули, но все же ясно написано – «Spon», а не «Schon».

Ксения

⁶⁰ «M-elle» – вписано от руки.

⁶¹ «Unbekannte» – вписано от руки.

⁶² «M-elle» – вписано от руки.

⁶³ «Unbekannte» – вписано от руки.

⁶⁴ «Хвидор» (дат.) – вилла в Дании, на которой после революции жила вдовствующая Императрица Мария Федоровна.

Это письмо привело меня в недоумение, так, во-первых, имя оказалось неверным, а, во-вторых, очень было удивительно, что именно оно так долго путешествовало, чего никогда раньше не бывало с другими письмами от Вел[икой] Княгини.

В это же утро мне протелефонировал Ф[едор] Н[иколаевич] Безак, что графиня Мария Артуровна Менгден приехала в Берлин и очень хотела бы меня видеть. Во время нашего разговора был странный шум в телефоне, и Феодор Ник[олаевич] мне сказал: «А нас, кажется, подслушивают!». Через 5 минут после этого мне позвонили от Клейст, что «Unbekannte»⁶⁵, находясь в очень нервном состоянии, во что бы то ни стало хочет меня видеть, и потом спросили, что, кажется, приехала гр[афиня] Менгден, добавив, что это, наверное, для того, чтобы видеть больную, на что я ответила, что они ошибаются, так как приехавшая гр[афиня] Менгден не фрейлина императрицы Марьи Федоровны. Этот факт меня тоже неприятно поразил.

Придя днем к больной, я застала в ее комнате баронессу Клейст, которая сидела у нее на кровати, а та плакала и бормотала: «Das Kind! Das Kind!»⁶⁶. На что баронесса ее все время спрашивала: «Mein Schatzchen aber sagen Sie doch für Kind?»⁶⁷

Увидев меня, «Unbekannte»⁶⁸ стала меня умолять рассказать баронессе об ее тайне, на что я не согласилась, сказав, что дала ей слово никого в это не посвящать. Тогда она сама начала обо всем говорить и требовала, чтобы я докончила рассказ. После чего баронесса вышла из комнаты и, открыв дверь в коридор, натолкнулась на мужа, который там почему-то стоял. Он сразу же вызвал меня и стал мне хвастаться своими полицейскими способностями, говоря: «Вот видите, какой я чудный сыщик! Как я все заранее предугадал! Ведь я вам уже давно говорил, что, наверное, у нее есть ребенок!». Эта вся история произвела на меня удручающее впечатление, так как имела вид подстроенный. А когда на мое сообщение о письме Ксении Алекс[андровны] Барон воскликнул: «Ну конечно, Вел[икая] Княгиня никогда не сознается, что Анастасию Ник[олаевну] так называла, и вообще никогда ее не признает из-за состояния Государя, находящегося за границей, наследницей которого теперь является больная!». Меня это до того возмутило, что, сказав ему в ответ несколько теплых слов, я скорей

⁶⁵ «Unbekannte» – вписано от руки.

⁶⁶ «Ребенок! Ребенок!» (нем.).

⁶⁷ «Сокровище мое, но скажите же, что за ребенок?» (нем.).

⁶⁸ «Unbekannte» – вписано от руки.

ушла обратно к больной, но уже с чувством недоверия ко всему окружающему.

В этот день «Unbekannte»⁶⁹ почему-то также была в недобром настроении и, кроме Баронессы Буксгевден, стала мне ругать М[onsieur] Жильяра, говоря, что он был Им не предан, М[ada]me⁷⁰ Вырубову, про которую тоже сказала совершенно неправдоподобную вещь, и опять очень не хорошо отозвалась о своей Бабушке, что меня возмутило. Вообще после всего этого, впечатление насчет больной создилось у меня опять скорее отрицательное.

Вечером я получила в ответ на мое подробное письмо телеграмму из Копенгагена от Князя Сергея Долгорукого, что это все вздор, что Они в это не верят и советуют больше этим не заниматься, и еще пришел тоже ответ на мое письмо от Баронессы Буксгевден, в котором она выражала удивление, что я опять занялась этой историей, [она] категорически заявляла, что «Unbekannte»⁷¹ не похожа ни на одну из Вел[иких] Княжон, и написала мне об одной примете Анастасии Ник[олаевны], которой именно у этой больной не было. (К сожалению, эта телеграмма и письмо остались среди моих вещей в Берлине). После всех этих веских опровержений и всех моих неблагоприятных впечатлений я сама, хорошенько взвесив все за и против, пришла к заключению, что тоже признать больную за Анастасию Ник[олаевну] не могу, но чистосердечно признаюсь, что несколько дней сильно колебалась. Но потом ее рассказы только про убийство Царской Семьи и о своем спасении не были для меня достаточным доказательством, что она – Вел[икая] Княжна, а странные случаи с фотографиями и почерком все же не могли окончательно убедить.

Кроме того, повторяю, что ни на один из моих многочисленных вопросов, которые могли бы именно нам доказать ее идентичность, она не ответила.

Привожу их полностью:

1) Как звали Вел[икие] Княжны Великого Князя Михаила Александровича и Князя Константина Константиновича⁷²?

2) Как Они звали М[ademoiselle] Шнейдер⁷³?

⁶⁹ «Unbekannte» – вписано от руки.

⁷⁰ «M-me» – вписано от руки.

«Unbekannte» – вписано от руки.

Домашнее прозвище Великого князя Михаила Александровича – «Милый Florru», Константина Константиновича – «сеledка».

⁷¹ Домашнее прозвище Е. А. Шнейдер – «Трина».

3) Как фамилии Николая Дмитриевича и Николая Николаевича? (это Деменков и Родионов, которые были на «Штандарте», которых Царская Семья очень любила и писала им через нас из Сибири).

4) Как звали меня и моих детей?

5) Кто была Зизи и кто была Тили? (это про M[ada]me³⁴ Нарышкину и M[ada]me Ден).

6) Как Они звали в своих письмах к нам Папа-Федорова и его жену?

7) Кто учил ее музыке³⁵?

8) Каким уменьшительным именем звали Они M[onsieur] Жильяра?

9) Как Вел[икие] Княжны говорили слово «понимаете»?

10) Куда Они ездили днем кататься, когда жили в Царском Селе?

11) Кто жил на Средней улице, где Они проезжали по утрам? (Вел[икие] Княжны всегда смотрели к нам в окна и потом рассказывали кого видели, как кто был одет и что делал).

12) Где она нас видела в России?

13) Какие вещи своей работы мы Им прислали в Царское, уже во время Их заключения, и которые Они взяли с собой в Тобольск? (Они часто в письмах о них упоминали).

14) Кто была Рита?

15) Когда ей проткнули уши для серег?

Что же касается наружности больной, то такого поразительного сходства с Анастасией Ник[олаевной] у нее не было; а самое главное, меня удивлял ее разговор только по-немецки, и была очень несимпатична и подозрительна вся обстановка, среди которой она находилась.

Написав Клейсту письмо (7 Авг[уста] 1922), что не могу признать «Unbekannte»³⁶ за Вел[икую] Княжну, я ему дала официальную записку, которую просила приложить к делу следующего содержания: «Присоединяюсь к мнению баронессы Буксгевден, Саблина и Папа-Федорова». В ответ на это барон мне написал, что больная, узнав о моем письме, очень огорчилась и воскликнула: «Как, даже и эта меня не признала. Неужели M[ada]me³⁷ Толстая, которая знала меня с раннего детства и нянчила на своих руках, могла так поступить!».

³⁴ «M-me» – вписано от руки.

Дочерей царя музыке обучала С. К. Буксгевден.

«Unbekannte» – вписано от руки.

«M-me» – вписано от руки.

Эта фраза мне окончательно доказала, что «Unbekannte»⁷⁸ не Анастасия Ник[олаевна], так как мы с Вел[икими] Княжнами ближе познакомились только в 1915 г[оду], и никогда я Их в детстве не носила и не играла с Ними.

После этого Клейст, по-видимому, подозревая, что одной из причин моего отказа было какое-нибудь известие из Копенгагена, стал еще настоятельно от меня требовать этого документа, чтобы вложить его в дело. Конечно, я ему не отдала телеграммы, и вообще мне стоило большого труда от него отделаться.

Заканчивая описание всего того, что я видела и наблюдала, я желаю оставаться вполне беспристрастной, а потому не могу скрыть, что все то, что я слышала о «неизвестной больной» за это последнее время, меня опять очень волнует и наводит на сомненья. Да пошлет Господь, наконец, раскрыть эту тайну.

Зинаида Толстая

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 46. Л. 3–11 об. Подлинник. Машинопись.

---

⁷⁸ «Unbekannte» – вписано от руки.

**№ 16. Подборка фрагментов из показаний Пьера Жильяра
о посещении им и Александрой Жильяр (Теглевой)
Анастасии Чайковской 26–27 июля 1925 года, подготовленная
и прокомментированная Великим князем Андреем
Владимировичем¹**

Описано исключительно на основании письма г[осподина] Жильяра.

«В Июле месяце 1925 года Великая Княгиня Ольга Александровна написала моей жене, [что] просит ее приехать вместе со мной в Берлин, чтобы посмотреть в одном из госпиталей этого города лицо, которое уверяет, [что] она есть Великая Княжна Анастасия Николаевна.

Это письмо нас очень смутило, так как чувствовалось, что Великая Княгиня сама была взволнована, она нам сообщила некоторые воспоминания больной и, между прочим, писала, что больная уверяла окружающих ее лиц, что ее тетя Ольга называла ее “Швибзик” Факт¹ был верный и тем более странный, что лишь немногие знали эту интимную подробность.

Мы выехали в Берлин 5 Июля 1925 г[ода] и были встречены датским посланником, у которого мы остановились. На следующий день после приезда мы отправились с ним в Католический госпиталь, где мы провели около больной несколько часов. Она была в очень подавленном состоянии после перенесенной за два дня до этого операции, и мы еле² могли ее допросить*³. Мы, – продолжает г[осподин] Жильяр, – вернулись на следующий день, но больная нас так же не узнала, как и накануне. Так как она себя чувствовала гораздо лучше, я ее снова допрашивал, но не мог добиться ничего. Указав после этого на мою жену, я спросил, знает ли она, кто эта дама, которую она должна была хорошо знать. Она долго на нее смотрела и ответила: “Это младшая сестра моего отца”. Я ее спросил еще, не знает ли она, кто такая Иза (уменьшительное имя баронессы Буксгевден), Трина⁴ (г[оспо]жи Шнейдер) и Шура (моей жены) – так как так их называли всегда Императрица и Великие Княжны в частной жизни, и я настаивал особенно на имени моей жены. Все, что мы могли от нее добиться, так ответ [который] был: “Не знаю, не могу”»**³.

¹ Зачеркнуто «это». От руки вписано «факт».

² Зачеркнуто «не». От руки вписано «еле».

Ссылка Великого князя Андрея Владимировича – приведена в конце документа.

Трина – Шнейдер Екатерина Адольфовна.

Ссылка Великого князя Андрея Владимировича – приведена в конце документа.

Далее г[осподин] Жильяр пишет: «Во время посещения больной мы изучили каждую черту ее лица с большим вниманием; мы совершенно не могли найти, за исключением цвета глаз, малейшее физическое сходство между ней и Великой Княжной Анастасией Николаевной. У больной нос очень длинный и конец сильно приподнят, рот очень широк и губы толстые и мясистые. У Великой Княжны Анастасии Николаевны нос был прямой и короткий. Рот скорее маленький и губы тонкие. Форма ушей не соответствовала, ни выражение глаз, ни звук голоса, в общем, мы не нашли ничего, что могло бы заставить нас поверить, что больная могла быть Великой Княжной Анастасией Николаевной.

Несмотря на этот совершенно отрицательный результат, в виду рассказа г[осподина] Цаале, что больная получила удар прикладом, которым ей выбило семь зубов и могло ее обезобразить, мы решили вернуться в Берлин, когда больная поправится, чтобы снова ее допросить.

Вернувшись в Швейцарию, мы получили из Берлина сообщение, содержавшее довольно странные вещи. Кроме того, в Сентябре, моя жена и я, мы поехали провести время в Женеве, где находились в то время г[осподин] Цаале с женой. В результате всего этого я был снова сильно заинтригован всем этим, и моя жена снова стала надеяться, что больная, быть может, несмотря на все, [окажется] той, которую она так любила».

В письме своем на имя датского посланника в Берлине от 13 Июня 1926 г[ода] Жильяр пишет: «Сознавая огромную ответственность, которую мы на себя брали, мы вам сказали, что мы предполагаем снова повидать больную при прежних условиях».

Хотя г[осподин] Жильяр и пишет, что во время посещения больной в Июле 1925 [года] он нашел несходство в ушах между больной и Великой Княжной Анастасией Николаевной, однако, в письме от 30 Марта 1926 г[ода] на имя Кн[язя] Н[иколая] В[ладимировича] Орлова пишет, что, возвращаясь из Берлина, после второго посещения больной (Октябрь 1925 г[ода]) он с женой провели два дня у Вел[икого] Герцога Гессенского, который нам сообщил чрезвычайно важное обстоятельство. У Великой Княжны Анастасии Николаевны была особая форма ушей, часто встречающаяся в Гессенском Семействе (верхний край ушей не завернут как обыкновенно, но плоский). Великий Герцог часто говорил с Императрицей об этой особенности формы ушей Великой Княжны Анастасии Николаевны. У больной же – ничего подобного.

Из этого видно, что г[осподин] Жильяр, несмотря на 12 лет, проведенных около Великих Княжен, никогда не замечал эту особую форму ушей у Великой Княжны Анастасии Николаевны и узнал об этом лишь в 1925 г[оду] после двукратного посещения больной, что не помешало ему, однако, писать, что и в Июле и Октябре 1925 [года] он нашел несходство форм ушей, хотя узнал об этом несходстве лишь позднее.

---

* По этому поводу г[оспо]жа Ратлеф пишет: «С 20 Июня 1925 г[ода] больная находилась на моем попечении. После перенесенной тяжелой операции она неподвижно лежала с повышенной температурой, которая колебалась от 39 до 40°. В один из таких дней вошел в комнату, где лежала больная, датский посланник с каким-то господином и дамой. Фамилии они мне так и не сказали. Лишь в Октябре я узнала, что это были г[осподин] Жильяр и его жена». В этот день больная не узнала г[осподина] Цаале, хотя с нетерпением ожидала его возвращения из Копенгагена.

** Г[оспо]жа Ратлеф добавляет тут, что когда «Датский посланник г[осподин] Жильяр вышли, жена Жильяра попросила меня показать ей ноги больной. Когда я открыла ноги, г[оспо]жа Жильяр сказала с выданным волнением: "Ноги совершенно похожи на ноги Великой Княжны Анастасии Николаевны – у нее, как и у больной, правая нога хуже левой"».

Датский посланник по этому поводу пишет (24 Янв[аря] 1927 г[ода]): «Недели три тому назад у меня были гр[аф] Гарденберг, Гофмаршал Вел[икий] Герцог Гессенский и г[осподин] Жильяр, которого я спросил в присутствии гр[афа] Гарденберга, помнит ли он, что его жена моей и мне и совершенно ясно сказала, что ноги г[оспо]жи Чайковской, которые его жена по моей инициативе наблюдала, очень похожи на ноги Великой Княжны Анастасии Николаевны. Г[осподин] Жильяр должен был это подтвердить».

Г[оспо]жа Жильяр по этому поводу написала (12 Янв[аря] 1927 г[ода]): «У Великой Княжны Анастасии Николаевны была очень сильная деформация на обеих ногах и с двух сторон. Проф[ессор] Федоров говорил об операции ног с Ее Величеством; он писал, что другим способом изменить деформацию невозможно. У больной я нашла деформацию ног, но в гораздо более слабой форме, чем у Вел[икий]

Кн[ягини] Анастасии Николаевны и только с одной стороны, что противоречит мнению проф[ессора] Федорова, который утверждал, что без операции деформация уменьшиться не может».

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–7. Подлинник. Рукопись.

**№ 17. Описание посещения Анастасии Чайковской
камердинером императрицы Александры Федоровны Алексеем
Андреевичем Волковым 3–7 июля 1925 года, составленное
Великим князем Андреем Владимировичем**

Описание этого посещения составлено на основании записей г[оспо]жи К. Ф. Гименской, секретарши проф[ессора] Берга, католического священника при Мариинской больнице в Берлине; г[оспо]жи фон Ратлев и показаний самого Волкова. Верность записей г[оспо]жи Гименской и г[оспо]жи фон Ратлеф письменно удостоверены датским посланником в Берлине г[осподи]ном Цаале.

В начале Июля 1925 г[ода] из Дании приехал в Берлин А[лексей] А[ндреевич] Волков с письмом от принца Вальдемара Датского на имя датского посланника в Берлине г[осподи]на Цаале с просьбой свести Волкова с А[настасией] Чайковской для установления ее личности.

3 Июля А[лексей] А[ндреевич] Волков в сопровождении г[осподи]на Цаале приехал в Мариинскую больницу. А[настасия] Чайковская находилась в это время в саду, и А[лексей] А[ндреевич] Волков за ней понаблюдал из окна. В записи г[оспо]жи Гименской сказано, что Волков в этот день выразил мнение, что А[настасия] Чайковская похожа на Великую княжну Анастасию Николаевну. Сам же Волков в своих показаниях (24 Марта 1927) говорит, что он сразу определил ее полное несходство с Великой княжной и отказался от дальнейших исследований, но датский посланник уговорил его остаться и посмотреть больную еще раз.

На следующий день, 4 Июля, когда А[лексей] А[ндреевич] Волков видел больную уже вблизи, он сначала был разочарован: «У Великой княжны, – сказано он, – лицо было круглее, и она выглядела более цветущей. Теперь же выражение лица не напоминает Великую княжну». Волков был неприятно поражен тем, что больная вовсе с ним не говорила, а только разговаривала на немецком с г[осподином] Цаале, проф[ессором] Бергом и г[оспо]жой фон Ратлевой. Волков обратил внимание на то, что больная говорит по-немецки весьма плохо, по словам Волкова, гораздо хуже его самого, хотя задавал он вопросы по-русски. Уходя в этот день, записано в протоколе проф[ессора] Берга, Волков заявил, что: «Он не может определенно сказать, что г[оспо]жа Чайковская не есть Великая княжна Анастасия Николаевна».

В следующее посещение 5 Июля г[осподин] Цаале опять приехал с Волковым, который привез с собой несколько фотографий членов Царской семьи. А[настасия] Чайковская разглядывала эти фотографии со счастливым лицом. Указывая на фотографию Императрицы Марии Федоровны, она назвала ее бабушкой, а Великих Княгинь – тетками. Когда посетители удалились [от] больной, она нежно поцеловала фотографию Императрицы, думая, что это никто не видит. Услышав это, Волков высказывает г[оспо]же Ратлевой свои сомнения, он прервал свой разговор с датским посланником и обратился к г[оспо]же Ратлевой и в категоричном тоне просил ее никаких заявлений Волкову больше не делать и ни в чем его больше не убеждать.

На вопрос Волкова, помнит ли она матроса, который состоял при ее брате, она, недолго думая, ответила: «Да, он был очень большой и его звали Нагорым». «Верно», – ответил Волков.

На следующий день 7 Июля Волков приехал один без г[осподина] Цаале. На вопрос Волкова, кто такой Татищев, она ответила: «Адъютант моего отца, когда мы были в Сибири».

Когда больной показали фотографию Императрицы Марии Федоровны, она долго и в возбуждении смотрела на нее и спросила: «Что, она здорова? Я удивлена, что бабушка не вся в черное одета. Раньше она всегда ходила в черном». Потом больная обратилась к Волкову и сказала: «А вроде при моем брате состоял еще один матрос, – и, после некоторого раздумия, сказала, – Деревянко». «Да», – ответил ей Волков. Далее она вспомнила, что у матроса Деревянко были дети, которые играли с Алексеем Николаевичем. Подумав еще немного, больная сказала: «Но был еще кто-то, кто также назвался Деревянко, – не был ли это доктор?».

На вопрос Волкова, помнит ли она Великую княгиню Ольгу Александровну, она ответила: «Да, это наша тетя, она была Маме и нам очень близка».

Вспомнила она также доктора Боткина; доктора же Федорова припомнить не могла, несмотря на напоминания Волкова. Между прочим, говорит Волков, больная от себя и без всякого напоминания рассказала, что Государь при посещении города Риги посадил дерево, и что она помнит хорошо. На вопрос Волкова, помнит ли она Ивановский монастырь, больная ответила: «Да, этот монастырь в Сибири (в Тобольске). Не из него ли приходили монашенки, которые с нами пели. Мама и мы, четверо сестер, пели с ними».

После всех заданных ей вопросов больная обратилась к Волкову: «Ну, теперь, – и на ее лице появилась улыбка и в мимике выразилась шалунья, – ну теперь Вы меня довольно экзаменовали, посмотрим, выдержите ли Вы Ваш экзамен. Помните ли Вы комнату в Александрии, где мы жили летом, где мама на оконном стекле ежегодно, когда мы туда приезжали, вырезывала бриллиантом от кольца год и свой и папы возраст?». «Как же мне это не помнить, – ответил Волков, – я же часто бывал в этой комнате».

По этому поводу Волков показал, что событие это ему, Волкову, лично известно не было, и о нем он ничего сказать не может.

Г[оспо]жа фон Ратлева по этому поводу писала, что она может подтвердить, что Волков в ее присутствии утвердительно ответил на вопрос больной относительно вырезанных на окне букв. Через некоторое время г[осподин] Цаале узнал от Жильяра, что Волков ему писал в Лозанну и запросил относительно этого стекла в окне, так как он будто точно не помнит об этом. Г[осподин] Цаале был несколько удивлен, что Волков, несмотря на свой утвердительный ответ, все же еще написал в Лозанну. По поводу этого посещения Волков показал, что на многие вопросы больная говорила, что вспомнить сразу не может и говорила, что вспомнит потом. Иногда действительно она это потом вспоминала, но Волков вынес впечатление¹, что кто-то внушал ей эти ответы. Так у Волкова сложилось убеждение, что все припоминаемое больной является результатом чьих-то внушений. Самого его больная не узнала, несмотря на его напоминания, и припомнить не могла. Заканчивается протокол этих четырехдневных посещений следующей записью:

«Волков был глубоко потрясен. Теперь он должен был идти, так как больная была очень расстроена и начала жаловаться на головную боль. Слезы текли по лицу Волкова, он несколько раз поцеловал ей руку. Плача, он затем сказал ей на прощанье: “Все будет хорошо” Медленно он вышел из комнаты. От дверей он обернулся – слезы все еще текли по его лицу».

Прощаясь с г[оспо]жой фон Ратлевой, он сказал: «Подумайте, в каком я положении. Если я теперь скажу, что это она, а другие потом скажут противное, каково будет мое положение?».

Относительно показаний А[лексея] А[ндреевича] Волкова необходимо отметить, что они были написаны в 1927 [году], т[о] е[сть] два года спустя и за это время он находился в переписке с Великой

¹ «Впечатление» – зачеркнуто.

Пьер Жильяр
и Великие княжны
в Литвани

Пьер Жильяр и Цесаревич Алексей на яхте «Штандарт»

Александра Александровна
Теглева

Фрейлны Анастасия Гендрикова
и Софья Буксгевден

Андрей Дерзжанико с женой в поезде на Тобольск.
1917 год

княгиней Ольгой Александровной, которая писала ему, что Герцог Гессенский собрал обширный материал по поводу этой больной, доказывающий ее нетождество с Великой Княгиней, и что теперь он, Волков, тоже может быть «спокоен».

Также Великая княгиня писала Волкову, что будто бы Герцог Г[еоргий] Н[иколаевич] Лейхтенбергский послал слепок челюсти больной зубному врачу Кострицкому, который их всех лечил. Последний будто бы ответил, что у Великой княжны Анастасии Николаевны зубы были прямые, и что если бы он допустил у царской дочери подобные кривые зубы, как у больной, то он бы не был зубным врачом, а прохвостом.

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д, 38. Л. 1–11. Подлинник. Рукопись.

МНЕНИЯ ЧЛЕНОВ ДОМА РОМАНОВЫХ

Мнения представителей Царской фамилии оказались диаметрально противоположными. Сложилось три группы. Одна (меньшая) выступала за признание в госпоже Чайковской царской дочери Анастасии, другая (самая многочисленная) была категорически против, в третью вошли те, кто хранил молчание по данному вопросу. Это привело в дальнейшем к «соломонову» решению судебного разбирательства: суд не признал, но и не отверг притязания Чайковской (Андерсон) на личность Великой княжны Анастасии Николаевны Романовой. Как бы то ни было, а представленные документы могут иметь значение для дальнейшего изучения данного вопроса.

№ 18. Письмо Великого Князя Андрея Владимировича Великому Князю Кириллу Владимировичу по делу Анастасии Чайковской

Кап д'Ай

10 Января 1927 г[ода]

Секретно

Дорогой Кирилл,

Я давно обещал представить Тебе подробный доклад по делу Чайковской, но постоянно поступающие сведения и незаконченность в обследовании некоторых фактов не дали мне возможность составить законченный вполне доклад. Ввиду этого, я нашел лучше предоставить Тебе пока краткий обзор дела и сообщить некоторые результаты.

Должен сперва отметить, что по последним донесениям врачей из Санатории, здоровье больной за последнее время сильно улучшилось и память к ней возвращается. Она уже может без особого утомления подолгу болтать и выражается вполне связанно, хотя все еще на своем ломанном и скверном немецком языке. Врачи выражают надежду, что память к ней вернется скорее, нежели они первоначально

предполагали, и что скоро настанет время окружить ее людьми ей симпатичными, чтобы одиночество санаторной жизни ее не угнетало бы. Они даже опасаются, что полная изолировка ее может пагубно отозваться на ее психике, так как она начинает серьезно грустить и даже беспокоиться, что все от ней отвернулись. В особенности она хотела бы видеть Ольгу и Тетю Ирену, о чем она часто говорит. Она очень грустила, что Ольга ее не поздравила на праздники и долго плакала. Доктора Санатории вполне убеждены, что она та, за которую себя выдает, не видя в ней фальши, ни симуляции – она, по их мнению, откровенна и правдива во всем.

Что же касается следствия, то теперь намечаются новые данные из большевистских источников, довольно достоверных, что из Екатеринбурга кому-то из Царской Семьи удалось спастись. Кто именно спасся – большевики сами не знают, но факт, что кому-то удалось спастись, они подтверждают.

Из других источников удалось узнать, что с самого первого дня после Екатеринбургской драмы большевики искали Анастасию Николаевну, будто бы спасающуюся, и даже арестовали одну девицу в Августе 1918 г[ода] около Перми и предъявили Елене Петровне в тюрьме для опознания. Эта девица оказалась не Анастасией – допускается ошибка при аресте, но остается факт, что искали Анастасию¹.

Кроме этого, сейчас наводятся справки относительно одного слуха, что в Декабре 1918 г[ода] через Орел проследовала Анастасия Николаевна, что было известно тамошнему польскому консулу.

Из показания одного Румына, которое имеется у меня в деле, видно, что в конце 1918 г[ода] в Бухарест прибыло одно лицо, которое спасло Анастасию и совещалось с этим румыном, как ее перевести через границу.

Что произошло далее, до момента спасения больной из канала в Берлине в 1920 г[оду], до сих пор не установлено, но можно надеяться, что больная скоро начнет и об этом говорить и даст нам хотя бы исходные данные для розысков.

Из этих отрывочных, пока, сведений видно, однако, что, начиная от Екатеринбурга, потом в Перми, затем в Орле, далее в Одессе и, наконец, в Румынии, всюду отмечаются одинаковые слухи о спасении

¹ По данным С. Смирнова, секретаря Елены Павловны, девица «оказалась самозванкой, воровкой, по профессии проституткой» (ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 66. Л. 112. Копия письма С. Смирнова Т. Е. Мельник (Боткиной). 2.10.1926).

Анастасии и о ее движении через эти города. Все это еще чрезвычайно туманно и требует проверки, но все же я должен об этом упомянуть как о немаловажном факте.

В заключение этого весьма краткого отчета должен отметить тот странный факт, что дело это вызывает у людей две реакции: одни вполне сознают необходимость дальнейших расследований, другие же, напротив, с пеной у рта протестуют против всяких расследований. И вот эта вторая категория лиц наиболее загадочна по мотивам своего отрицательного отношения. Казалось, что им за дело, что хотят выяснить, кто же, наконец, больная, но вот именно, не давая никаких объяснений, они протестуют всеми силами и всячески стараются мешать делу.

Я не в состоянии сейчас точно определить эти мотивы, но по некоторым данным можно предположить, что некоторые, по-видимому, опасаются возможных откровений со стороны больной, если она в действительности окажется Анастасией. Они стараются дело затушить всеми способами. Другие же категории отрицателей, по-видимому, действуют по каким-то указкам, неведомо откуда и от кого исходящими. Во всяком случае, вокруг дела разгораются страсти, которые, в сущности, не должны разгораться, так как нет к этому ровно никаких данных. Но вероятно есть причины, чтобы разжигать эти страсти, неведомые нам и непонятные пока.

Сейчас можно предположительно высказать следующие гипотезы:

1 – что Анастасия спаслась и есть Чайковская.

2 – что Анастасия спаслась, но Чайковская не Анастасия.

3 – что Анастасия не спаслась, а Чайковская постороннее лицо.

Которая из этих гипотез окажется верной, покажет будущее, и я уверен, что мы истину узнаем в конце концов.

Многие уверяли, что Чайковская крестьянского происхождения, но все доктора Санатории это отрицают в один голос, по их твердому убеждению, она, во всяком случае, из аристократической семьи, получила отличное воспитание и по всей своей фигуре ничего общего с крестьянским происхождением не имеет.

Как только здоровье больной настолько поправится, и память к ней вернется окончательно, я буду очень настаивать, чтобы Ольга и Жильяр с женой снова посетили бы ее и прожили бы около нее достаточно времени для полного и окончательного опознания. Жильяр

Алексей Андреевич Волков

писал мне, что он всегда готов поехать к ней для опроса ее, но просит это обставить более серьезно и в присутствии уполномоченных от семьи свидетелей, чтобы контроль был бы обеспечен. Думаю, что просьба Жильяра правильна. Когда этот момент настанет, пока сказать не могу, все будет зависеть от мнения докторов, но когда это время настанет, я тебе немедленно сообщу и буду просить уже Тебя принять все меры, которые Ты найдешь правильными, чтобы это дело закончить.

В данное время все добытые сведения я держу в строжайшей тайне, т[ак] к[ак] преждевременное их оглашение может очень навредить делу следствия. Никому, кроме Тебя, я ничего не сообщаю, да и не имею право.

Андрей

С подлинным верно (Подпись)

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 62. Л. 128–131. Заверенная копия.
Машинопись.

**№ 19. Письмо Великой княгини Ольги Александровны
Великому князю Андрею Владимировичу**

Хвидор

13 Июля 1927 года

Милый Андрей,

Получила копию твоего письма на имя Жильяра, в котором ты пишешь, что ведешь анкету с ведома и согласия Мама и еще, что ты держишь ее в курсе твоих действий. Ты знаешь, что это не так. Прочла письмо Мама в присутствии брата ее д[яди] Вольдемара. Она была очень огорчена, т[ак] к[ак] никогда не уполномочивала Тебя в этом деле. Для нас – дело доведено до конца и мы убеждены, что особа – не наша Анастасия. Жаль, что ты не поинтересовался ее повидать – с чужих слов труднее решать. Если выйдет в свет переведенная на русский язык книга Ратлевой, и если будут продолжать говорить, что Мама продолжает интересоваться этой историей – то, как это неприятно, но придется написать опровержение. Ты не можешь себе представить, как меня расстраивает вся эта история и как неприятно все это писать тебе.

Любящая тебя Ольга

С подлинным верно: [подпись]

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 66. Л. 76. Заверенная копия.
Машинопись.

**№ 20. Письмо герцога Георгия Николаевича Лейхтенбергского
Великой княгине Ольге Александровне**

Замок Зеон

26 Августа 1927 года

Ваше Императорское Высочество

Вот уже шесть месяцев, что у меня живет г[оспо]жа Чайковская, и за это время мы все успели ее хорошо узнать и изучить. Пришлось мне пережить и историю с ее, якобы, разоблачением как Франциску Шанцковскую. Выманенный в то время в Париж, на второй день моего там пребывания, редакторами берлинской газеты «Нахтаусгабе», посредством неточных, как потом оказалось, документов и неправильным уверением о намерении, будто бы, берлинского полицей-президента лично и скоро прибыть в Зеон и там больную арестовать, я вернулся домой в уверенности, что больная действительно Франциска Шанцковская, и я сделал добросовестно, при очной ставке ее с, якобы, свидетельницей и с детективом все возможное, чтобы ее разоблачить, поймать, сбить, словом – раскрыть то, что казалось тогда истиной.

Однако, многие обстоятельства в поведении приехавших лиц, наконец, само поведение больной при этой тяжелой обстановке, вселили в меня подозрение, что дело тут со стороны редакции нечисто, и вскоре после этого я просил А[натолия] А[лександровича] Мордвинова доложить Вашему Высочеству, что я прошу Вас не слишком верить, что больная наша – действительно Шанцковская. Тогда это были предположения, а теперь у нас имеются документальные доказательства, что это неправда. Если я позволил себе несколько дольше остановиться на моих личных впечатлениях о том времени, то происходит это от того, что, если я теперь вернулся к первоначальному моему предположению о вероятном тождестве больной с Анастасией Николаевной, то я хотел бы дать Вашему Высочеству, *que reviens de loin*¹, как говорят французы, и что, следовательно, вернувшись издалека, я сделал это, вероятно, не без серьезных оснований.

Из сообщения Андрея Владимировича мне известно, что Вы изволите считать расследование о больной исчерпанным и убеждены, что она разоблачена. Из чувства долга и любви к истине смею уверить Вас, что это неправда; нам, напр[имер], известно – сколько было

¹ «Вернувшись издалека» (фр.).

уплачено лжесвидетельнице, привезенной в Зеон, чтобы «опознать» в больной Шанцковскую; важная свидетельница, про которую газета «Нахтаусгабе» напечатала, что она «с Декабря 1926 г[ода] бесследно исчезла из Берлина, и не может быть найденной» – была разыскана в четверть часа в адресном столе и показала обратное тому, что показывала лжесвидетельница. Наконец, мы делали очную ставку больной и ее *soi-disant*² брату Феликсу Шанцковскому, который кончил тем, что подписал клятвенное свидетельство, что он в больной своей сестры, несмотря на некоторое сходство, признать не может. Да и по всему своему поведению при этой очной ставке и он, и больная показали, что они друг другу чужие. Большого я сейчас не могу сказать, ибо все это может кончиться процессом, и нам надо иметь в руках целый ряд других доказательств. Смею уверить, Ваше Высочество, просто, что это так. Впрочем, если вам угодно, Вы можете спросить и Андрея Владимировича, который все это в подробностях знает.

Итак, если Вашему Высочеству доложено, что-де «доказано, что Чайковская есть Франциска Шанцковская» – то знайте, что это ложь. Сознательная³ со стороны редакции берлинской газеты, явно надеявшейся, что никто не позаботится разобрать правдивость этой газетной шумихи; сознательная⁴ ложь и со стороны Дармштадтской полиции. Насколько она сознательна⁵ в голове Жильера – я не берусь судить с уверенностью. Но имею некоторые основания полагать, что она не бессознательная⁶. Насколько верит в истину Вел[икий] Герцог Гессенский, мне не ясно, однако, недаром же он заплатил газете вперед за разоблачение больной как Шанцковской 25 000 марок. Нам это сказал сам редактор «Нахтаусгабе» Луке, и на его ответственности лежит это, если это неправда.

Ваше Императорское высочество, Вы меньше меня знаете, чем моего брата, но я думаю, все-таки, достаточно, чтобы поверить, что если я пишу такие серьезные вещи; такие обвинения, то, конечно, у меня должны быть к тому веские данные. В скором времени должны появиться в немецкой печати статьи г[оспо]жи Ратлевой, которые раскроют, пункт за пунктом, все «махинации» «разоблачителей» Шанцковской. Я уверен, что ваша правдолюбивая и прямая душа

² «Так называемому» (фр.).

³ Подчеркнуто при наборе текста.

⁴ Подчеркнуто при наборе текста.

⁵ Подчеркнуто при наборе текста.

⁶ Подчеркнуто при наборе текста.

не сможет не возмутиться таким образом действий по отношению к несчастному существу, больному, забитому и беззащитному, кто бы это существо ни было в действительности⁷ И я считал и считаю [нужным] об этом всем Вас предупредить, дабы Вы не оказались невольно вовлеченной в весьма некрасивую интригу. Раскрытие интриги перед публикой – не в моих силах удержать, и единственное, что я могу сделать – это, именно, постараться оградить Вас и Вашу Августейшую Матушку от косвенного, хотя бы, участия в глазах публики в этой печатной истории.

Итак, установив, что она не Шанцковская, мы возвращается к мучительному вопросу: кто же тогда она такая.

Разрешите теперь доложить мои и всех нас наблюдения за больной по этому поводу. Она воспитанная, очень аккуратная, хорошо понимает слова по-русски, иногда у нее вырываются произвольные русские слова, и тогда она старается делать вид, что она их не сказала, читает, понимает, может говорить и даже думать – по-английски. Ее немецкий язык совершенно неправильный: так говорят наши русские некультурные люди, говорящие по-немецки самоучкой. Это абсолютно ей чужой язык. По-польски она ни звука не понимает и не говорит: это проверено.

При большой природной любезности и доброте, внимании к окружающим, характер у нее, что называется «с норовом», с «закидкой», и тогда она может быть несносна, и несправедлива, и злопамятна. Вообще же добра и шаловлива, быстро сменяя смех на слезы и обратно. Была сделана попытка ее гипнотизировать, но безрезультатно. Она не заснула. Это очень жаль, ибо в гипнотическом состоянии она вынуждена была бы сказать правду о себе. Она у нас на страстной неделе говела и приобщалась, и священник наш, отец Д[митрий] Якшич, человек образованный, пришел к выводу, что она, несомненно, православная. Да и все поведение ее в то время это показывало. Она довольно часто рассказывает о «своей прежней жизни», но всегда только отрывками, короткими фразами. К связному рассказу она вообще не способна.

Отдельно прилагаю все эти записи и наблюдения, произведенные отчасти Верой Романовной Клеменц и Марией Павловной Баумгартен, отчасти мной лично или членами моей семьи. Читал я эти заметки недавно в Ницце графине Бенкендорф, а в Париже Зизи Нарышкиной,

⁷ Подчеркнуто при наборе текста.

и многое они должны были подтвердить как правдивое. Многие, конечно, она могла слышать от русских в Берлине, но многое как будто некому было там ей рассказать, ни предвидеть. Наконец, если теоретически⁸ поддерживаемая Жильяром и ее противниками теория, что она просто авантюристка, которую начинили разными сведениями из жизни Августейшей Семьи Вашей, и которая обладает огромным умом и памятью, необходимыми, чтобы все это запомнить и вовремя пустить в обращение, то практически⁹, для человека с ней прожившего хотя бы неделю, становится совершенно ясным, что такая теория совершенно несостоятельна, ибо это умственно больной, но не сумасшедший человек с частичной памятью, часто весьма слабой. Так, напр[имер] она скажет Вам что-нибудь сегодня, а послезавтра она будет уверять, что никогда этого не говорила. Вместе с тем она правдива и никогда не лжет, даже когда это было бы на пользу ей.

Я не делаю комментариев ко всему записанному – Ваше Высочество сами лучше, чем кто-либо другой, оцените значение или незначительность той или другой сказанной ею мелочи. Но странно: если она играет роль, то как могло случиться, что за пять лет, что она «известна», она ни разу не проговорила, даже под наркозом, о чем-нибудь могущем свидетельствовать, что она жила другой жизнью, чем той, про какую всегда говорит. И не до жуткости ли значительными являются в общей своей сложности те мелочи, замечания, которые она высказала за все это время. Не заставляет ли это сильно задуматься над возможностью того, что она все-таки есть та, за которую она себя выдаст, никогда себя, однако, так не называя и желая только одного: увидеть еще раз «Бабушку» хоть издали, а потом – быть оставленной в покое. Разве это поведение авантюристки, каковой ее хотят нарисовать все лица, выдумавшие легенду о Шанцковской, чтобы ее погубить¹⁰.

Честная душа Ваша, я знаю, не может не возмутиться, узнав это, как возмущаемся мы все, знающие и переживающие все стадии этой гнусной интриги, и, если я не могу сказать, чтобы она действительно была Вел[икая] Кн[язна] Анастасия Николаевна, то нельзя сказать, после всего записанного и отмеченного и наблюденного, чтобы мы не имели никаких оснований об этом тождестве не только думать, но даже считать его вероятным.

⁸ Подчеркнуто при наборе текста.

⁹ Подчеркнуто при наборе текста.

¹⁰ Подчеркнуто при наборе текста.

Если же она телесно не Вел[икая] Кн[язна] Анастасия Николаевна, то она, во всяком случае, душевно совершенно с ней отождествилась и в этом глубоко убеждена: в искренности этого ее убеждения не может быть никакого сомнения. Но кто же она тогда такая. Вопрос остается открытым, и только Вы, Ваше Высочество, мне кажется, можете выяснить, настолько ли точно и правдиво то, что больная знает и рассказывает о прежней жизни, выяснить мелочи, которые быть может могут быть известны лишь Вам и ей, чтобы решить, достаточно ли это доказательно, чтобы предположить, что она действительно есть Анастасия Николаевна или хоть насколько правдоподобно, чтобы серьезно заняться ее лечением – что возможно, говорят врачи-психиатры, после чего она, вероятно, будет в состоянии вспомнить все прошлое и тогда докажет этим свое тождество в А[настасии] Н[иколаевне] – если она есть она.

Но для этого было бы, конечно, необходимым, чтобы Ваше Высочество дали себе труд пожить некоторое время в обществе больной, ибо она недоверчива к людям вообще и то, что говорит, говорит отрывочно, кусочками и без всякой связи. Иногда, впрочем, имеет значение не столько смысл сказанного, сколько тон, выражение и обстановка, при которой слова произнесены, и которые не оставляют сомнения в их искренности. Если бы Ваше Высочество нашли нужным и желательным за ней понаблюдать, то и моя жена, и я, разумеется, были бы счастливы, если бы Ваше Высочество удостоили нас посещением и пребыванием у нас здесь в течение времени, которое Вы изволили бы найти нужным для этого наблюдения. Однако я отлично понимаю, что Вы могли бы решиться на такой шаг, только вполне убедившись, что она не Шанцковская, и что этой легендой ей причинена глубокая и непростительная несправедливость. А что это так, я в этом уверен, Вы изволите убедиться из того, что будет предано гласности.

Если же она не Шанцковская и не Анастасия Николаевна – то она является настолько интересным и исключительным патологическим случаем, что уже просто с научной точки зрения ее, казалось бы, следовало обеспечить и сохранить для изучения ее случая психиатрами. Полагаю, что для этого можно было бы тогда найти и потребные средства среди научных обществ, хотя бы в Америке.

Вот, Ваше Императорское Высочество, объективное изложение моих наблюдений за больной в течение полугода, которое мой долг побудил меня повергнуть на Ваше благоусмотрение. Если же у нас нет

прямых доказательств, а потому не может быть полного убеждения, что больная есть Анастасия Николаевна, то косвенных признаков столько, что по логике и разуму почти нельзя сделать иного вывода.

Вашего Императорского Высочества

Покорный слуга

Г[еоргий] Лейхтенбергский

С подлинным верно: [подпись]

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 66. Л. 78–81. Заверенная копия.
Машинопись.

№ 21. Ответное письмо Великой княгини Ольги Александровны герцогу Георгию Николаевичу Лейхтенбергскому

Хвидор

8 Сентября 1927 года

Милый Гиги.

Вполне верю Вашим и Андрея Влад[имировича] добрым намерениям разобраться в деле так называемой Чайковской и была очень рада узнать, что Вы взяли ее к себе, т[ак] к[ак] когда я ее видела, она произвела на меня впечатление больной, и мне ужасно жалко было, что она может очутиться на улице – брошенной.

Не буду разбираться в каждом отдельном случае, откуда больная знает то или другое, мною проверенные некоторые факты, казавшиеся мне весьма загадочными, нашли свое объяснение. Не надо забывать, что, возможно, мы имеем дело с больной очень оригинальной, с одной стороны, – и что в течение 5 лет ей сообщают сведения самого различного характера, чтобы ее проверить, и, понятно, эти сведения остаются частью у нее в голове. Но, разбираясь в этом деле, постарайтесь быть логичным. Не удивляет ли Вас то, что лица, близко знавшие моих племянниц: я, Жильяр, его жена, мой муж, Иза Буксгевден, Волков, Мордвинов и т[ак] д[алее], говорят, что это не она; а лица, не знавшие или видевшие их случайно – вроде: Глеба и Татьяны Боткиных, проф[ессора] Руднева, Ратлевой и т[ак] д[алее], да и Вы сами их мало знали, – доказывают обратное. Далее, Андрей Влад[имирович] доказывает, что это она – не потрудился даже взглянуть на больную, может быть он изменил бы или уменьшил бы свою уверенность. Затем мы все вышеупомянутые (я, Жильяр, его жена и т[ак] д[алее]) были у больной в 1925 г[оду] и тогда же сказали, что больная не Анастасия. Между прочим, не выезжая из Берлина, мы сказали это Датскому Посланнику, и он спросил нас: «Что я буду теперь с нею делать». Мы ответили: «Не знаем, наше дело Вам сказать, что мы признать больную за Вел[икую] Княжну Анастасию не можем». Писать же в газетах мы считали совершенно не нужным. Итак, если в 1925 г[оду] мы говорили, что это не Анастасия, то доказательство исходило не от нас – никакого влияния на наше решение иметь не могло, и почему если она не Шанцковская или не Чайковская – то значит она Анастасия. Я была в Берлине 4 дня и почти все время около больной, стараясь изучить ее, и думаю, что нового ничего не узнаю, наблюдая ее дольше. Думаю, и Жильяр, его жена и другие,

любившие Их и верные Им и поныне – что многие из них доказали, рискуя своей жизнью, и понятно, если бы они (и я в том числе) имели хоть каплю надежды найти в ней одну из моих племянниц, они бы с радостью служили бы ей. Поэтому, ведя Ваше расследование [по мотивам], которые, я уверена, вполне чистосердечны – не обвиняйте людей, с Вами несогласных, как, например, обвинение Вел[икого] Герцога Гессенского в подкупе газеты, а Жильяра – в знании ложности доказательства о «Шанцковской», и не разжигайте страстей, что только принесет вред всей нашей семье – вместо ожидаемой Вами пользы.

Очень благодарю Вас, милый Гиги, и Вашу жену за приглашение, но не могу им воспользоваться.

Желаю всего лучшего.

Любящая вас Ольга

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 66. Л. 82. Заверенная копия.
Машинопись.

**№ 22. Письмо Великого князя Александра Михайловича
Великому князю Андрею Владимировичу**

Париж

16 Февраля 1928 года

Милый Андрей.

Спасибо за письмо от 12-го Февраля.

Ты пишешь, что понимаешь мое волнение, но что Ты «несколько удивлен, что это проявилось так поздно». Напрасно, я этим вопросом интересуюсь, и он меня волнует с первых дней появления Чайковской, кажется, в 1920–1921 году.

Тот факт, что Ты занялся исследованием этого вопроса с осени 1926 года, мне стал известен впервые из Твоего письма от 12-го Февр[аля], а также то, что обращался ко всей семье, но как Ты ко мне не обращался и моим детям, то я об этом тоже не знал.

Ты поступаешь необдуманно, когда пишешь, говоря об Ольге, Жильяре и Шуре, что можно узнать и в то же время не признать (с многоточием). Такое обвинение в высшем преступлении Ольги, человека чистого и честного, недопустимо; что касается Жильяра, то нужно помнить его смелое, честное и открытое описание Царской Семьи в его книге, вряд ли такой человек способен на подлог.

Я совершенно с тобой согласен, что если существует вероятие в этом деле не только в сотой доле, но и в тысячной, то необходимо довести дело до конца; но именно поэтому нужно было воспользоваться проездом Чайковской через Париж и показать ее всем действительно близко и хорошо ее знавшим, а именно: моим детям – Ирине, Федору и Никите, Князю Михаилу Путятину и его жене, на глазах которых все дети выросли, Зизи Нарышкиной, Княгине Оболенской (фрейлина Имп[ератрицы] Ал[ександры] Фед[оровны]), Саблину, Родионову (офицером Гвард[ейского] экипажа) и, наконец, Кострицкому, лечившему зубы всех детей с самого рождения.

Категорическое требование Американского Правительства, о котором Ты пишешь, чтобы переезд был обставлен полной тайной, здесь не при чем, тем более, что тот или те, которые должны были эту тайну хранить, ее разболтали.

Когда все газеты зашумели, меня со всех сторон начали запрашивать – в чем дело, главным образом, представители иностранной печати и частные лица. Я всем отвечал тоже, что не сомневаюсь

в Твоем чистосердечии (бон-фуа), знаю, что Ольга, которая стояла к детям гораздо ближе, ее не узнала, и что меня удивляет, что ее не показали моим детям и мне, самым близким ее родственникам. Я и теперь остаюсь при этом мнении, тем более, если желают вести расследование, используя всех знавших хорошо Анастасию, для раскрытия истины.

В конце письма Ты опять повторяешь, что сожалеешь, что я раньше не проявил интерес к этому тяжелому делу. Опять ошибаешься, ибо я этим делом интересуюсь не с 1926 года, а с 1920–1921 года.

У меня тоже есть сведения, и я был в этом году в курсе того, что предпринималось людьми, окружавшими Чайковскую.

Но опять повторяю, что надо довести дело до конца, но если Ты становишься на явно враждебную почву к тем лицам, которые ее не узнают или, как Ты выражаешься, узнают, но не признают, тогда я с Тобой идти не могу; я не сомневаюсь, что дело раскроется, и истина выяснится неожиданно для всех.

Интересно то, что Гиги пишет в газетах, что Чайковская понимает по-русски, а вчера я читал, не помню где, что она уже говорит по-русски; но ведь доподлинно известно, что 8 лет тому назад она ничего не понимала по-русски и говорила на скверном немецком языке. За 8 лет, находясь постоянно среди русских, невольно начнешь понимать язык и даже говорить на нем. Вот как пишется история.

Что касается газеты «Последние Новости», то я ее никогда не читаю и никого из сотрудников не знаю, и ни с кем не говорил, так что ответственность за их писания я на себя не принимаю. Чтобы покончить мое отношение к этому вопросу, скажу, что Дмитрию и Ростиславу (моим детям), находящимся в Нью-Йорке, я ни слова не писал о Чайковской, они часто видят Ксению Лидс и конечно увидят Чайковскую, пусть решат сами, я никакого давления на них не произвожу.

Обидно, что люди, вроде Глеба Боткина, врут, я читал в Америк[анских] газетах, что он говорил, что он рос с детьми Государя. Это ложь.

В прошлом году я видел г[оспо]жу Мельник (Боткина), она мне показывала много фотографий Чайковской и удивилась, что я не узнаю Анастасию, [в] чем я виноват, когда я не нашел ни малейшей черты схожей с ней, и мои дети тоже.

Я совершенно верю Твоей искренности и Твоему глубокому волнению, когда Ты узнал Анастасию, но как же не поделиться этой радостью с нами и не позвать моих детей и меня.

Твой Любящий Сандро.

П. С. В моем письме от 9 Февр[аля] я написал, что Саблин видел Чайковскую в [19]20 или 21 году. Я ошибся, я проверил, он видел ее осенью [19]22 года.

С подлинным верно: [подпись].

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 65. Л. 6–7. Заверенная копия.
Машинопись.

№ 23. Письмо Великой княгини Ксении Георгиевны
Великому князю Андрею Владимировичу

Нью-Йорк

22 Апреля 1928 года

Дорогой Андрей,

Очень благодарю Тебя за два письма. После получения Твоего первого письма, т[ак] к[ак] Mise Gallacher уже Тебе телеграфировала, я сперва решила немного подождать своим ответом, а затем я ушибла руку и долго не могла писать.

Я, как Ты, больше не сомневаюсь в том, что это Анастасия. Я с детства ее помнить, конечно, не могу, мне было всего 10 лет, но, видя ее каждый день теперь уже в течение двух месяцев, для меня другого ответа просто нет. Она, безусловно, лучше, чем была вначале, но, конечно, все возьмет время. Слава Богу, она относится с большой доверчивостью к M[ada]me Дерфельден и ко мне. Кроме нас никто ее не видит. К сожалению, она разлюбила Mise Gallacher, которую я сразу же отпустила; кроме горничной ей все равно теперь никого не нужно, Mise Gallacher оставила мне записки об Анастасии, которые я храню в виде «Affidavit»¹ в банке.

Теперь насчет дальнейшего следствия в Румынии; я, к сожалению, никак не могу Тебе сейчас помочь, *much as I would like*². Надеюсь, ты поймешь, что все же вопрос финансов довольно сложный.

Это очень мило с Твоей стороны, что Ты предлагаешь прислать мне детали следствия, я бы была очень рада их иметь.

С[ергей] Д[митриевич] Боткин прислал мне свидетельства докторов, за что я очень тебе благодарна.

Я очень интересуюсь узнать, что ответила тебе Т[етя] Ольга и вообще, что происходит в Европе; мне никто не пишет. Мы с Анастасией болтаем по-английски вовсю. Она мне рассказывает по временам много интересного. Если захочешь предложить мне какие-либо вопросы, я буду рада Тебе ответить.

Передай пожалуйста привет Твоей жене. Напиши мне, если Тебе не трудно.

Твоя любящая Ксения

ГАРФ. Ф. 10060. Оп.1. Д. 62. Л. 82–83. Копия. Машинопись.

¹ «Клянусь» (англ.) – письменное заявление под присягой.

² «Как бы мне ни хотелось» (англ.).

Великая княгиня
Ольга Александровна

Великий князь
Александр Михайлович

Княжна
Ксения Георгиевна

№ 24. Письмо Великого князя Андрея Владимировича Великому князю Александру Михайловичу

[Кап д'Ай]

4 Ноября 1928 года

Дорогой Сандро,

Недавно в печати появилось заявление, подписанное многими членами нашей семьи относительно дела Чайковской. Лишь много спустя я узнал, что Ты был инициатором этого заявления и собирал подписи под этим заявлением.

Конечно, каждый вправе иметь свое мнение об этом деле и делать соответствующие заявления, это вполне естественно и понятно. Я бы даже не писал бы Тебе об этом, но дело в том, что меня стали осаждать со всех сторон по поводу этого заявления газетные сотрудники и посторонние лица с вопросами. Никому я ничего не отвечаю и храню полное молчание по этому делу. Но мне пришлось выслушать некоторые замечания по этому поводу, о чем я и хотел Тебя предупредить.

Первое, на что все обращают внимание, это на то, что из 33 лиц нашего семейства лишь 12 подписали заявление, остается вопрос, что же думают остальные. Кроме того, из подписавших лишь одна Ольга видела больную, а остальные подписавшие причем тут, – создается впечатление, что не все солидарны с этим мнением, а некоторые высказались, не имея никаких оснований говорить за или против.

Кроме того, и самый текст заявления возбуждает много сомнений, так как он составлен не особенно удачно. Было бы лучше ограничиться заявлением Ольги, единственной имеющей и основание и право об этом говорить, так как она с этим делом знакома, больную видела и может дать бесспорное заявление.

Вот что мне пришлось выслушать по этому поводу, и я очень сожалею, что Ты не посоветовался со мною раньше. Если бы было признано необходимым сделать заявление с тою целью, чтобы не допустить шантажных процессов и поставить весь этот вопрос в известные рамки, то я бы первый же откликнулся на твой призыв, ибо, несмотря на то, что я больную видел и, по-моему, она Анастасия, я бы первый протестовал бы против того, чтоб она была бы признана помимо воли и мнения ближайших родственников.

Считаю необходимым снова сказать Тебе, что я никогда не собирался навязывать свое мнение другим, и мое мнение попало в печать помимо моей воли, я лишь преследовал известные цели и буду их преследовать и далее, и когда дело будет кончено, то тогда я сообщу результаты всем членам семьи, и пусть тогда решится этот спорный вопрос.

В заключение могу лишь добавить, что все же дело чрезвычайно сложное и требует весьма осторожного к себе отношения и нельзя его решать необдуманно, не рискуя вызвать гораздо более сложные последствия.

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 65. Л. 9. Копия. Машинопись.

**№ 25. Письмо Великого князя Александра Михайловича
Великому князю Андрею Владимировичу**

Париж

8 Ноября 1928 года

Дорогой Андрей,

Спасибо за письмо, на которое спешу ответить.

Да, я был инициатором нашего заявления¹ и на себя же взял опрос лиц нашей семьи, ибо шантаж и ложь, распространяемые безответственными лицами, перешла границы терпимого.

¹ «Заявление русской царской семьи, относительно Чайковской» опубликовано в прессе 15 октября 1928 года.

«Газеты сообщали, что некая женщина, именующая себя госпожой Чайковской, утверждает, будто она Великая Княжна Анастасия Николаевна, чудесно спасенная от смерти: газеты добавляют, что авторитетные лица признали в ней Великую Княжну Анастасию Николаевну.

К нам часто обращаются с вопросами, насколько это утверждение верно и наше молчание истолковывают, как допущение этой возможности.

В виду этого, для предупреждения ложных толков и предположений, мы считаем своим долгом, сделать следующее заявление.

Великая Княгиня Ольга Александровна, близко знавшая детей Государя, виделась и говорила с женщиной, которая именует себя госпожой Чайковской и в которой некоторые лица узнают Великую Княжну Анастасию Николаевну. Великая Княгиня Ольга Александровна категорически заявляет, что эта женщина не имеет ничего общего с личностью Великой Княжны.

Фрейлина Их Величества Баронесса Буксгевден, бывший воспитатель Наследника Цесаревича и преподаватель французского языка Августейших дочерей Государя – господин Жильяр и госпожа Жильяр, бывшая при них няней, остававшиеся при Царской Семье вплоть до момента ее заточения в Екатеринбург в мае 1918 года, также виделись и говорили с этой женщиной и точно так же самым определенным образом заявили, что не узнали в ней Великой Княжны Анастасии Николаевны.

С. С. Кострицкий, зубной врач Их Императорского Величества, лечивший зубы всех детей Государя и видевший их в последний раз в Тобольске в 1918 году, имел в руках гипсовые слепки верхней и нижней челюсти госпожи Чайковской и удостоверил, что эти слепки по расположению зубов и формы челюстей совершенно не походят на зубы, их расположение и строение челюстей Великой Княжны Анастасии Николаевны.

Профессор Бишоф (Директор Института научной полиции Лозаннского Университета) после тщательной экспертизы и сличения фотографий категорически заявил: «Невозможно допустить сходства между личностями госпожи Чайковской и Великой Княжны Анастасии Николаевны».

На основании этих свидетельств, мы заявляем свое твердое убеждение, что женщина, именующая себя госпожой Чайковской и находящаяся в настоящее время в С[оединенных] Ш[татах] Северной Америки, не есть Великая Княжна Анастасия Николаевна.

Настоящее заявление одобрено Императрицей Марией Федоровной»

(Текст заявления публикуется по: Боткина Т. Возвращение Анастасии. Ч. 3 // <http://www.proza.ru/2010/06/14/1078>).

Если Тебя осаждали со всех сторон газетные сотрудники и разные лица с вопросами по поводу этого заявления, то и меня они не оставляли в покое, и я и тем, и другим давал соответственные объяснения. Те же, которые обращались ко мне, хорошо поняли, что подписали заявление только ближайшие родственники, и их это обстоятельство совсем не удивило.

Ты прав, что из нас, членов семейства подписавшихся, видела больную только Ольга, кроме нее ее видели и другие лица, не меньше Ольги компетентные. Что касается твоего мнения, что некоторые высказались, не имея на то никаких оснований говорить за или против, то здесь возникает вопрос доверия к мнению лиц, которых честность и интимное знание Анастасии не возбуждает никаких сомнений.

Удовлетворить всех не возможно, и если Ты и другие лица считают, [что] текст составлен «не особенно удачно», это меня несколько не смущает, так как мы остановились на этом тексте после долгих обсуждений и при участии компетентных юридических лиц.

Советоваться мне с Тобою не было оснований, ибо Ты признал в Чайковской Анастасию и настаиваешь на этом и сегодня.

С тех пор, что я с Тобою беседовал с последний раз, я узнал много нового и полезного для разоблачения в свое время интриг и намерений лиц, ведущих интенсивную пропаганду в пользу Чайковской, таким образом, в свое время Ты и я сообщим всем членам семьи наши соображения и документы.

Что касается Твоего заключения: «Что все же дело чрезвычайно сложное и требует весьма осторожного к себе отношения, и нельзя его решать необдуманно, не рискуя вызвать гораздо более сложные последствия», – то на это я отвечаю, что сложности в нем никакой, ибо в Чайковской нет ни единого признака материального и духовного, который бы давал основание даже к сличению ее с Анастасией, но Ты прав, что оно требует к себе серьезного отношения, но здесь идет вопрос вовсе не о Чайковской, а о той организации, которая, зная, так же как и я, что Чайковская не Анастасия, все же, во что бы то ни стало, хочет доказать, что она Анастасия.

Твои слова «нельзя решать его необдуманно» не особенно удачны, ибо если ты думаешь, что только Ты один решаешь все обдуманно, а другие решают необдуманно, то Ты ошибаешься, такое мнение, по меньшей мере, сильное; могу Тебя заверить, что и другие решают его обдуманно.

В заключение скажу, что первоначально было принято решение опросить всех лиц семьи нашей, дабы получить их подписи, и с этой целью я разослал наше заявление всем, кроме Тебя. Результат опроса получился следующий: из 36 членов нашей семьи (кроме Тебя) 9 вовсе не ответили, 1 выразил особое мнение согласное в принципе с тем, что сказано в заявлении, 2 отказались подписать, потому что Чайковскую не видели, 1 желал получить предложение Императрицы Марии Федоровны, 1 выразил неуверенность в том, что Чайковская не Анастасия.

Ввиду такого результата мы решили ограничиться подписями ближайших родственников Государя, ибо поместить в газетах то, что я Тебе пишу, было неудобно.

Как Ты знаешь, Эрн, Виктория и Ирена также подписали заявление. Таким образом, считая и Тебя, всего 40 человек. 24 подписали; те 9 человек, которые не ответили, не имеют смелости выразить свое мнение, но я знаю, что 8 из них согласны с мнением, выраженным в заявлении; собственно говоря, надо считать, что из 40 чел[овек] – 35 убедились в том, что Чайковская – не Анастасия, 2 убедились в том, что Чайковская – Анастасия (Ты и Ксения), 2 ответили тем, что ее не видели и 1 сомневается.

Ты пишешь о 33 членах нашей семьи, я считаю 37²: Кирилл, Доки³, Борис, Андрей, Алена, Дмитрий, Мари, Гавриил, Георгий, Татьяна, Вера, Елена П[етровна], Николаша⁴, Стана⁵, Сергей, Елена, Петюша, Милица, Роман, Марина, Надя, Миша, Мини⁶, Нина, Ксения, Ольга, я, Ксения, Ирина, Андрей, Федор, Никита, Дмитрий, Ростислав, Василий, Алек и Сандро Лейх[тенбергский] – 37, Эрн, Виктория и Ирена – 40.

Господь с Тобю

Сердечно Твой «Сандро»

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 65. Л. 10–11. Копия. Машинопись.

² Александр Михайлович включает в свой список только совершеннолетних членов семьи Романовых.

³ Доки – Великая княгиня Виктория Федоровна.

⁴ Николаша – Великий князь Николай Николаевич.

Стана – Великая княгиня Анастасия Николаевна.

Мини – княжна императорской крови Мария Кирилловна.

**№ 26. Проект доклада Великого князя Андрея Владимировича
Великому князю Кириллу Владимировичу
по делу Анастасии Чайковской**

[Кап д'Ай]

[Конец 1928 года]

Дело о больной, именуемой Чайковской, принимает за последнее время крайне запутанный оборот и грозит в дальнейшем такими осложнениями, которые непосредственно затрагивают меня, как Члена ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии, и ставят передо мною вопросы нравственного порядка.

В такой обстановке я считаю своим долгом и своим правом представить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ некоторые объяснения и соображения.

Когда, несколько лет тому назад, появились первые слухи о больной, я не придавал им значения, видя в них очередную сенсацию, которыми столь богато наше смутное время.

Постепенно, однако, ко мне начали мало-помалу стекаться сведения и показания отдельных лиц, из которых я усматривал, что дело далеко не обыденное, и что в данном случае допустимы весьма существенные сомнения. А так как сомнения эти связаны с именем дочери ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, я стал принимать все доступные и посильные мне меры, чтобы доискаться истины. Таким образом, у меня накопилось обширное следственное производство, включающее в себе и положительные и отрицательные свидетельства о больной.

Собранный в итоге более двух лет работы обширный материал был мною подвергнут тщательному изучению и сопоставлению, и я, по чистой совести, пришел к выводу, что если пока еще нет бесспорных формальных данных для официального признания в больной Великой Княжны Анастасии Николаевны, то существует немало весьма существенных косвенных оснований для внутреннего убеждения в таковом тождестве. Убеждение это нашло себе подтверждение в тех (к сожалению, мимолетных) личных впечатлениях, которые я вынес из свидания с больной в Париже минувшей весной. Однако собранный мною материал не дает основания к категорическому отрицанию тождества. Ввиду этого всякое категорическое заявление в ту или иную сторону я считаю преждевременным, как не имеющее под собою твердых и незыблемых доказательств.

О доходивших до меня важнейших фактах и возникавших у меня сомнениях и колебаниях я неуклонно писал Членам нашей Фамилии. В большинстве случаев обращения мои либо оставались без ответа, либо вызывали неопределенные отрицания значения волновавших меня вопросов.

Наконец, вслед за кончиной ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ в печати было опубликовано со ссылкой на одобрение ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВОМ заявление 12 Членов ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии о том, что «на основании указанных в заявлении свидетельств», они заявляют «свое твердое убеждение, что женщина, именуемая себя г[оспо]жой Чайковской и находящаяся в настоящее время в С[оединенных] Ш[татах] Северной Америки, не есть Великая Княжна Анастасия Николаевна».

Не будучи привлечен к участию в этом выступлении, о котором я узнал лишь из газет, и не видя под заявлением подписей других здравствующих членов нашей Фамилии, я обратился к Великому Князю Александру Михайловичу за соответствующими разъяснениями. Возникшая между нами переписка была уже представлена в копиях.

Из этой переписки усматривается, во-первых, что Великий Князь Александр Михайлович указывает на то, что он располагает исчерпывающими документами, совершенно бесспорно и с несомненностью, по его мнению, доказывающими отсутствие какого-либо тождества больной с Великой Княжной Анастасией Николаевной, и, во-вторых, что в настоящем деле имеются шантажные домогательства со стороны лиц, известных Его Высочеству. Но, говоря об этом, Великий Князь Александр Михайлович категорически заявляет вместе с тем, что он отказывается вести со мною дальнейшую переписку, считая ее совершенно излишней.

Создавшееся, таким образом, положение представляется для меня совершенно непонятным. Почему я, потративший немало душевных и материальных сил на расследование дела и переживающий мучительные сомнения, отстраняюсь от дела и не получаю возможности ознакомиться с данными, которые эти сомнения должны устранить. Ведь, стремясь исключительно к выяснению истины, я был бы только бесконечно благодарен, если лица, убежденные в ней, поделились бы со мною своими сведениями и этим сняли бы с моего сознания тяжелое бремя сомнения. Иначе, продолжая свое расследование, быть может, я буду стучаться в двери, для других уже открытые, напрасно тратя

время и продлевая дело, без того слишком длящееся и отзывающееся на престиже нашей Семьи. Было бы естественнее и согласно нашим традициям с полной откровенностью и взаимным доброжелательством помочь друг другу доискаться правды и общими силами покончить с вопросом, который затрагивает всю ИМПЕРАТОРСКУЮ Фамилию.

Помимо нравственной, весьма для меня болезненной, стороны дела, имеется и другая, о которой я не могу умолчать. Великий Князь Александр Михайлович утверждает, что история больной есть результат шантажных происков организации, которая, зная, что Чайковская не Великая Княжна, все же во что бы то ни стало хочет доказать, что она Великая Княжна. Получается впечатление, что я, в течение более двух лет работая над расследованием, которое стало для меня требованием совести, являлся как бы игрушкой в руках темных дельцов, что этим расследованием я как бы играл в руку разным шантажистам, что мои действия будто бы шли и идут в разрез с интересами ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии и тех ближайших родственников покойного ГОСУДАРЯ, которые являются объектом шантажных домогательств. Отсюда возможны и иные намеки и предположения, о которых я не хочу даже говорить, но которые возможны в наше печальное лихолетье, когда и понятия, и побуждения, и принципы в корне поколеблены.

Наряду с изложенными соображениями, касающимися меня в моих нравственных переживаниях и моего положения, как Члена ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии, в рассматриваемом вопросе еще одна существенная сторона.

По-видимому, в ближайшем будущем можно предположить, что в Америке одним выдающимся адвокатом и общественным деятелем, заинтересовавшимся больною, будет возбуждено перед компетентным судебным местом дело об установлении ее личности. Не исключена возможность, что суд обратится к членам нашей семьи с запросами по существу этого дела. Какое же тогда, при нынешних условиях, случится положение. С одной стороны, существует подписанное 12 Членами Фамилии и подтвержденное авторитетом в Бозе почившей ГОСУДАРЫНИ заявление категорического характера. С другой стороны, остаются 25 Членов Фамилии, подписи которых по тем или иным причинам на этом заявлении отсутствуют и мнение которых о больной, следовательно, может быть толкуемо в том или ином направлении. Наконец имеется мой следственный материал и вынесенное из него мною внутреннее убеждение. При этих условиях

легко можно предвидеть, что в случае обращения суда к Членам нашей семьи, ответы, не будучи согласованные, могут показаться суду как существующее среди семьи расхождение во мнениях по этому делу. В итоге, по вопросу, более двух лет волнующему общественное сознание не только в русской среде, но и среди иностранных кругов, и связанному с именем дочери покойного ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Императорская Фамилия выступит разногласно, и суд должен будет разбираться и выносить приговор, который для тех или иных Членов Фамилии явится признаком их неправоты и проявлением недоверия к их утверждениям.

С другой стороны, уклонение от дачи суду сведений, естественно, рассматривалось бы со стороны суда как желание что-то скрыть, что породило бы новые неблагоприятные толки, столь обильно и без того распространяемые. Несомненно, однако, что вся ИМПЕРАТОРСКАЯ Семья одинаково заинтересована в установлении истины в этом волнующем весь мир вопросе, почему наш общий долг всемерно помочь суду, а не препятствовать ему или затруднить его задачу несогласованными и противоречивыми ответами.

Совокупность приведенных соображений, затрагивающих и лично меня, и всех нас, выдвигает на очередь необходимость срочно изыскать способы установить в ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии единства взгляда на дело и на личность больной, дабы в дальнейших выступлениях была бы устранена возможность той несогласованности и тех противоречий, которые отражаются нежелательными последствиями в общественном мнении.

В этих целях представлялось бы соответственным учредить пока негласную комиссию в составе заслуживающих полного доверия, известных своим беспристрастием и преданностью Династии деятелей, например, из Сенаторов или Членов Государственного Совета.

Так как в данном случае сталкиваются два противоположных убеждения: одно, выразителем которого является Великий Князь Александр Михайлович, что дело окончательно выяснено и не требует дальнейшего расследования, и другое, мое, разделяемое также некоторыми членами семьи, что дело далеко еще не выяснено и требует дальнейшего расследования, то, казалось бы, следовало бы предоставить каждому из нас избрать по одному участнику комиссии, которые, в свою очередь, наметили бы председателя, подлежащего утверждению ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ.

Комиссии этой должно быть присвоено право требовать от Членов ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии и тех лиц, мнение и сведения которых было бы полезно знать, письменных и изустных показаний, а равно предъявления имеющихся у них документов, материалов, снимков и вообще всего того, что может способствовать скорейшему выяснению дела.

Означенной комиссии следовало бы поставить в первую голову задачу установить, достаточно ли полны и точны имеющиеся в данное время данные по делу Чайковской. Если эти данные, по мнению комиссии, достаточны, и дело может почитаться окончательно установленным, то в каком именно смысле. Если же эти данные будут признаны комиссией недостаточными, и требуется дальнейшее расследование, то определить, в каком порядке его вести. Кроме того, комиссия могла бы определить, следует ли и в какой форме и в каком порядке реагировать на возможные запросы американских адвокатов и судов.

Доклад и заключения комиссии будут повергнуты на ВЫСОЧАЙШЕЕ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благовоззрение, и от воли ВАШЕЙ исключительно зависит дать им то или иное, обязательное для всех Членов Фамилии, направление.

Ежели ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ не благоугодно будет принять решение только на основании доклада комиссии, не имея перед собою мнения всех Членов Фамилии, то означенный доклад мог бы быть предварительно разослан всем Членам Фамилии на предмет получения от них отзывов по означенному докладу. Это дало бы возможность всем ознакомиться с делом на основании полного и беспристрастного доклада комиссии и составить себе определенное мнение.

Изъяснения, объяснения и предположения долгом почитаю представить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, как Главе ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии.

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 35. Л. 1-8. Подлинник. Машинопись.

Принцесса Ирина Прусская

Принцесса Цецилия Прусская

Герцог Эрнест Гессенский

Великий князь
Михаил Николаевич

Великие княгини
Ольга и Ксения

Великий князь
Александр Михайлович
и Великая княгиня
Ксения с детьми

Великая княгиня
Анастасия (Стана) Николаевна

Великая княгиня
Виктория Федоровна

Великая княгиня
Мария Павловна

Великая княгиня
Мишина Николаевна

Великий князь
Борис Владимирович

Великий князь
Николай Николаевич

Великий князь
Дмитрий Павлович

Великая княгиня
Елена Владимировна

Великая княгиня
Елена Петровна

НА ПУТИ В ЕВРОПУ

Известия о пути из Екатеринбурга на Запад возможно спасенной Анастасии крайне скупы и противоречивы. В архивном фонде Великого князя Андрея Владимировича сохранились материалы двух расследований о поиске доказательств ее пребывания в Румынии. Они не дают окончательного ответа на данный вопрос, но, тем не менее, содержат хотя и скудную, но все-таки необходимую информацию на этот счет.

№ 27. Сводка сведений из Румынии по делу Анастасии Чайковской

[Апрель 1928 года]

С 1920 г[ода] и по 1922 г[од] в берлинских полицейских протоколах и книгах госпиталей значилась «неизвестная». Ни своего имени, ни фамилии «неизвестная» не давала. Лишь после того, что она была опознана в Даледорфском госпитале г[оспо]жей Пойтер как одна из дочерей Государя императора и была взята к себе на квартиру бароном Клейстом, туман над «неизвестной» начал несколько рассеиваться.

4 Августа 1922 г[ода] З[инаида] С[ергеевна] Толстая, придя на квартиру барона Клейста, чтоб посетить «неизвестную», последняя ей рассказала следующее: [...]

«Она, – пишет З[инаида] С[ергеевна] Толстая, – мне рассказала о всем убийстве Царской Семьи, что первым был убит Государь, и что когда это все началось, она, испугавшись, бросилась за сестру Татьяну, которая, упав, покрыла ее; потом, что она почувствовала сильный удар по голове и больше ничего не помнила, а очнулась уже в избе, окруженная солдатами. Что оказалось, ее спас Александр Чайковский, который был в карауле в Ипатьевском доме, что потом этот Александр со своей матерью Марией, братом Сергеем и сестрой Вероникой ее на телеге увезли и после длинного путешествия, наконец, добрались до Румынии».

На следующий день 5 Августа З[инаида] С[ергеевна] Толстая вновь посетила «неизвестную» и вот что пишет:

«Очень покраснев и закрыв лицо руками, она стала мне говорить, что хочет мне поведать одну свою тайну, но, что прямо не знает, как к этому приступить, так как ей очень стыдно и просила дать честное слово, что никто об этом от меня никогда не узнает. После чего, она мне рассказала, что у нее в Бухаресте родился мальчик от Александра Чайковского, которого она назвала Алексеем, что вскоре отец ребенка был на улице кем-то ранен в грудь, после чего у него сделалась скоротечная чахотка, и он умер. Тогда ей стало до того стыдно и неприятно все, что с ней случилось, и потом еще испугавшись, что кто-то напал на их след, она решилась бежать в Германию к своим тетям, что через границы она переходила пешком в тех местах, где нет стражи, и что, наконец, очутившись в Берлине, она решила покончить с собой и бросилась в воду. Ребенок, по ее словам, остался у Чайковских в Бухаресте, и она начала меня умолять его разыскать и ей привезти, так как говорила, что это теперь единственное утешение в ее жизни и добавила: “его смерть – моя смерть”. Название улицы, на которой они жили, она не помнила, только знала, что она отходит от главной улицы, идущей от вокзала. Я ей обещала сходить в Румынское Консульство и постараться узнать».

«Днем я сходила, – пишет З[инаида] С[ергеевна] Толстая [...], – в Румынское консульство, где получила целый список улиц, отходящих в Бухаресте от “улицы Виктории”. Придя домой к больной, я ей прочла все эти названия, и она, очень обрадовавшись, сказала, что это была “улица Свенти Воевози”».

Это были первые сведения, данные «неизвестной» о том, что из России, после спасения, она попала в Румынию и проживала в Бухаресте на улице Свенти Воевози.

Впоследствии «неизвестная» повторила это показание и несколько его дополнила.

Г[оспо]жа Ратлева в своих записях (Июнь – Июль 1925 г[ода]) пишет со слов «неизвестной», которая в дальнейшем будет именоваться «Анастасией Чайковской», что после ее спасения солдатом Чайковским и нескольких недель путешествия, они прибыли в Румынию. Сперва она страдала от раны в голове, а после – у нее началась нервная лихорадка. Вероятно, в это время она забеременела от Александра Чайковского. Оправившись после родов, она потребовала, чтоб Чайковский на ней

женился, и была обвенчана с ним в католической церкви в Бухаресте. Под какой фамилией был ее сын крещен, она не знает, но потребовала, чтоб его не записали бы под фамилией «Романов». Вскоре после венчания Александр Чайковский был на улице застрелен. Она видела его труп и вместе с двумя Чайковскими, матерью и дочерью, поехала на кладбище на похороны. После Рождества 1919 г[ода], когда она оправилась, она решила бежать в Германию. Сопровождал ее в Германию брат ее мужа Сергей Чайковский.

Семья Чайковских, с которыми она бежала из России, состояла из: матери – Марии, лет 40, с правильными чертами лица, волосы темная блондинка; дочери Вероники, на вид простая крестьянка, широкое красное лицо; старший сын, Александр – ее муж, лет 20–30, среднего роста, темный блондин, правильные черты лица, даже резкие, узкий нос и маленькие усы. Лицо было как бы высеченное из камня, неподвижное, строгое, и вид был, что он никогда не смеется. Он был всегда очень чисто вымытый и в Бухаресте, в своей новой одежде, больше не походил на солдата, а скорее на офицера; второй сын – Сергей, почти одних лет с Александром, очень добродушный.

«Во время бегства Александр Чайковский говорил мне, что они направляются в Румынию, там будут в безопасности и остановятся у своего “родственника” садовника. Когда, уже в Бухаресте, А[лександр] Чайковский мне рассказал про судьбу моих родителей, сестер и брата, я заболела нервной лихорадкой и была, по-видимому, очень долго больна».

Все вышеприведенные сведения взяты из показаний самой Анастасии Чайковской, данных З[инаиды] С[ергеевны] Толстой в 1922 г[оду] и г[оспо]жи Ратлевой в 1925 г[оду].

В начале 1926 г[ода] поступило показание некоего Константина Анастасиу (гор[од] Колораш, ул[ица] Думитреску 27), в котором он показывает, что в 1918 г[оду] в Бухаресте, в Ноябре месяце, после операции в Филантропическом госпитале, сидя однажды на площади Виктории, недалеко от названного госпиталя, к нему подошел его знакомый по России, поляк, служивший в армии большевиков. Он его знал по имени «пан Станислав». Он был среднего роста, темный блондин со шрамом над левым глазом. «Этот пан Станислав, – пишет Анастасиу, – сказал мне, что имеет мне передать нечто, но просил меня сначала дать слово, что это останется в секрете. Когда я ему дал слово, он мне поведал, что у него под охраной находится одна из дочерей

Государя, расстрелянного Юровским. Одну из дочерей я спас и хочу привезти ее с одним моим товарищем из одной деревни, под Одессой, недалеко от Николаева, где я ее оставил. Я ее спас и на телеге довез до деревни около Одессы – Николаева. Она ранена в голову и лицо. Станислав советовался со мной, можно ли ее поместить в один из госпиталей Бухареста. На этом мы расстались, и он не принял никакого решения».

Ввиду стольких сведений, имевшихся о пребывании Анастасии Чайковской в Румынии, образованный в 1925 г[оду] берлинский комитет по расследованию этого дела, командировал в Румынию г[оспо]жу Шпиндлер, которая с 10 Января по 22 Марта 1926 г[ода] обследовала Румынию. Никаких положительных данных это обследование не дало. Одно лишь подтвердилось, что слух о спасении одной из Великих Княжон крепко держится в Бессарабии, указываются пункт переправы через Днестр и города, где Великая Княжна проживала, но напасть на след хотя бы одного свидетеля г[оспо]же Шпиндлер не удалось. Допрошенный ею Анастасию подтвердил свое показание и произвел впечатление правдивого свидетеля. Обследование города Бухареста тоже не дало результатов. Осмотр церковных книг не привел ни к чему, ни записи о смерти Александра Чайковского, ни его свадьбы, ни крестины сына в книгах найти не удалось.

В 1927 г[оду] в Румынию был командирован немецкий адвокат Шурихт для обследования Румынии. Ему удалось установить, что в Бухаресте есть действительно улица Свенти Воевози, но определить дом, в котором могла жить А[настасия] Чайковская, он не успел. В г[ород] Яссах д[окто]р Шурихт допросил Грегорьяна, который показал, что 5 Декабря 1918 года одна из Великих Княжон перешла Днестр около местечка Березина и поселилась в Оргееве. Но от дальнейших показаний он и его жена отказались, хотя и дали понять, что знают многое, но говорить не могут. Общее впечатление д[окто]р[а] Шурихта, что свидетели запуганы, а полиция тщательно скрывает следы и не искренно работает для раскрытия тайны.

В Июле 1927 г[ода] поступило показание Сергея Семеновича Чоколова, проживающего в г[ороде] Кишиневе, следующего содержания:

«Случайно будучи в Кишиневе (Май 1919 г[ода]) у ювелира на Пушкинской улице, в магазине Атацкой, я увидел нитку жемчуга, которую ей кто-то принес для продажи, и ювелирша предложила

мне купить, я не желал покупать, но она все же прислала владельца той нитки к нам на дом (Садовая, 15). Явился молодой человек лет 25–28, элегантно одетый, бритый, с маленькими усиками, гладко причесанными волосами. Фамилию его никто, к сожалению, не мог вспомнить, но не Чайковский, и сказал, что он приехал из России, привез с собой только эту нитку жемчуга и что едет в Бухарест и хочет ее продать. Я ему посоветовал продавать в Бухаресте, так там цена лучше, он же заявил, что боится везти ее, т[ак] к[ак] у него его документы не в порядке, он боится, что его задержат или арестуют и могут украсть жемчуга. При этом он показал нитку жемчуга средней величины, довольно ровный с определенным желтоватым оттенком. Нитка длиной была около аршина, и вероятно было около 100 жемчугов. Она была зашита колбаской в белую матерью, так что ее можно привязать за концы вокруг пояса. Т[ак] к[ак] мы ехали сами в Бухарест, то он просил меня довести ему эту нитку – я согласился, и через несколько дней мы поехали в Бухарест, это было в начале Мая 1919 г[ода]. В Бухаресте я передал ему эту нитку, причем после чего заходил к нему в гостиницу «Симплон», на улице Кампинеану. Затем, через несколько дней, встретил его в Бухаресте, и он сказал, что продал одному из ювелиров за сумму что-то около 80–90 000 лей».

В книге Соколова (французское издание) на стр[анице] 252 приведено показание Теглевой, где сказано, что кроме зашитых в кофточки драгоценностей, Великие Княжны носили под рубашонками много жемчугов.

В записях г[оспо]жи Ратлевой (8–31 дек[абря] 1925 г[ода]) со слов А[настасии] Чайковской записано: «Моя нитка жемчугов, которую я постоянно носила, была во всю длину зашита, чтоб не рассыпалась». «Потом в Бухаресте жемчуга были проданы».

Во время свидания А[настасии] Чайковской с полковником Даселем в Зеоне (Сентябрь 1927 г[ода]) последний спросил А[настасию] Чайковскую о продаже Чайковским в Бухаресте жемчугов. А[настасия] Чайковская страшно побледнела и взволновалась и сказала, что жемчуга были не желтые, а желтоватые, и что были зашиты в белую матерью и носились через плечо.

Розыски в Бухаресте привели к тому, что по улице Свенти Воевози были найдены дома с огородами и внутренними садами, но установить, кто в них жил в 1919–1920 годах, пока не удалось.

Герцог
Александр Георгиевич
Лейхтенбергский

Принц
Александр Петрович
Ольденбургский

Князь
Ростислав Александрович

Князь
Никита Александрович

Князь
Василий Александрович

Князь
Дмитрий Александрович

Князь Андрей Александрович
с женой

Княжна
Марина
Петровна

Княжна Нина Георгиевна
и Павел Чавчавадзе

Княжна
Ирина Александровна

Княжна
Мария Кирилловна

Княжна
Ксения Георгиевна

Княжна
Надежда Петровна

Князь
Михаил Сергеевич Путятин

Сергей Георгиевич
Лейхтенбергский

Княжна
Надежда Петровна
и князь
Роман Петрович

Князь
Гавриил
Константинович

Князь
Георгий
Константинович

Княжна
Татьяна
Константиновна

Великая княгиня
Елизавета Мавриковна
и ее дочери — княжны Вера
и Татьяна Константиновны

Княжна
Кира Кирилловна

Княжна
Марина Петровна

Княжна
Марина Петровна

Княжна
Ирина Александровна

Хотя все эти сведения и [не] дают прямого ответа на вопрос, жила ли в Бухаресте А[настасия] Чайковская, однако нельзя не обратить внимание на то, что в народе, да и повсюду ходит и до сих пор слух, что одна из Великих Княжон спаслась, и все эти слухи концентрируются в треугольнике – Яссы – Бендеры – Сороки.

Показание Анастасиу, если только оно достоверно, показывает, что один, вероятно, из Чайковских прибыл в Бухарест в Ноябре 1918 г[ода] для розыска госпиталя, куда бы поместить спасенную им Великую Княжну. Если это сведение достоверное, то оно может служить исходным пунктом для розысков и определяет приблизительно время прибытия Вел[икой] Княжны в Румынию, т[о] е[сть] в конце 1918 г[ода].

Если лицо, продававшее в Кишиневе жемчуга, действительно одно из братьев Чайковских, то можно предположить, что переезд в Бухарест состоялся после [наступления] 1919 г[ода]. Может быть, этот переезд состоялся в связи с предстоящим разрешением от бремени, кто знает, но сама А[настасия] Чайковская многократно повторяла, что она была в Бухаресте, что там родился ее сын, там же была и свадьба с Александром Чайковским, там же он и умер, и, наконец, из Бухареста она бежала в Германию. Таким образом, именно в Румынии вообще и в частности в Бухаресте следует искать следы Чайковских.

Вопрос другой, действительно их фамилия Чайковские или это вымышленное имя для скрытия следов. Если верно, что один из солдат спас Великую Княжну и его разыскивали, то, вероятнее всего, он и его семья взяли другую фамилию и под этой вымышленной фамилией и проживали в Румынии, сперва, вероятно, нелегально.

Неудивительно будет, что просмотр всех церковных книг не дал результатов, если искали имя «Александр» и фамилию «Чайковский», оба вероятно вымышленные.

Совокупность всех этих данных дает все же основание предполагать, что именно в Румынии следует искать следы и, наверное, они там находятся, но не были раскрыты до сих пор.

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 25. Л. 10–13. Подлинник. Машинопись.

**№ 28. Доклад адвоката Шурихта о проведенном им
в 1927 году расследовании в Румынии следов пребывания
Анастасии Чайковской**

[1927 год]

Могу, наконец, доложить Вам окончательные результаты моих расследований в Румынии и, в особенности, в Бессарабии по делу особы, именующей себя Великой Княжной Анастасией Николаевной.

К делу этому я отнесся с исключительной серьезностью и вниманием, понимая всю ответственность и допуская, несмотря на всю его фантастичность, всякие возможности.

К расследованию мною были привлечены: бывший прокурор здешнего Окр[ужного] Суда г[осподин] Милсант, Тов[арищ] Прок[урора] Митрофанов, два суд[ебных] следователя, несколько членов мест[ной] администрации, между ними бывш[ие] Сорск[ий] и Бендерский исправники, несколько священников, довольно много частных лиц. Расследование велось в полной тайне и при содействии, также полном, румынских властей, Главн[ого] Инспектора Сигуранца (Sûreté¹) и т[ому] п[одобных лиц]. Румыны, вместе с содействием и вниманием, отнеслись к делу с большим интересом и уверенностью в подлинности этой особы, которая у них сложилась после прошлогоднего посещения и расследования г[оспо]жи Шпиндлер.

Особенно внимательно был обследован участок Бессарабии – треугольник Бендеры – Яссы – Сороки, где, главным образом, группируются слухи, хотя не оставлены без внимания и обследования и другие места, куда направляли эти слухи, так напр[имер]: монастырь на Пруте в Сев[ерной] Бессарабии, район Хотина, а также полоса от Унген до Бухареста в Ст[аром] Королевстве – по слухам – путь следования Чайковского из Бессарабии в Бухарест. Обследован был, хотя много менее, и Бухарест, где сделано все, что возможно еще в прошлом году при посещении г[оспо]жи Шпиндлер. Конечно, чины Российской Императорской Миссии (бывшей), как всегда отнеслись к делу с наивысшим вниманием, особенно А. С. Савинов.

Слухи и легенды по этому делу передаются, главным образом, в треугольнике Сороки – Яссы – Кишинев (Бендеры). Особенно много рассказывают в районе с[ела] Оргеева, где в окрестностях, якобы, чета Чайковских провела некоторое время, скрываясь и соблюдая самую большую тайну.

¹ «Sûreté» – «Служба безопасности» (фр.) – вписано от руки.

Мною установлено, что главная масса слухов и легенд появилась, или м[ожет] б[ыть] выявилась, лишь с прошлого года – со времени посещения г[оспо]жой Шпидлер Бессарабии. При этом слухи эти, передававшиеся только по линии Рыбница – Криуляны – Оргеев – Ясы (севернее Унген) – Бухарест, появились и в районе г[орода] Сорин, где до этого ничего не было слышно. Рассказывают вообще разное, но все, главным образом, сводится к тому, что вскоре после занятия Бессарабии румынами – приблизительно время установить невозможно (в рассказах) одни указывают на 18-й, другие – на 19-й, третьи, наконец, – на 22-й год – с той стороны Днестра бежал русский солдат (другие говорят, офицер), который в большой тайне вез Великую Княжну – какую, неизвестно. Великая Княжна была сильно больна – все время без сознания, что они пробыли в такой-то деревне (или такой-то) и потом двинулись на запад. Версия эта видоизменяется. В районе Сорок указывают село, в церкви которого Чайковский венчался.

Передавать и перечислять рассказы не буду. Скажу – что самое мое внимательное – при помощи поименованных выше лиц, расследование – не дало никаких буквально результатов в смысле нахождения каких-либо следов или подтверждения носящихся слухов². Нигде не найдены дома, в которых жили по дороге Чайковские, ни церкви где они венчались, ни люди, с которыми они встречались, которые их перевозили и т[ак] д[алее]. Вся легенда висит в воздухе. Как только начинаете искать ее на земле, она исчезает. Люди, на которых указывают, что они доподлинно знают это дело, – обыкновенно или умерли, или же пропали без вести. В районе Сорок обследованы книги во многих церквях. Нигде ничего не найдено. Никаких буквально следов, кроме разговоров и слухов, передаваемых как слышанное – из чужих рук.

Как результат нашего здесь, на месте, расследования, докладываю, что я и все мои сотрудники пришли к убеждению, что все³ это дело не более как миф или легенда. Но является вопрос: откуда же пошли эти слухи? Что было причиной их? Почему именно здесь, в Бессарабии? Что дало начало слуху – трудно сказать, но вылился он в форму весьма желательную народу, и на этом желании – чтобы случилось такого рода чудо – сыграли многие.

² Подчеркнуто при наборе текста на пишущей машинке.

³ Подчеркнуто при наборе текста на пишущей машинке.

У нас здесь уже были самозванки Великие Княжны Татьяна, Анастасия, Великий Князь Михаил (в Журжеве). В Великих Княжон этих здесь народ верил, и я лично видел⁴ одну самозванку Анастасию, даже близко не напоминавшую покойную Великую Княжну. Видел я ее в четверторазрядном кабачке около Кишиневских боен, куда специально отправился, чтобы узреть ее. И в нее здесь верил весь черный люд. Это было летом 1924 года.

Все это дело связано было со всевозможными справками, разъездами, расследованиями, что являлось трудным при нашем нынешнем положении. Являлись все новые и новые слухи, новые места и было желание расследовать исчерпывающе и при том по совести, чтобы не взять греха на душу.

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 25. Л. 4–6. Копия. Машинопись.

---

⁴ Подчеркнуто при наборе текста на пишущей машинке.

**№ 29. Письмо Сергея Семеновича Чоколова
Александрю Владимировичу Геруа**

Телешово

20 Июля 1927 года

Многоуважаемый Александр Владимирович,

Простите меня за долгое молчание, но письмо Ваше не застало меня в деревне, и мне хотелось, прежде чем Вам ответить, навести все необходимые справки, дабы нечаянно не ввести Вас в заблуждение, помимо [того], что всякая мелочь в данном случае может повести по ложному следу.

Боюсь, что в данном случае факт продажи нитки жемчуга не имеет никакого отношения к Вел[икой] Кн[язне] Анастасии Николаевне, вот в кратких чертах, насколько помню, как было дело.

Случайно, будучи в Кишиневе у ювелира на Пушкинской ул[ице] – маг[азин] Атацкой, я увидел нитку жемчуга, которую ей кто-то принес для продажи, и ювелирша предложила мне купить, я не желал покупать, но она все же прислала владельца этой нитки к нам на дом (Садовая, 15). Явился молодой человек лет 25–28, элегантно одетый, бритый, с маленькими усиками, гладко причесанными волосами. Фамилии его никто, к сожалению, не мог вспомнить, но не Чайковский, и сказал, что он приехал из России [и] привез с собой только эту нитку жемчуга и что едет в Бухарест и хочет ее продать.

Я ему посоветовал продавать в Бухаресте, т[ак] к[ак] там цена лучше, он же заявил, что боится вести ее, т[ак] к[ак] у него его документы не в порядке, он боится, что его задержат или арестуют и могут украсть жемчуга. При этом он показал нитку жемчуга средней величины, довольно ровный с определенным желтоватым оттенком. Нитка длиной была около аршина, и вероятно было около 100 жемчугов. Она была зашита колбаской в белую материю так, что ее можно привязать за концы вокруг пояса.

Т[ак] к[ак] мы ехали сами в Бухарест, то он просил меня довести ему эту нитку – я согласился, и через несколько дней мы поехали в Бухарест, это было вероятно в начале 1919 г[ода], во всяком случае, это было, приблизительно, за 2 недели до отхода «Виолетта» из Галаца на Новороссийск (с которым, как, вероятно, Вы помните, мы потом уехали на юг России). В Бухаресте я передал ему эту нитку, причем после чего заходил к нему в гостиницу (где эта гостиница, я помню и найду, когда буду в Бухаресте), но названия ее я не помню.

Затем помню, что через несколько дней встретил его в Бухаресте, и он сказал, что продал одному из ювелиров за сумму что-то около 80–90 000 лей.

Вот все что помню по поводу этого эпизода. Прошу Вас, Александр Владимирович, передать Его Имп[ераторскому] Высочеству, что я всегда готов служить всем чем могу для расследования, и если чем либо могу быть полезным, здесь в Бессарабии, то как здешний житель, знающий местность может легче, чем посторонний, мог бы быть полезным.

Я слышал, что В[еликая] Кн[яжна] Анастасия Николаевна будто бы вспоминает, что после переезда через Днестр ночевала в монастыре – женском, недалеко от переезда. Так ли это и если так, то мне казалось, что это уже пункт, из которого может быть можно проследить и дальше.

Жена моя и я шлем Вам и супруге Вашей наш искренний привет и не преминем обязательно этой осенью лично засвидетельствовать нашу искреннюю к Вам признательность.

Примите уверение в совершенном почтении всегда готовый к услугам Вашим.

Сергей Чоколов

П. С. Если, Александр Владимирович, Вы все же найдете стоящим внимания этот эпизод и заинтересуетесь для дела узнать имя и адрес гостиницы в Бухаресте, то не откажите в любезности прислать маленький план Бухареста с обозначением гостиниц, и, может быть, я смогу восстановить в моей памяти и указать где она находится на плане.

С[ергей] Чоколов

С подлинным верно. 20 Августа 1927 г[ода]

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 25. Л. 7–8. Заверенная копия.
Машинопись.

**№ 30. Нота службы секретариата дирекции Сысской и Охранной
Полиции Министерства внутренних дел Румынии о показании
Саржо Грегорьяна, утверждавшего, что он переправлялся
через российско-румынскую границу вместе с Великой княжной
Анастасией Николаевной**

Перевод с румынского¹.

НОТА²

В Армянской Церкви в городе Яссы находится армянин по имени Саржо Грегорьян, который бежал из России еще в 1919 году.

Вышеназванный показывает, что в 1918 г[оду], 6 Декабря, он перешел Днестр на пути из России. Еще прежде перехода он останавливался в одном монастыре близ Румынской границы, где находилась и русская Великая Княжна Анастасия, меньшая дочь Царя Николая II, которая была спасена во время избиения в Екатеринбурге одним солдатом Гвардии, охранявшим дом Ипатьева, где вся Императорская Семья была в заточении.

Во время пребывания в этом монастыре с целью ожидания момента перехода через Днестр в Румынию, в одну ночь пришла большевицкая армия; застигнутые таким образом, все бежали вместе с армянином Саржо Грегорьяном, который со своей женой, тремя детьми и Анастасией перешел Днестр в пункте, называющемся Березина, и прибыл в Оргеев. На переправе через Днестр ожидал один офицер русской армии в чине полковника, который взял всех в автомобиль и доставил в Оргеев. Отсюда (Княжна) была доставлена в Бухарест. В то время как Саржо Грегорьян находился в Кишиневе, он, во внимание огромных оказанных услуг, 6-го Мая получил через курьера от Анастасии из Бухареста сумму в 5000 лей.

Когда Анастасия уезжала из Кишинева, она дала Саржо Грегорьяну деревянный крест и икону и сказала, чтоб он не крестил детей до ее возвращения, так как будет крестить сама. И еще поныне дети армянина некрещены и ожидают приезда Анастасии для крещения.

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 25. Л. 34. Копия. Машинопись.

¹ Подчеркнуто при наборе текста на пишущей машинке.

² Подчеркнуто при наборе текста на пишущей машинке.

МАТЕРИАЛЫ СПРАВОЧНОГО ХАРАКТЕРА

№ 31. Хронология событий, связанных с Анастасией Чайковской, до ее отъезда из Европы в США, составленная Сергеем Боткиным

[После февраля 1928 года]

16 на 17 Июля 1918 г[ода]	Убийство императорской семьи в Екатеринбурге (следствие Соколова)
24 Июля 1918 г[ода]	После убийства и до 24 Июля были расклеены воззвания об исчезновении Вел[икой] Ки[яжны] и о розыске (письма инженера Хохлейхнер от 3.III.27 и 5.III.28) – не ясно, висели ли такие объявления продолжительное время или, может быть, лишь несколько часов.
1918 год	Рассказ г[оспо]жи Бехтеевой о слухах о провозе через Орел тяжело больной дочери Государя (необходимо получить от г[оспо]жи Бехтеевой письменное подтверждение этого).
18 Ноября 1918 г[ода]	Нахождение в деревне между Одессой и Николаевым, по данным протокола Анастасии от Февр[аля] 26 г[ода].
5 Декабря 1918 г[ода]	Переход границы в Румынию, по показаниям Грегорьяна.
До начала 1920 г[ода]	Пребывание в Бухаресте, по рассказам самой больной.

Февраль 1920 г[ода]	Прибытие в Берлин, по рассказам больной.
17 Февраля 1920 г[ода]	Покушение на самоубийство, извлечение из воды – по записи в больничном журнале Елизаветинской больницы, согласно расследованию проф[ессора] Бонхоффера. По письму Гринберга покушение состоялось 22 Февр[аля], а по заявлению В[ладимира] Г[ригорьевича] Орлова будто бы в актах Пол[ицей]-през[идиума] значится 27 число. (Будут приняты меры к более точному установлению этого числа).
Март 1920 г[ода] 10 или 30-го	Перевод больной в Дальдорф и прием там, по данным проф[ессора] Бонхоффера Aufnahmebefund ¹ в Дальдорфе обозначено 30 Марта, по данным г[оспо]жи ф[он] Р[атлеф], перевод состоялся 10 Марта, что будто бы она видела в записях больницы.
Весной – Апрель – Май 1922 г[ода]	Посещение больной в Дальдорфе барон[ессой] Буксгевден.
22 Мая 1922 г[ода]	Барон Клейст берет больную к себе – из больничного журнала Дальдорфа, который, как утверждает г[оспо]жа ф[он] Р[атлеф], она видела у проф[ессора] Бонхоффера.

¹ «Диагноз при поступлении» (нем.).

12 Августа
1922 [года]

Уход от Клейста к г[оспоже] Пойтерт на Шуманштрассе, 1 (письмо бар[онес]сы Клейст в Полицей-президиум от 24 Ноября 24 г[ода], в котором просят водворить больную обратно и указывается, что она уже 12 Авг[уста] 22 г[ода] ушла к Пойтерт. Ответ Полиции, что больная действительно неоднократно находилась у Пойтерт – эти письма не должны быть использованы официально, сведения получены вполне доверительно г[оспожой] ф[он] Ратлеф).

15 Августа
1922 [года]

Инженер Иенеке, знакомый Клейста увозит больную от Пойтерт к себе на Хрольмарктштрассе, 12. Сообщение г[оспо]жи Иенеке Полицей-президиуму – тоже вполне доверительное сведение – письмо в деле Пол[ицей]-пр[езидиума].

С 4 Сент[ября]
по 11 Ноября
1922 г[ода]

Больная в больнице Вестенд (письмо Полиции бар[онес]сы Клейст – доверительное).

11 Ноября
1922 г[ода]

Вновь у Пойтерт – неизвестно сколько времени, но как явствует из рассказов самой больной, вероятно до Рождества, около какого времени опять попадает к Клейстам.

Весною –
Апрель – Июнь
1923 г[ода]

Клейст знакомится с Гринбергом, и последний приглашает больную к себе в деревню, куда она едет и остается несколько месяцев. В Августе ее там навещает Ирина Прусская (письмо Гринберга). После короткого пребывания у Клейстов заболевает туберкулезом грудной кости и помещается вновь в больницу Вестенд, где остается 3/4 года.

- Конец
1924 г[ода] Из больницы Вестенд опять попадает к Пойтерт – рассказ больной и г[оспо]ж ф[он] Р[атлеф] и Шпиндлер, которым в больнице были предъявлены неоплаченные от 24 Декабря 24 г[ода] счета.
- Январь
1925 г[ода] Пойтерт выгоняет больную, которая принимается семьей Бахман – рабочими, жившими на той же лестнице. Все вещи больной остались у Пойтерт – те самые вещи, которые потом оказались у Виндингер, о чем Пойтерт сказала г[оспожа] ф[он] Р[атлеф] и Грабин.
- Конец Января
1925 г[ода] Гринберг опять берет больную к себе и там ее навещает Кронпринцесса Цицилия.
- 20 Июня
1925 г[ода] До этого числа она у Гринберга, а после больную берет г[оспожа] ф[он] Р[атлеф] по просьбе Пастера Зонненшейна, узнавшего о ней от массажистки Гизель, и помещает больную в Мариинскую больницу, где ее в начале Июня навещают г[оспода] Цаале и Волков и в Августе чета Жильяров.
- 18–20
Авг[уста]
1925 г[ода] Больную отправляют в «Моммзенсанаториум». Там ее навещает Вел[икая] Кн[ягиня] О[льга] А[лександровна] и чета Жильяров.
- 7 Апреля
1926 г[ода] Г[оспо]жа Ратлеф перевозит больную в Лугано.
- 24 Июня
1926 г[ода] Из Лугано больную перевозят в Баварию в санаторию д[окто]ра Саатгофа в Оберстдорфе.

- 25 Июня
1926 г[ода] Прием в Оберстдорфе.
- 27 Февраля
1927 г[ода] Больную перевозят в замок Сееон к Герцогу
Г[еоргию] Н[иколаевичу] Лейхтенбергскому.
- 30 Января
1928 г[ода] Через Мюнхен в Париж.
- 1 Февр[аля]
1928 г[ода] Отъезд на «Беренгарии»² в Нью-Йорк.

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 27. Л. 9–13. Копия. Машинопись.

² Беренгария – трансатлантический лайнер класса «Император», до середины 1930-х гг. являлся одним из крупнейших в мире пассажирских судов (длина – 276 м, водоизмещение – 52 117 т, пассажировместимость – 4 234 чел., экипаж – 1180 чел.). Построен в 1912 г. по заказу НАРАГ («Гамбург-американской пассажирской компании»). До Первой мировой войны под названием «Император» курсировал по маршруту Гамбург – Нью-Йорк. Во время войны находился на приколе. В 1918 г. передан США, использовался в качестве транспорта для перевозки американских войск из Европы на родину. С 1919 г. лайнером владела английская судоходная компания «Кунард Лайн», переименовавшая «Императора» в «Беренгарию» (в честь супруги Ричарда Львиное Сердце). До 1929 г. лайнер был задействован в трансатлантических перевозках, затем – на круизных маршрутах. В 1938 г. продан на слом, в 1946 г. – разобран.

**№ 32. Сравнительная таблица телесных примет Анастасии
Чайковской и Франциски Шанцковской**

20 Декабря 1928 года

<u>Г[оспо]жи Чайковской¹</u>	<u>Г[оспо]жи Шанцковской²</u>
1 ³ . На черепе, в височно-теменной области и затылочной части справа есть рубцы, происшедшие от ушиба твердым предметом	На черепе повреждений нет
2. На лбу, справа еле заметен маленький белый шрам	На лбу шрамов нет
3. В верхней челюсти недостает 10 зубов, а в нижней 3	Все зубы в целости
4. На груди найден рубец, след гранулемы туберкулезного характера	На груди рубцов нет
5. В области живота, под грудью, видны черно-синие пятнышки, покрывающие пространство приблизительно в ладонь	На животе никаких пятен
6. На правой стороне шеи, за правым ухом и ниже его, находятся бородавкообразные выступления	Бородавки нет
7. На правой лопатке заметны 6 очень маленьких пятнышек	Пятнышек нет
8. На левой стороне спины заметен поверхностный рубец на высоте 3-4-го грудного позвонка, примерно в середине между позвоночным столбом и лопаткой. По словам больной, на этом месте была вытравлена родинка	Рубца нет

Подчеркнуто во время набора текста на печатной машинке.

Подчеркнуто во время набора текста на печатной машинке.

¹ Нумерация проставлена от руки черными чернилами.

9. На среднем пальце левой руки имеется шрам и палец малоподвижен	Последний ногтевой сустав безымянного пальца левой руки поврежден
10. Большой палец правой ноги сильно выдается внаружу	Ноги нормальны
11. На левой ступне на подъеме и снизу имеются круглые шрамы, совпадающие между собой, можно предполагать штыковую рану	Ступни не повреждены
12. № обуви 36	№ обуви 39
13. № перчаток 6 1/4	

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 70. Л. 122. Подлинник. Машинопись.

ПЕРЕЧЕНЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ

«ИДЕНТИЧНОСТЬ “БОЛЬНОЙ” С ВЕЛИКОЙ КНЯЖНОЙ ВПОЛНЕ ВОЗМОЖНА И ДАЖЕ ВЕРОЯТНА»

№ 1. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею Владимировичу с кратким описанием проблемы идентификации Анастасии Чайковской. Берлин. 19 Октября 1926 года.

№ 2. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею Владимировичу о состоянии дела Анастасии Чайковской к началу ноября 1926 года. Берлин. 3 Ноября 1926 года.

№ 3. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею Владимировичу об аргументах сторонников и противников признания Анастасии Чайковской Великой княжной Анастасией Николаевной. Берлин. 17 Декабря 1926 года.

№ 4. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею Владимировичу о подготовке к печати записок фон Ратлеф о предстоящем переезде Анастасии Чайковской в Зеон и о ходе расследования ее личности. Берлин. 22 февраля 1927 года.

№ 5. Письмо Василия Львовича Остен-Сакена Сергею Дмитриевичу Боткину о результатах расследования Владимира Григорьевича Орлова. Берлин. [25–30 Апреля 1928 года].

№ 6. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею Владимировичу о ходе расследования, проводимого адвокатом Фаллоусом. Берлин. 19 Апреля 1929 года.

№ 7. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею Владимировичу о том, что плакаты об исчезновении великой княжны видел граф Монжела. Берлин. 29 Апреля 1929 года.

№ 8. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею Владимировичу о результатах, полученных Фаллоусом в течение года. Париж. 31 Января 1930 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ ВРАЧЕЙ

№ 9. Заключение профессора Сергея Михайловича Руднева. Берлин. 17 Апреля 1926 года.

№ 10. Заключение Директора Психиатрической и Нервной Клиники «Шарите» в Берлине, профессора Карла Бонхоффера. [Берлин]. 16 Марта 1926 года.

№ 11. Заключение доктора Нобеля. [Берлин]. Март 1926 года.

№ 12. Врачебное заключение доктора медицины Федора Эйтеля о состоянии физического и психического здоровья Анастасии Чайковской. Санаторий «Штиллахгауз». Оберстдорф. 2 декабря 1926 года.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРИБЛИЖЕННЫХ К ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

№ 13. Показания Николая Васильевича Саблина. Бухарест. 29 января 1927 года.

№ 14. Письмо Николая Васильевича Саблина Великому князю Андрею Владимировичу о ходе расследования по делу Анастасии Чайковской в Румынии. Бухарест. 8 Июня 1927 года.

№ 15. Показания Зинаиды Сергеевны Толстой о посещении ею в 1922 году «неизвестной больной». [Берлин]. [1927 год].

№ 16. Подборка фрагментов из показаний Пьера Жильяра о посещении им и Александрой Жильяр (Тсглевой) Анастасии Чайковской 26–27 июля 1925 года, подготовленная и прокомментированная Великим князем Андреем Владимировичем.

№ 17. Описание посещения Анастасии Чайковской камердинером императрицы Александры Федоровны Алексеем Андреевичем Волковым 3–7 июля 1925 года, составленное Великим князем Андреем Владимировичем.

МНЕНИЯ ЧЛЕНОВ ДОМА РОМАНОВЫХ

№ 18. Письмо Великого князя Андрея Владимировича Великому князю Кириллу Владимировичу по делу Анастасии Чайковской. Кап д'Ай. 10 Января 1927 года.

№ 19. Письмо Великой княгини Ольги Александровны Великому князю Андрею Владимировичу. Хвидор. 13 Июля 1927 года.

№ 20. Письмо герцога Георгия Николаевича Лейхтенбергского Великой княгине Ольге Александровне. Замок Зеон. 26 Августа 1927 года.

№ 21. Ответное письмо Великой княгини Ольги Александровны герцогу Георгию Николаевичу Лейхтенбергскому. Хвидор. 8 Сентября 1927 года.

№ 22. Письмо Великого князя Александра Михайловича Великому князю Андрею Владимировичу. Париж. 16 Февраля 1928 года.

№ 23. Письмо Великой княгини Ксении Георгиевны Великому князю Андрею Владимировичу. Нью-Йорк. 22 Апреля 1928 года.

№ 24. Письмо Великого князя Андрея Владимировича Великому князю Александру Михайловичу. [Кап д'Ай]. 4 Ноября 1928 года.

№ 25. Письмо Великого князя Александра Михайловича Великому князю Андрею Владимировичу. Париж. 8 Ноября 1928 года.

№ 26. Проект доклада Великого князя Андрея Владимировича Великому князю Кириллу Владимировичу по делу Анастасии Чайковской. [Кап д'Ай]. [Конец 1928 года].

НА ПУТИ В ЕВРОПУ

№ 27. Сводка сведений из Румынии по делу Анастасии Чайковской. [Апрель 1928 года].

№ 28. Доклад адвоката Шурихта о проведенном им в 1927 году расследовании в Румынии следов пребывания Анастасии Чайковской. [1927 год].

№ 29. Письмо Сергея Семеновича Чоколова Александру Владимировичу Геруа. Телешово. 20 Июля 1927 года.

№ 30. Нота службы секретариата дирекции Сыскной и Охранной Полиции Министерства внутренних дел Румынии о показании Саржо Грегорьяна, утверждавшего, что он переправлялся через российско-румынскую границу вместе с Великой княжной Анастасией Николаевной.

МАТЕРИАЛЫ СПРАВОЧНОГО ХАРАКТЕРА

№ 31. Хронология событий, связанных с Анастасией Чайковской, до ее отъезда из Европы в США, составленная Сергеем Боткиным. [После февраля 1928 года].

№ 32. Сравнительная таблица телесных примет Анастасии Чайковской и Франциски Шанцковской. 20 Декабря 1928 года.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александров – С. 49.

Алексеев, Вениамин Васильевич – С. 6, 9, 15.

Алексей – сын А. Чайковской, оставленный ею, по ее словам, в Румынии – С. 107, 160.

Анастасиу, Константин – С. 161, 162, 168.

Андреевский, Степан Сергеевич (? – 13 октября 1961) – штабс-ротмистр 17-го гусарского полка. После революции 1917 г. – участник Белого движения (в Отдельном Псковском добровольческом корпусе), затем в эмиграции. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 года – С. 97, 98, 99.

Атацкая – владелица ювелирного магазина в Кишеневе – С. 162, 172.

Баумгартен, Мария Павловна – С. 134.

Бахман – семья рабочих в Берлине, которые приютили А. Чайковскую, когда ее выгнала К. Пойтерт – С. 178.

Безак (в девичестве – Шипова), Елена Николаевна (1880–1971) – дочь командира Кавалергардского полка генерал-адъютанта Н. Н. Шипова – С. 109.

Безак, Федор Николаевич (1865–1940) – политик правого толка. Обучался в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе, затем прикомандирован к Пажескому корпусу. В 1885–1901 гг. – служба в лейб-гвардии Кавалергардском полку, затем в Императорском дворе. С 1901 г. – камергер, с 1911 г. – шталмейстер Двора. Депутат III и IV Дум от Киевской губернии. В 1913–1916 гг. – член Государственного совета от Киевского губернского земского собрания. В 1917 г. избран главой монархического блока на монархическом съезде в Киеве. В 1918 г. – участник монархического «Особого политического бюро на Украине». После 1918 г. – в эмиграции – С. 109, 112.

Бельгард, Софья Петровна (1853–1928) – урожденная княжна Урусова; по первому мужу Верманн; по второму – Бельгард – С. 100.

Бенкендорф, Павел Константинович (1853–1921). Окончил Пажеский корпус. С 1871 г. – служба в лейб-гвардии Конном полку. Участник Русско-турецкой войны (1877–1878). С 1878 г. – на придворной службе. В 1912 г. – генерал от кавалерии, обер-гофмар-

шал Императорского двора и член Государственного совета. Член императорского яхт-клуба. Во время Февральской революции находился в Александровском дворце рядом с императрицей Александрой Федоровной и царскими детьми. После ареста Николая II и его семьи находился под арестом вместе с ними. Ссылки в Тобольск избежал. В 1921 г. эмигрировал в Эстонию – С. 83, 93.

Берг – католический священник при Мариинской больнице в Берлине – С. 120.

Берия, Лаврентий Павлович – С. 15.

Берия, Серго Лаврентьевич – С. 15.

Бехтеева, Наталья Сергеевна (14 декабря 1876 – 18 февраля 1950) и **Бехтеева, Екатерина Сергеевна** (5 декабря 1874 – 11 (или 24) ноября 1958) – сестры поэта Сергея Сергеевича Бехтеева и Зинаиды Сергеевны Толстой. До 1917 г. являлись фрейлинами Двора, во время гражданской войны эмигрировали – С. 38, 175.

Бонхоффер, Карл Людвиг (31 марта 1868 – 4 декабря 1948) – немецкий психиатр и невропатолог. В 1887–1892 гг. изучал медицину в Тюбингене, Берлине и Мюнхене. В 1897 г. в Университете Бреслау защитил диссертацию (дающую право занять должность профессора в университете). В 1903–1904 гг. работал в университетах Кенигсберга и Гейдельберга, с 1904 г. – профессор психиатрической больницы университета Бреслау, в 1912–1938 гг. – профессор психиатрии и неврологии в психиатрической больнице госпиталя Шарите Берлинского университета. С 1936 г. – член академии Леопольдина (академии естествоиспытателей). Исследовал экзогенные психозы и поражения ряда областей головного мозга. Выступал в качестве эксперта-психиатра на судебных процессах. Его именем названы острые типы экзогенных реакций, впервые им описанные – С. 55, 71, 73, 77, 78, 176.

Боткин, Глеб Евгеньевич (1900–1969) – сын лейб-медика Е. С. Боткина, расстрелянного вместе с семьей Николая II, брат Т. Е. Мельник-Боткиной. После гражданской войны эмигрировал в США. Работал карикатуристом. С 1927 г. являлся одним из наиболее последовательных сторонников А. Чайковской. В 1938 г. основал свою собственную неоязыческую церковь «храм Афродиты» – С. 19, 40, 141.

Боткин, Сергей Дмитриевич (29 июня (11 июля) 1869 – 22 апреля 1945) – российский дипломат. В 1892 г. окончил юридический

факультет Московского университета, поступил на дипломатическую службу в Министерство иностранных дел. Был причислен к Азиатскому департаменту. Работал секретарем в русских миссиях в Штутгарте (с 1897), Берне (с 1900), в посольствах в Вене (с 1904), Константинополе (с 1909), Берлине (с 1911). Во время войны возглавлял временный отдел по вопросам военнопленных в центральном аппарате МИДа. В 1919–1920 гг. – посол правительств Колчака и Деникина в Берлине. Затем (до 1936) возглавлял Организацию защиты интересов русских беженцев в Германии и Русский Красный Крест. Председатель берлинского Свято-Князь-Владимирского братства, а также Императорского Палестинского Общества. Приложил много сил для установления личности А. Чайковской. В 1934 г. уехал в Югославию, а затем в Париж. Двоюродный брат лейб-медика Е. С. Боткина, расстрелянного вместе с семьей Николая II – С. 17, 19, 22, 23, 26, 27, 31, 32, 38, 39, 43, 46, 47, 49, 50, 55, 143, 175.

Бразоль, Борис Львович (31 марта (11 апреля) 1885 – 19 марта 1963) – юрист, писатель, общественный деятель. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Служил в Министерстве юстиции. В 1911 г. принимал участие в подготовке обвинения по «делу Бейлиса». В Первую мировую войну воевал на Юго-Западном фронте. В 1916 г. командирован в США в качестве юрисконсульта русского заготовительного комитета, расследовал слухи о злоупотреблениях при заграничных закупках. После Октябрьской революции остался в США, где стал влиятельным юристом и работал в Министерстве юстиции. Член криминологической комиссии Школы права Колумбийского университета. Известен своими антисемитскими взглядами. Автор идеи о том, что Октябрьская революция была организована евреями. Основал в США Общество русской культуры им. А. С. Пушкина – С. 40, 44.

Брянский, Всеволод Викторович (1890–1948). После 1917 г. – в эмиграции. В 1936–1947 гг. – член приходского совета храма Христа Спасителя в г. Аньер (Франция) – С. 103.

Буксгевден, София Карловна, баронесса (6 (18) сентября 1883 – 26 ноября 1956) – фрейлина Императрицы Александры Федоровны. Родилась в семье барона Карла Буксгевдена и Людмилы Осокиной. Входила в ближайшее окружение царской семьи. Обучала Великих княжон игре на фортепиано. Сопровождала царскую семью в ссылку в Тобольск. Была отделена от нее незадолго до убийства.

Уехала в эмиграцию. Жила в Копенгагене, а затем в Лондоне – С. 97-100, 106, 107, 113, 114, 116, 124, 147, 176.

Бунде – граф, представитель шведского красного креста в 1918 г. – С. 38.

Бухгольц – сиделка – С. 59.

Бюцова, Ольга Евгеньевна – фрейлина Императрицы Александры Федоровны – С. 105.

Вальдемар, принц Дании (27 октября 1858 – 14 января 1939). Младший сын короля Дании Кристиана IX и его жены Луизы Гессен-Кассельской, брат Императрицы Марии Федоровны. Адмирал флота Дании. Во время Болгарского кризиса 1885–1887 гг. был избран на болгарский престол, но от короны отказался. В 1926 г. заинтересовался судьбой А. Чайковской. Через датского посланника в Берлине Цале оказывал ей материальную помощь – С. 17, 120.

Ваховьян, Мария – С. 59

Виктория Альберта Елизавета Матильда Мария, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, в замужестве – Маунтбеттен, маркиза Милфорд-Хейвен (5 апреля 1863 – 24 сентября 1950) – дочь Людвига IV Гессенского и Алисы Великобританской, сестра Императрицы Александры Федоровны – С. 149, 155.

Вильгельм II (27 января 1859 – 4 июня 1941) – император Германии и король Пруссии (1888–1918). Сын принца Фридриха Прусского (впоследствии императора Фридриха III) и Виктории Великобританской – С. 11, 16, 74.

Вильтон (Вуильтон), Роберт – английский журналист, корреспондент «Таймс» в Петрограде. Принимал участие в войне. За хладнокровие, проявленное в бою под Барановичами, в нарушение орденского статуса (он не был военным) был награжден Георгиевским крестом. В 1918–1919 гг. принимал участие в расследовании убийства Николая II и его семьи. В 1920 г. опубликовал книгу «Последние дни Романовых» – С. 84.

Виндингер (в замужестве – Ритман), Дорис – дочь хозяина квартиры, в которой проживала Ф. Шанцковская. Опознала в А. Чайковской Ф. Шанцковскую – С. 41, 42, 178.

Войков, Петр Лазаревич (Пинхус Вайнер) (1888–1927) – революционер, советский партийный деятель, один из организаторов расстрела царской семьи, дипломат. В 1903 (или 1905) г. вступил в РСДРП (меньшевик). В 1907 г. организовал покушение на ялтин-

ского градоначальника генерала И. А. Думбадзе. В 1907 г. эмигрировал в Швейцарию. Окончил физико-математический факультет Женевского университета. В Женеве познакомился с Лениным, вместе с большевиками выступал против «оборонцев». После Февральской революции вернулся в Россию. Комиссар Министерства труда Временного правительства. С августа 1917 г. – в Екатеринбурге, где вступил в партию большевиков. В 1918 г. – комиссар снабжения Уральского совета (причастен к репрессиям против предпринимателей Урала, его деятельность привела к понижению уровня жизни местного населения). Принимал участие в организации расстрела царской семьи и в сокрытии следов преступления. В 1919 г. – заместитель председателя правления Центросоюза РСФСР. В 1920 г. – один из руководителей операции по продаже за рубеж сокровищ Императорской фамилии, Оружейной палаты и Алмазного фонда. С 1924 г. – полпред в Польше. В июне 1927 г. застрелен эмигрантом Б. С. Ковердой – С. 44.

Войнеско, Ромулус – генеральный директор Сигуранцы (службы государственной безопасности Румынии) – С. 90.

Волков, Алексей Андреевич (30 октября (11 ноября) 1859 – 27 февраля 1929) – личный камердинер Императрицы Марии Федоровны. Крестьянин из села Старое Юрьево Козловского уезда Тамбовской губернии. Служил в лейб-гвардии Павловском полку, затем унтер-офицером в Сводно-Гвардейском батальоне. Служил при дворе Великого князя Павла Александровича. С 1902 г. – вице-гоф-фурьер (заведовал прислугой) Высочайшего двора. С 1915 г. – третий камер-лакей Александры Федоровны. После революции 1917 г. остался с семьей Николая II. Сопровождал их в ссылку в Тобольск и Екатеринбург. Вместе с генералом И. Л. Татищевым, графиней А. В. Гендриковой и Е. А. Шнейдер был заключен в тюрьму. Их перевезли в Пермь. 4 сентября бежал из-под конвоя, когда их вели на расстрел. Эмигрировал с семьей через Харбин в Эстонию. В июле 1925 г. по поручению Императрицы Марии Федоровны ездил в Берлин на встречу с А. Чайковской, в которой Великой Княжны не признал. Написал воспоминания «Около Царской Семьи», опубликованные в 1928 г. – С. 57, 93, 120-122, 125, 129, 138, 178.

Вонляровский – С. 41.

Врангель, Петр Николаевич (15 (27) августа 1878 – 25 апреля 1928) – генерал-лейтенант Генерального штаба. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1918–1920 гг. – один из главных

руководителей Белого движения. В 1920 г. – главнокомандующий Русской армии в Крыму и Польше. С ноября 1920 г. в эмиграции. С 1924 г. – председатель Русского общевойскового союза – С. 29.

Вырубова (в девичестве Танеева), Анна Александровна, (16 июля 1884 – 20 июля 1964) – фрейлина, ближайшая подруга Императрицы Александры Федоровны – С. 113.

Галахер (Gallacher), Агнесс – медсестра, сопровождавшая А. Чайковскую из Европы в США в 1928 г. – С. 143.

Гендрикова, Анастасия Васильевна (1887–1918) – фрейлина (с 1910), дочь Василия Александровича Гендрикова – гофмейстера Двора. После отречения Николая II осталась в окружении семьи бывшего Царя. Вместе с семьей Николая II была выслана в Тобольск, затем сопровождала детей Николая II в Екатеринбург, где была посажена в тюрьму. 23 июня 1918 г. перевезена в Пермь. 21 августа – расстреляна большевиками – С. 106, 124.

Геруа, Александр Владимирович (1870–1944) – генерал-лейтенант. В 1891 г. окончил Пажеский корпус, в 1898 г. Николаевскую академию Генерального штаба. С 1891 г. служил в лейб-гвардии Егерском полку, с 1898 по 1912 г. – в различных штабных должностях. С 1912 г. – командир 7-го Финляндского стрелкового полка, в 1914 г. – лейб-гвардии Волынского полка. В 1915 г. – генерал-квартирмейстер штаба 5-й, а затем 12-й армии. С октября 1915 г. – командир 38-й пехотной дивизии. С октября 1916 г. – и. о. начальника штаба 2-й армии. С 7 июля 1917 г. командовал 18-м армейским корпусом, затем – начальник штаба Румынского фронта. С конца 1917 г. сотрудничал с большевиками, начальник штаба Северного участка Петроградского района. После заключения Брестского мира вел антибольшевистскую работу, переправлял офицеров в белогвардейские части Северного фронта, один из руководителей «Союза возрождения России». В середине 1918 г. уехал на Юг России. С октября 1919 года – начальник миссии Вооруженных сил Юга России в Бухаресте, а с апреля 1920 г. – военный представитель Главного командования и Великого князя Николая Николаевича в Румынии. После Гражданской войны – председатель «Союза инвалидов в Румынии». В 1944 г. после вступления советских войск в Бухарест был арестован органами СМЕРШа и вывезен в СССР – С. 47, 172.

Гизель – массажистка – С. 178.

Гименская, К. Ф. – секретарь Берга, католического священника

при Мариинской больнице в Берлине – С. 120.

Голубев – доктор Зинаиды Толстой – С. 103.

Грабин – С. 178.

Грегорьян, Саржо – беженец из Советской России, утверждавший, что в декабре 1918 г. переходил румынскую границу вместе с Великой княжной Анастасией Николаевной – С. 162, 174, 175.

Гринберг – С. 176-178.

Гулеско, Жан (Иван Тимофеевич) (1877–1953) – румынский скрипач, один из любимых музыкантов Николая II. После 1917 г. – в эмиграции – С. 101.

Дассель, Феликс – служил в 9-м Казанском драгунском полку. Во время Первой мировой войны находился в лазарете, состоявшем под патронажем Великих княжон Марии и Анастасии в Царском Селе. После революции 1917 г. – в эмиграции. В 1927 г. опознал в А. Чайковской Великую княжну Анастасию Николаевну. По некоторым данным – сотрудничал с НКВД, возможно, принимал участие в операции похищения главы Русского общевоинского союза генерала Е. К. Миллера – С. 163.

Дебагорий – С.

Деменков, Николай Дмитриевич (1 (13) сентября 1885 – 5 ноября 1950) – лейтенант Гвардейского экипажа. В 1913–1916 гг. служил в охране царской семьи, вначале в охране Ливадийского дворца, потом – в Сводном полку. С 1920-х гг. – в эмиграции в Париже – С. 114.

Ден, Юлия Александровна (1885–1963) – подруга Императрицы Александры Федоровны – С. 114.

Деревенко (Деревянко), Андрей Еремеевич – матрос, кондуктор Гвардейского экипажа, «дядька» цесаревича Алексея Николаевича – С. 121, 124.

Деревенко (Деревянко), Владимир Николаевич (1879–?) – приват-доцент хирургии Императорской военно-медицинской академии, доктор медицины, почетный лейб-хирург, участник Русско-японской войны. В 1904 г. окончил Императорскую военно-медицинскую академию. В 1905 г. ассистент, а затем ординатор при хирургической госпитальной клинике Военно-медицинской академии. В 1908 г. защитил диссертацию доктора медицины. С 1911 г. – приват-доцент клинической хирургии Военно-медицинской академии. С октября 1912 г. – личный врач Алексея Николаевича. Во время Первой мировой войны один из организаторов работы лазаретов,

открытых царской семьей. После Февральской революции так же, как и Е. С. Боткин, остался с семьей Николая II. Отправился в ссылку в Тобольск в качестве врача конвоя. 28 мая 1918 г. освобожден из-под стражи. Остался при заключенных в «доме особого назначения», но после 2 июля 1918 г. охраной к Цесаревичу не допускался. После взятия города белыми участвовал в следственных действиях комиссии по расследованию обстоятельств гибели Царской семьи. С декабря 1918 г. работал в хирургической клинике Пермского университета. В июле 1919 г. эвакуирован в Томск, оперировал в военном госпитале. С января по август 1920 г. – приват-доцент Томского университета. Осенью 1920 г. возглавил кафедру факультетской хирургической клиники Пермского университета. С 1923 г. – профессор и заведующий кафедрой и клиникой общей хирургии Екатеринбургского университета. В 1930 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности и осужден на 5 лет лишения свободы. Точная дата смерти неизвестна – 1930 или 1936 г. – С. 121.

Дерфельден – С. 143.

Долгорукий, Сергей Александрович (15 мая (27) 1872 – 11 ноября 1933) – свитский генерал-майор. С 1895 г. служил в лейб-гвардии Конном полку. В 1915 г. зачислен в Свиту, состоял при Императрице Марии Федоровне. После революции 1917 г. – в эмиграции – С. 113.

Ермаков, Петр Захарович (1 (13) декабря 1884 – 22 мая 1952) – русский революционер, один из участников расстрела Николая II и его семьи и захоронения убитых – С. 39, 42.

Жильяр, Пьер (1879 – 30 мая 1962) – преподаватель французского языка, наставник Цесаревича Алексея Николаевича. В 1904 г. окончил Лозаннский университет. Был приглашен в Россию преподавать французский язык: вначале детям герцога Лейхтенбергского, затем (с 1905) детям Николая II. С 1913 г. наставник Алексея Николаевича. После отречения Николая II сопровождал его семью в ссылку в Тобольск, но по прибытии в Екатеринбург был отделен от Царской семьи. Помогал следователю Н.А. Соколову в расследовании обстоятельств убийства семьи. В 1920 г. вернулся в Швейцарию. Преподавал французский язык в университете Лозанны. В 1921 г. опубликовал книгу «Трагическая судьба Николая II и Его Семьи». 3 октября 1922 г. женился на А. А. Теглевой, бывшей няне Анастасии Николаевны. В 1925 г. по просьбе Великой княгини Ольги Александровны вместе с женой встречался в Мариинской больнице

Берлина с А. Чайковской. Считал ее самозванкой. Один из самых последовательных противников признания А. Чайковской Великой княжной Анастасией Николаевной – С. 18, 28, 57, 113, 114, 116-118, 122, 123, 128, 130, 131, 133, 135, 138-140, 147, 178.

Заккит, Карл Карлович (1867–1931) – чиновник МВД. Окончил Дерптский университет. С 1891 г. – служба в судебном ведомстве. Товарищ прокурора окружного суда в Петрозаводске (с 1899), Витебске (в 1903). В 1906 г. – прокурор Петербургского окружного суда. В 1911 г. – помощник московского градоначальника по гражданской части. В 1915 г., будучи заподозренным в немецких симпатиях, уволен со службы. После революции 1917 г. – в эмиграции – С. 41.

Затгоф – доктор, владелец санатория в Оберстдорфе – С. 71.

Зонненшейн – пастор – С. 178.

Иенеке – инженер, оказывал помощь А. Чайковской – С. 177.

Иоффе – С. 11.

Ирина (Ирена) Мария Луиза Анна, принцесса Прусская, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская (11 июля 1866 – 11 ноября 1953) – дочь великого герцога Людовика IV Гессенского и Рейнского и Алисы, сестра Императрицы Александры Федоровны, супруга принца Генриха Прусского. В 1923 г. встречалась с А. Чайковской, но не признала в ней Анастасию Николаевну – С. 57, 59, 75, 97, 98, 127, 149, 155, 177.

Киреева – С. 100, 103, 107, 108, 110, 111.

Клейст, Артур-Эдуард-Густав-Виктор-Эвальд (29 июля 1873 – 24 ноября 1928) – из остзейского рода баронов фон Клейст (дома Керклинген). До революции служил в полиции. После революции эмигрировал с семьей в Германию. Принимал деятельное участие в судьбе А. Чайковской, вначале – как сторонник признания ее Великой княжной, затем – как противник – С. 40, 100, 101, 103-106, 108-112, 114, 115, 159, 176, 177.

Клеменц, Вера Романовна – С. 134.

Колерич – венгерский офицер – С. 29.

Колчак, Александр Васильевич – (4 (16) ноября 1874 – 7 февраля 1920) – Верховный правитель России (1918–1920). В 1894 г. окончил Морское училище. В 1900–1901 гг. – участник Русской полярной экспедиции под руководством барона Э. В. Толя. В 1903 г. организовал экспедицию по спасению группы Толя. В 1904–1905 гг. участвовал в Русско-японской войне, командовал эсминцем «Сер-

дитый». В 1910 г. – участник гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, командовал ледоколом «Вайгач». В 1912 г. – командир миноносца «Уссуриец», в 1913 г. – миноносца «Пограничник». В 1915 г. – командующий минной дивизией Балтийского флота. В 1916 г. – командующий Черноморским флотом. В 1918 г. – адмирал – С. 45.

Кольберг – С. 41.

Кострицкий, Сергей Сергеевич (?–1944) – придворный стоматолог. Владелец хутора «Узень-Баш» при селе Корбеклы. Окончил Киевский Императорский Университет Святого Владимира. В 1920 г. эвакуировался в Константинополь, затем во Францию. В Париже при помощи Ф. И. Шалыпина и С. В. Рахманинова открыл лабораторию по производству паст и зубных эликсиров – С. 125, 140, 147.

Крестинский, Николай Николаевич (1883–1938) – советский политический деятель, юрист. В 1907 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. Работал присяжным поверенным. Член РСДРП с 1903 г., с 1905 г. – большевик. После Февральской революции – председатель Екатеринбургского обкома РСДРП (б), член ЦК РСДРП (б). В 1918–1921 гг. – народный комиссар финансов РСФСР. С 1922 г. – полпред в Германии. С 1930 г. – заместитель наркома иностранных дел СССР. В 1937 г. – заместитель наркома юстиции СССР, затем арестован по обвинению в связях с Л. Д. Троцким и с германской разведкой, 15 марта 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1963 г. – С. 34, 37.

Кукман – С. 11.

Курт, Питер – С. 14.

Кшесинская, Матильда Феликсовна (19 (31) августа 1872 – 6 декабря 1971) – прима-балерина Императорских театров. Известна интимными отношениями с цесаревичем Николаем Александровичем, великими князьями Сергеем Михайловичем и Андреем Владимировичем. После революции – в эмиграции. Вышла замуж за Андрея Владимировича. Признала в А. Чайковской Анастасию Николаевну – С. 16.

Лампе фон, Алексей Александрович (18 (30) июля 1885 – 28 мая 1967) – генерал-майор, участник Белого движения. С 1919 г. прикомандирован к военному представителю главнокомандующего Вооруженными силами на юге России в Константинополе. В 1920 г. – военный представитель Русской Армии в Дании. В 1921 г. вел без-

результатные переговоры о размещении частей Русской армии на территории Венгрии. С лета 1922 г. – представитель Врангеля в Германии. В 1924 г. возглавил 2-й отдел Русского общевоинского союза (РОВС) в Берлине. С 1938 г. – глава РОВС в Германии. В 1945 г. занимался спасением советских граждан и русских эмигрантов от насильственной репатриации в СССР. Заместитель председателя РОВС, с 1957 г. – глава РОВС – С. 29, 30.

Лейхтенбергский, Георгий Николаевич (28 ноября (9 декабря) 1872 – 9 августа 1929) – герцог Лейхтенбергский, принц де Богарне. Родился семье герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского и Надежды Сергеевны Анненковой. Детство и юность провел в семейном доме в Баварии и во Франции. В 1890 г. приехал в Россию, поступил на службу командиром эскадрона в лейб-гвардии Конный полк. В 1905 г. вышел в отставку в чине полковника. В отставке большую часть времени проводил в Баварии, в родовом имении Зеон, занимался историей. С 1911 г. – председатель Императорского Общества ревнителей истории. Во время Первой мировой войны состоял при Российском обществе Красного Креста и в штабе Юго-Западного фронта. Повторно уволен со службы в мае 1917 г. В эмиграции проживал в Берлине, был одним из основателей антибольшевистской организации «Братство Русской Правды», издателем сборников «Белое дело», занимался историей. Признал в А. Чайковской Великую княжну Анастасию Николаевну – С. 32, 34, 37, 41, 125, 132, 137, 138, 179.

Лохвицкий, Иван (атаман «Искра») – один из организаторов белого движения в Белоруссии – С. 45.

Лохвицкий, Николай Александрович (7 октября 1867 – 5 ноября 1933) – генерал-лейтенант, с 1916 г. командир 1-й особой бригады, воевавшей на территории Франции, затем – командир Особой пехотной дивизии. В 1919–1920 гг. – участник белого движения в Сибири. С 1920 г. – в эмиграции – С. 45.

Люке – журналист, организовавший разоблачение А. Чайковской как Ф. Шанцковской – С. 42.

Малиновская-Кемниц – С. 45.

Манахан, Джон – С. 13.

Мангольд Т. – С. 9.

Мария Александра Виктория (29 октября 1875 – 18 июля 1938) – королева Румынии, супруга Фердинанда I. Дочь принца Альфреда,

герцога Эдинбургского, и Великой княжны Марии Александровны, троюродная сестра Николая II – С. 80, 84, 89, 96, 149.

Марков, Николай Евгеньевич (Марков II) (2 (14) апреля 1866 – 25 апреля 1945) – политик правых взглядов, лидер черносотенного движения. В 1888 г. окончил Институт гражданских инженеров. Служил инженером на железной дороге, землевладелец в Курской губернии. В 1904 г. участвовал в создании Курской народной партии порядка, которая в декабре 1906 г. вошла в Союз русского народа. Издавал газеты «Русское знамя» (с 1905) и «Земщину» (с 1915). Депутат III и IV Государственной думы от Курской губернии. Член совета фракции правых. После Октябрьской революции вел конспиративную работу в Петрограде. В 1919–1920 гг. – в армии Н. Н. Юденича, затем – в эмиграции в Берлине. Редактор журнала «Двуглавый орел». С 1922 г. сторонник Великого князя Кирилла Владимировича. В 1921–1927 гг. – председатель Высшего монархического совета. Сторонник «окончательного решения еврейского вопроса» и войны с СССР – С. 26, 40, 97, 98, 107.

Мельник (в девичестве – Боткина), Татьяна Евгеньевна (1896–1986) – дочь лейб-медика Е. С. Боткина, расстрелянного в 1918 г. вместе с семьей Николая II. Во время Первой мировой войны работала в госпитале с Великой княжной Анастасией Николаевной. После отречения Николая II вместе с отцом и братом Глебом осталась в окружении семьи бывшего царя. Проследовала в Тобольск. Большевики не разрешили ей сопровождать семью Николая II в Екатеринбург. С 1919 г. – в эмиграции во Франции. В 1927 г. признала в А. Чайковской Великую княжну Анастасию Николаевну – С. 14, 19, 21, 34, 35, 76, 79, 81, 127, 138, 141, 147.

Менгден, Мария Артуровна (Кассини) (?–1938) – фрейлина Двора. Супруга Г. Г. Менгдена, командира Кавалергардского полка – С. 112.

Милеант, Георгий Георгиевич – статский советник, с 1916 г. – прокурор Одесского окружного суда – С. 169.

Мирбах – С. 11.

Миролюбов, Н. – С. 14.

Митрофанов – С. 169.

Момот, Владимир Юрьевич – С. 15.

Монжела, Пауль – капитан-лейтенант Германской армии – С. 45, 47.

Мордвинов, Анатолий Александрович (1870–?). Окончил Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в лейб-гвардии Кирасирском Ее Величества полку. С 1913 г. – флигель-адъютант. С 1920 г. – в эмиграции – С. 132, 138.

Нарышкина (в девичестве – княжна Куракина), **Елизавета Алексеевна** (8 (20) декабря 1838 – 30 октября 1928) – обер-гофмейстерина Императрицы Александры Федоровны («мадам Зизи»). Дочь церемониймейстера А. Б. Куракина, супруга камергера А. Д. Нарышкина. С 1858 г. – фрейлина, затем статс-дама и обер-гофмейстерина Императрицы Марии Федоровны, гофмейстерина Высочайшего Двора, обер-гофмейстерина Императрицы Александры Федоровны. После Февральской революции жила вместе с царской семьей под арестом в Александровском дворце в Царском Селе. Эмигрировала в Германию, потом во Францию. Автор мемуаров «С царской семьей под арестом: Дневник обер-гофмейстерины Е. А. Нарышкиной, 1917 г.» – С. 81, 114, 134, 140.

Нейдгардт, Дмитрий Борисович (1861–1942) – член Государственного совета. Из потомственных дворян. Образование – Пажеский корпус, Николаевская академия Генерального штаба (1886). С 1880 г. служил в лейб-гвардии Преображенском полку. Затем причислен к Генеральному штабу в Кавказском военном округе. В 1897 г. вышел в запас военной службы, назначен Калужским вице-губернатором. В 1902 г. – Плоцкий губернатор. С 1903 г. – Одесский градоначальник. С января 1907 г. – сенатор, присутствующий в 1-м Департаменте Сената. С апреля 1907 г. – гофмейстер Высочайшего двора. С мая 1916 г. – член Государственного совета. После 1917 г. – в эмиграции – С. 101.

Нейперт – С. 52.

Нечаева, Марина Юрьевна – С. 6, 16.

Нилов, Константин Дмитриевич (1856–1919) – адмирал. Образование получил в Морском училище. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1903–1908 гг. – командир Гвардейского экипажа. В 1905 г. назначен флаг-капитаном Николая II (оставался на этом посту до 1917). Один из наиболее приближенных к Николаю II людей, сопровождал его во всех морских поездках. Во время Февральской революции арестован, находился в заключении в Петропавловской крепости. Расстрелян большевиками – С. 80, 81, 94.

Нобель – врач, лечивший А. Чайковскую в «Моммзенсанаториуме» – С. 21, 65, 71, 73.

Оберин – С. 29.

Оболенская, княгиня – фрейлина Императрицы Александры Федоровны – С. 140.

Ольденбургский, Александр Петрович, принц (21 мая (2 июня) 1844 – 6 сентября 1932) – троюродный дядя Николая II – С. 164.

Орлов, Николай Владимирович, князь (1896–1961) – муж княжны императорской крови Надежды Петровны Романовой – С. 28, 117.

Орлов, Владимир Григорьевич (1882–1940) – юрист, контрразведчик. Учился в Варшавской гимназии, на юридическом факультете Варшавского университета. Участник Русско-японской войны. В 1912 г. – следователь по особо важным делам. Во время Первой мировой войны служил в контрразведке. После Октябрьской революции – сотрудник ЧК (под именем Болеслава Орлинского). Создал тайную антибольшевистскую сеть. Занимался передачей сведений о работе ВЧК английской и французской разведке и переправкой офицеров из Петрограда в Добровольческую армию. В сентябре 1918 г. бежал в Финляндию, переправился на Юг России. Начальник контрразведывательного отделения начальника штаба Добровольческой армии, с декабря 1919 г. – начальник контрразведывательной части особого отделения Генштаба Вооруженных сил Юга России. С 1920 г. – в Германии, эксперт разведслужбы в Веймарской республике. В эмиграции продолжил антикоммунистическую борьбу. В 1930 г. под давлением СССР выслан из Германии. Автор мемуаров «Двойной агент. Записки русского контрразведчика». Обосновался в Бельгии. В 1940 (или 1941) г. убит нацистами – С. 39, 44, 176.

Остен-Сакен-Тетенберг, Василий Львович ([1872]–1949) – секретарь С. Д. Боткина. После 1917 г. – в эмиграции в Германии, в 1934–1936 гг. – руководитель «Делегации по делам русских беженцев» в Германии – С. 31, 39, 42.

Папа-Федоров, Георгий Николаевич (1865–1926) – генерал-майор флота. В 1887 г. окончил Морской корпус. В 1919–1920 гг. – участник белого движения. Эвакуирован из Одессы. Член Суда чести и ревизионной комиссии Союза взаимопомощи служивших в российском флоте в Берлине – С. 105, 114.

Петерсон, Анна Карловна – фрейлина княжны Анастасии

Николаевны – С. 47.

Плотников, Иван Федорович – С. 15.

Пойтерт, Клара – до революции 1917 г. работала швеей (или прачкой) в Санкт-Петербурге, в конце 1921 – начале 1922 г. – пациентка психиатрической клиники в Дальдорфе. В А. Чайковской признала Великую княжну Татьяну Николаевну – С. 24, 100, 177, 178.

Поклевский-Козелл, Станислав Альфонсович (1868–1939) – камергер, действительный статский советник. Родился в Талице Пермской губернии в семье предпринимателя А. Ф. Поклевского-Козелл. Выпускник Александровского лицея в Санкт-Петербурге. С 1887 г. на службе в Министерстве иностранных дел. Сотрудник дипломатической миссии в Токио. Первый секретарь посольства в Лондоне. С 1908 г. – посланник и полномочный министр в Персии. В 1916 г. – посланник и полномочный министр в Румынии. После 1917 г. остался в Румынии – С. 23.

Путятин, Михаил Сергеевич (2 (14) января 1861 – 24 мая 1938) – свитский генерал-майор, с 1911 г. – начальник царскосельского Дворцового Управления. Окончил Морское училище, Минный офицерский класс и Императорскую Академию художеств. С 1881 г. – мичман 2-го флотского экипажа. С 1895 г. – штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка. На 1 января 1909 г. – полковник Преображенского полка. Затем – штабной офицер для особых поручений при управлении гофмаршальской части Министерства Императорского двора. С 1909 г. – член Комиссии Музея Допетровского искусства и быта. С 1913 г. – редактор «Летописного и лицевого изборника дома Романовых». После революции эмигрировал во Францию – С. 140, 166.

Радек – С. 11.

Ратлеф фон, Гарриет (3 (15) января 1887 – 1 мая 1933) – активная сторонница признания А. Чайковской великой княжной Анастасией Николаевной. Родилась в Риге в состоятельной еврейской семье Кайльманн. В 1903 г. вышла замуж за Карла Вольдемара Харальда фон Ратлеф, служившего в Александрийском гусарском полку. После Октябрьской революции эмигрировали в Германию. В 1922 г. развелась с мужем. Чтобы содержать четверых детей, занималась скульптурой, графикой, иллюстрациями, писала книги для детей. Входила в Берлинское общество женщин-художниц. В 1925 г. познакомилась с А. Чайковской и до 1928 г. (до отъезда последней в США) была, фактически,

ее ближайшей подругой. Автор ряда работ о А. Чайковской – С. 25, 26, 28-30, 32-35, 118, 120-122, 131, 133, 138, 160, 161, 163, 177, 178.

Рацлер – С. 11.

Родионов, Николай Николаевич (1886–1962) – старший лейтенант яхты «Штандарт» – С. 88, 93, 114, 140.

Романов, Александр Михайлович (1 (13) апреля 1866 – 26 февраля 1933) – Великий князь, сын Великого князя Михаила Николаевича и Великой княгини Ольги Федоровны, двоюродный дядя Николая II – С. 47, 140, 144, 145, 147, 149, 151-159, 156.

Романов, Алексей Николаевич (30 июля (12 августа) 1895 – 17 июля 1918) – Цесаревич, сын Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны – С. 6, 84, 87, 88, 110, 121, 123.

Романов, Андрей Александрович (12 (24) января 1897 – 8 мая 1981) – князь императорской крови, старший сын Великого князя Александра Михайловича и Великой княгини Ксении Александровны. Племянник Николая II – С. 165.

Романов, Андрей Владимирович (2 (14) мая 1879 – 30 октября 1956) – Великий князь, четвертый сын Великого князя Владимира Александровича и Марии Павловны, внук Александра II. В 1902 г. окончил Михайловское артиллерийское училище, в 1908 г. – Александровскую военно-юридическую академию. С 1910 г. – полковник, с 1911 г. – сенатор. В 1911–1914 гг. командир лейб-гвардии 6-й Донской казачьей артиллерийской батареи, с 1915 г. – командир лейб-гвардии Конной артиллерии, свитский генерал-майор. С 1919 г. – в эмиграции. В 1921 г. в Каннах оформил свои отношения со знаменитой балериной Матильдой Феликсовной Кшесинской. Монархист-легитимист, поддерживал своего старшего брата Великого князя Кирилла Владимировича, в 1924 г. принявшего титул Императора Всероссийского в изгнании. Являлся представителем Кирилла I во Франции и председателем Государева совещания. В 1926–1929 гг. участвовал в организации расследований с целью идентификации А. Чайковской. В итоге он признал в ней Великую княжну Анастасию, младшую дочь Императора Николая II – С. 16, 17, 23, 27, 32, 43, 47-49, 93, 116, 120, 126, 130-133, 138, 140, 143, 145, 147, 149, 150, 159.

Романов, Борис Владимирович (30 октября (12 ноября) 1877 – 9 ноября 1943) – Великий князь, третий сын Великого князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны, двоюродный брат Николая II – С. 149, 158.

Романов, Василий Александрович (23 июня (7 июля) 1907 – 24 июня 1989) – князь императорской крови, сын Великого князя Александра Михайловича и Великой княгини Ксении Александровны. Племянник Николая II – С. 149, 164.

Романов, Гавриил Константинович (3 (15) июля 1887 – 28 февраля 1955) – князь императорской крови, второй сын Великого князя Константина Константиновича и Великой княгини Елизаветы Мавриковны, троюродный брат Николая II – С. 149, 166.

Романов, Георгий Константинович (23 апреля (6 мая) 1903 – 7 ноября 1938) – князь императорской крови, шестой сын Великого князя Константина Константиновича и Великой княгини Елизаветы Мавриковны, троюродный брат Николая II – С. 149, 166.

Романов, Дмитрий Александрович (2 (15) августа 1901 – 7 июля 1980) – князь императорской крови, сын Великого князя Александра Михайловича и Великой княгини Ксении Александровны. Племянник Николая II – С. 141, 149, 164.

Романов, Дмитрий Павлович (6 (18) сентября 1891 – 5 марта 1942) – Великий князь, сын Великого князя Павла Александровича от брака с греческой принцессой, Великой княгиней Александрой Георгиевной, внук Александра II, двоюродный брат Императора Николая II. Участник убийства Г. Е. Распутина, после революции 1917 г. – в эмиграции – С. 108, 149, 158.

Романов, Кирилл Владимирович (30 сентября (12 октября) 1876 – 12 октября 1938) – Великий князь, второй сын Великого князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны, двоюродный брат Николая II. В 1924 г. провозгласил себя Императором Всероссийским Кириллом I – С. 16, 40, 48, 126, 149, 150.

Романов, Михаил Михайлович (4 (16) октября 1861 – 26 апреля 1929) – Великий князь, сын Великого князя Михаила Николаевича и Великой княгини Ольги Федоровны, двоюродный дядя Николая II – С. 6, 149, 171.

Романов, Никита Александрович (29 (6) января 1900 – 12 сентября 1974) – князь императорской крови, сын Великого князя Александра Михайловича и Великой княгини Ксении Александровны. Племянник Николая II – С. 140, 149, 164.

Романов, Николай Александрович II (6 (18) мая 1868 – 17 июля 1918) – Император Всероссийский Николай II – С. 36, 51, 53, 79-81, 87, 94, 150, 174.

Романов, Николай Николаевич (Младший) (6 (18) ноября 1856 – 5 января 1929) – Великий князь, первый сын Великого князя Николая Николаевича (старшего) и Великой княгини Александры Петровны, двоюродный дядя Николая II. Глава Русского Общевоинского союза – С. 6, 8, 9, 11, 40, 149, 158.

Романов, Петр Николаевич (10 января 1864 – 17 июня 1931) – Великий князь, второй сын Великого князя Николая Николаевича (старшего), двоюродный дядя Николая II – С. 149.

Романов, Роман Петрович (5 (17) октября 1896 – 23 октября 1978) – князь императорской крови, сын Великого князя Петра Николаевича и Великой княгини Милицы Николаевны, троюродный брат Николая II – С. 149, 166.

Романов, Ростислав Александрович (11 (24) ноября 1902 – 31 июля 1978) – князь императорской крови, сын Великого князя Александра Михайловича и Великой княгини Ксении Александровны. Племянник Николая II – С. 141, 149, 164.

Романов, Федор Александрович (11 (23) декабря 1897 – 30 ноября 1968) – князь императорской крови, сын Великого князя Александра Михайловича и Великой княгини Ксении Александровны. Племянник Николая II – С. 140, 149.

Романова (Куликовская), Ольга Александровна (1 (13) июня 1882 – 24 ноября 1960) – Великая княгиня, дочь Императора Александра III и Императрицы Марии Федоровны, сестра Николая II. Супруга П. А. Ольденбургского (1901–1916) и с 1916 г. – Н. А. Куликовского. После революции жила вместе с матерью в Дании. Не признала в А. Чайковской своей племянницы Анастасии Николаевны – С. 31, 45, 46, 57, 104, 105, 116, 121, 125, 127, 128, 131, 132, 138-141, 143-145, 147-149, 156.

Романова, Александра Федоровна, урождённая принцесса Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская (6 июня 1872 – 17 июля 1918) – российская Императрица. Жена Николая II, мать цесаревича Алексея Николаевича и Великих княжон Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии. По официальной версии была расстреляна большевиками в доме Ипатьева вместе со своей семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. – С. 11, 36, 88, 95, 120.

Романова, Анастасия (Стана) Николаевна (23 декабря 1868 – 25 ноября 1935), урожденная принцесса черногорская Петрович-Негош, в браке с герцогом Георгием Максимилиановичем Лейхтенбергским-

Романовским (1889–1906) и Великим князем Николаем Николаевичем (с 1907). Дочь короля Николы I Черногорского и его жены Милены Вукотич. Родная сестра Великой княгини Милицы Николаевны и королевы Италии Елены – С. 47, 149, 157.

Романова, Анастасия Николаевна (5 (18) июня 1901 – 17 июля 1918 (по официальной версии)) – Великая княжна, младшая дочь Николая II и Александры Федоровны. По официальной версии расстреляна вместе с семьей в доме Ипатьева. После 1918 г. несколько десятков женщин объявляли себя «спасшейся» княжной Анастасией. А. Чайковская (А. Андерсон, А. Манахан) – самая известная из претенденток на личность Анастасии Николаевны – С. 6, 8, 11, 13, 14, 16–18, 20, 25–27, 32, 52, 79–82, 84, 85, 93, 116–120, 125–127, 132, 135–137, 147, 150, 151, 169, 172–175.

Романова, Вера Константиновна (11 (24) апреля 1906 – 11 января 2001) – княжна императорской крови, младшая дочь Великого князя Константина Константиновича и Великой княгини Елизаветы Маврикиевны, троюродная сестра Николая II – С. 149, 167.

Романова, Виктория Федоровна, урожденная Виктория Мелита, принцесса Великобританская, Ирландская и Саксен-Кобург-Готская, герцогиня Гессенская (25 ноября 1876 – 2 марта 1936) – Великая княгиня, супруга Великого князя Кирилла Владимировича – С. 149, 157.

Романова, Елена Владимировна (17 (30) января 1882 – 13 марта 1957) – Великая княгиня, дочь Великого князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны, двоюродная сестра Николая II. Жена греческого королевича Николая – С. 149, 158.

Романова, Елена Петровна (4 ноября 1884 – 16 октября 1962) – супруга князя императорской крови Иоанна Константиновича, троюродного брата Николая II. Урожденная принцесса Сербская, дочь сербского короля Петра I Карагеоргиевича и принцессы Зорки Черногорской, сестра короля Югославии Александра I – С. 127, 149, 158.

Романова, Ирина Александровна (3 (15) июля 1895 – 26 февраля 1970) – княжна императорской крови, дочь Великого князя Александра Михайловича и Великой княгини Ксении Александровны. Племянница Николая II – С. 140, 149, 165, 167.

Романова, Ксения Александровна (25 марта (6 апреля) 1875 – 20 апреля 1960) – Великая княгиня, дочь Императора Александра III и Императрицы Марии Федоровны, родная сестра Николая II. С 1894 г.

в браке с Великим князем Александром Михайловичем, с 1920 г. проживали раздельно – С. 45, 82, 101, 103, 108, 109, 111, 112, 149, 156.

Романова (в замужестве – Лиде), Ксения Георгиевна (9 (22) августа 1903 – 17 сентября 1965) – княжна императорской крови, младшая дочь Великого князя Георгия Михайловича и Великой княгини Марии Георгиевны, троюродная сестра Николая II – С. 141, 143, 144, 149, 165.

Романова, Марина Петровна (28 февраля (11 марта) 1892 – 15 мая 1981) – княжна императорской крови, дочь Великого князя Петра Николаевича и Великой княгини Милицы Николаевны, троюродная сестра Николая II – С. 149, 165, 167.

Романова, Мария Кирилловна (20 января (2 февраля) 1907 – 27 октября 1951) – княжна императорской крови, дочь Великого князя Кирилла Владимировича и Великой княгини Виктории Федоровны, двоюродная племянница Николая II – С. 149, 165.

Романова, Мария Николаевна (14 (26 июня) 1899 – 17 июля 1918) – Великая княжна, дочь Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны – С. 6, 11, 149.

Романова, Мария Павловна (6 (18) апреля 1890 – 13 декабря 1958) – Великая княгиня, дочь Великого князя Павла Александровича и греческой принцессы Александры Георгиевны, двоюродная сестра Николая II. Состояла в браке со шведским принцем Вильгельмом (1908–1913) и князем С. М. Путятиным (с 1917) – С. 149, 157.

Романова, Мария Федоровна (при рождении – Мария София Фредерика Дагмар) (14 (26) ноября 1847 – 13 октября 1928) – российская Императрица, супруга Императора Александра III, дочь Кристиана, принца Глюксбургского, с 1863 г. – Кристиана IX, короля Дании, и Луизы Гессен-Кассельской, мать Императора Николая II, Великих князей Михаила, Александра, Георгия, Великих княгинь Ольги, Ксении. После революции 1917 г. вдовствующая императрица жила в Дании – С. 95, 97, 111, 112, 121, 147, 149, 151.

Романова, Милица Николаевна (14 (26) июля 1866 – 5 сентября 1951) – Великая княгиня, супруга Великого князя Петра Николаевича. Урожденная черногорская княжна из династии Петрович-Негош. Дочь черногорского князя Николы I Петровича и Милены Вукотич – С. 149, 157.

Романова, Надежда Петровна (3 (15) марта 1898 – 21 апреля 1988) – княжна императорской крови, дочь Великого князя Петра Николаевича и Великой княгини Милицы Николаевны, троюродная сестра Николая II – С. 165, 166.

Романова, Нина Георгиевна (7 (20) июня 1901 – 27 февраля 1974) – княжна императорской крови, старшая дочь Великого князя Георгия Михайловича и Великой княгини Марии Георгиевны, троюродная сестра Николая II – С. 149, 165.

Романова, Ольга Николаевна (3 (15 ноября) 1895 – 17 июля 1918) – Великая княжна, дочь Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны – С. 6, 108, 110.

Романова, Татьяна Константиновна (11 (23) января 1890 – 28 августа 1979) – княжна императорской крови, дочь Великого князя Константина Константиновича и Великой княгини Елизаветы Маврикиевны, троюродная сестра Николая II – С. 167.

Романова, Татьяна Николаевна (29 мая (11 июня) 1897 – 17 июля 1918) – Великая княжна, дочь Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны – С. 6, 24, 25, 53, 89, 97-100, 106, 108, 110, 159.

Романовский, Александр Георгиевич, князь, (1 (13) ноября 1881 – 28 сентября 1942) – герцог Лейхтенбергский, князь Эйхштедтский де Богарне, сын герцога Георгия Максимилиановича и герцогини Терезии Петровны Лейхтенбергских. Троюродный брат Николая II – С. 164.

Романовский, Сергей Георгиевич, князь (4 (16) июля 1890 – 7 января 1974) – герцог Лейхтенбергский, сын Георгия Максимилиановича, герцога Лейхтенбергского и Анастасии Николаевны Петрович-Негош – С. 166.

Руднев, Сергей Михайлович (1880-е – 1960-е) – хирург. До революции – приват-доцент Московского университета, директор хирургической больницы, построенной им в Серебряном переулке в Москве. После покушения Ф. Каплан отказался лечить В. И. Ленина. Эмигрировал в Германию, жил в Берлине. В 1944 г. участвовал в создании Комитета освобождения народов России, который возглавлял А. А. Власов. После Второй мировой войны эмигрировал в Южную Америку – С. 21, 45, 51, 54, 71, 72, 79, 138.

Саатгоф – владелец санатория в Оберстдорфе – С. 178.

Саблин, Николай Васильевич (12 (24) октября 1880 – 20 января 1962) – капитан 2-го ранга Гвардейского экипажа. В 1901 г. окончил Морской кадетский корпус. Участник Русско-японской войны. С 1906 г. служил на яхте «Штандарт». С 1910 г. – флаг-офицер штаба. В 1915–1916 гг. – помощник начальника Чудской флотилии,

в 1916–1917 гг. – начальник Сатакундской флотилии. В 1918–1920 гг. служил во флоте Советской России. В 1920 г. бежал в Румынию. В 1945 г. арестован СМЕРШ и приговорен к 20 годам заключения, в 1955 г. передан властям Румынии, которыми был посажен в тюрьму за «государственную измену» – С. 80, 87, 92, 93, 95, 96, 105, 114, 140, 142, 183.

Савинов, А. С. – С. 169.

Савич, Константин Иванович (1873 – 9 июля 1947). Окончил юридический факультет Петербургского университета. Прокурор Харьковской окружной палаты. В 1918 г. – старший контролер Государственного контроля в Петрограде. В 1919–1920 гг. – управляющий делами Управления Академии наук. В 1918–1922 гг. неоднократно арестовывался как заложник и «антисоветский элемент». С 1923 г. – в эмиграции – С. 26, 38.

Салтыкова (в девичестве – Долгорукова), Анна Сергеевна (? – между 1917 и 1920) – жена Николая Ивановича Салтыкова (1830–1901), обер-шенка Высочайшего двора, Гдовского уездного предводителя дворянства – С. 93.

Саммерс, А. – С. 9.

Серафим Саровский, в миру Прохор Исидорович Мошнин (19 июля 1754 (или 1759) – 2 января 1833) – иеромонах Саровского монастыря, основатель и покровитель Дивеевской женской обители. В 1903 г. по инициативе царя Николая II прославлен церковью в лике преподобных. Один из наиболее почитаемых русских святых – С. 104.

Соколов, Николай Алексеевич (22 мая (4 июня) 1882 – 23 ноября 1924) – следователь по особо важным делам Омского окружного суда, расследовавший дело об убийстве царской семьи. В 1904 г. окончил юридический факультет Харьковского университета. В 1907 г. – судебный следователь Краснослободского участка Мокшанского уезда Пензенской губернии. В 1911 г. – следователь по важнейшим делам Пензенского окружного суда. В 1918 г. – следователь по особо важным делам в Омском окружном суде. В мае – июле 1919 г. провел на Урале расследование убийства Романовых. Собранные доказательства и документы в 1920 г. вывез во Францию. Часть материалов следствия была опубликована в 1924 году на французском языке. Книга «Убийство Царской Семьи. Из записок судебного следователя Н. А. Соколова» была опубликована уже после смерти автора в 1925 году – С. 37, 163, 175.

Соколов, Сергей Алексеевич (псевдоним Сергей Кречетов) (25 сентября (7 октября) 1878 – 14 мая 1936) – поэт-символист, издатель. Один из идеологов «белого движения». В 1901 г. окончил юридический факультет Московского университета. Работал адвокатом. С 1904 г. – гласный Московского губернского земства. В 1905–1907 гг. состоял в партии кадетов. В 1903 г. основал издательство «Гриф», в котором публиковались работы А. А. Блока, К. Д. Бальмонта, А. Белого и др. В 1907 г. выпустил свой первый сборник стихов «Алая книга», в 1910 г. второй – «Летучий голландец». С 1907 по 1914 гг. заведовал литературным отделом московской газеты «Час». В начале Первой мировой войны ушел добровольцем на фронт, был ранен, попал в плен к немцам. В 1919–1920 гг. служил в Добровольческой армии. Идеолог «белого движения». В 1920 г. эмигрировал в Париж, в 1922 г. переехал в Берлин, где возглавил издательство «Медный всадник», в котором выпустил свой третий сборник стихов «Железный перстень». С 1934 г. жил в Париже – С. 40, 44.

Стамоглу – беженец из Советской России в Румынию – С. 90.

Станислав – С. 161, 162.

Татищев, Илья Леонидович (24 декабря 1859 – 10 июля 1918) – генерал-адъютант Императора Николая II. Окончил Пажеский корпус. Служил в лейб-гвардии Гусарском полку. Адъютант Велико-го князя Владимира Александровича. С 1905 г. – генерал-майор свиты Его Императорского Величества, с 1910 г. – генерал-адъютант. В 1910–1914 гг. – личный представитель Николая II при Императоре Вильгельме II. Добровольно остался с Николаем II под арестом. Убит большевиками в Екатеринбурге – С. 121.

Теглева (в замужестве – Жильяр), Александра Александровна (1884–1955) – няня Великих княжон. Воспитывалась в Смольном институте. В 1901 г. поступила на службу «старшей комнатной девушкой» к дочерям Николая II. После отречения Николая II осталась с семьей бывшего Царя. Сопровождала царскую семью в ссылку. После расстрела царской семьи уехала вместе с П. Жильяром в Швейцарию, где вышла за него замуж – С. 18, 19, 86, 116, 118, 124, 128, 138, 147, 163, 178.

Толстая (в девичестве – Бехтеева), Зинаида Сергеевна (1880–1961) – супруга полковника лейб-гвардии Кавалергардского полка П. С. Толстого – С. 38, 97, 115, 159-161, 175.

Томилова, Екатерина – С. 8.

Тутельберг, Мария Густавовна («Тюдельс») – камер-юнгфера (комнатная девушка) царицы Александры Федоровны – С. 86.

Урванцов, Лев Николаевич (1865–1929) – драматург, писатель. Окончил физико-математический факультет Казанского университета. Публиковал рассказы в журналах и газетах, в 1904 г. издал книгу рассказов «Ночь». Его пьесы «Фрейлина», «Поток», «Грешная» и др. ставились в театрах. После революции 1917 г. – в эмиграции – С. 36.

Уткин – С. 15.

Уткина, Анна Яковлевна – камер-юнгфера (комнатная девушка) царицы Александры Федоровны – С. 86.

Фаллоус, Эдвард (1865–1940) – американский адвокат. В 1892 г. окончил юридический факультет Колумбийского университета. С 1928 по 1940 гг. представлял интересы А. Чайковской в Европе – С. 43, 45-50.

Федоров, Сергей Петрович (11 (23) января 1869–15 января 1936) – русский и советский хирург, доктор медицинских наук, профессор. В 1891 г. окончил медицинский факультет Московского университета. Работал в клинике А. А. Боброва. В 1895 г. защитил докторскую диссертацию на тему о столбняке. С 1895 г. работал в факультетской хирургической клинике Московского университета. В 1903 г. возглавил кафедру госпитальной хирургической клиники Военно-медицинской академии. Разработал новые операции: пиелотомия «in situ» (удаление камней из почки), субкапсулярная нефрэктомия (удаление почки); предложены новые хирургические инструменты: специальный инструментарий для трепанации черепа, зажимы для остановки кровотечения из твердой мозговой оболочки, ректоскоп, набор инструментов для операций на желчных путях. В 1904 г. впервые использовал для общей анестезии внутривенный гедоналовый наркоз, что дало мощный толчок развитию полостной хирургии. В 1907 г. избран председателем Российского урологического общества. С 1909 г. – почетный лейб-хирург. В 1912 г. утвержден в должности лейб-хирурга Императорской семьи. Во время Первой мировой войны сопровождал Николая II в поездках на фронт. После революции 1917 г. остался в России. В 1921 г. совместно с Я. О. Гальперном организовал издание журнала «Новый хирургический архив». Редактор 9-томного руководства по практической хирургии. С 1929 г. – директор Института хирургической невропатологии – С. 53, 118, 119, 121.

Фердинанд I (Фердинанд Виктор Мейнард Альберт) (24 августа 1865 – 20 июля 1927) – король Румынии с 10 октября 1914 г. до своей

смерти. Сын Леопольда Гогенцоллерн-Зигмаринген и Антонии Португальской. Племянник Кароля I, оказался на престоле ввиду отказа от прав наследования отца (1880) и старшего брата Вильгельма (1888). В 1893 г. женился на Марии, герцогине Эдинбургской (1875–1938) – С. 96.

Ферро, Марк – С. 9, 11, 14, 15.

Фредерикс, Владимир Борисович (Адольф Антон Владимир) (16 (28) ноября 1838 – 5 июля 1927) – министр Императорского двора. Получил домашнее образование. В 1856–1883 гг. служил в лейб-гвардии. С 1871 г. – флигель-адъютант Александра II. В 1891–1893 гг. – шталмейстер Двора. С 1893 г. – помощник министра, а с 1897 г. – министр Императорского двора и канцлер российских императорских и царских орденов. Во время Февральской революции удален из местопребывания Николая II, арестован, затем освобожден. В 1924 г. эмигрировал в Финляндию – С. 81.

Харденберг (Гарденберг) фон, Карл-Ханс (22 октября 1891 – 24 октября 1958) – немецкий политик, помещик. Участник Первой мировой войны. После войны занимался политикой в Бранденбурге. В 1939 г. призван в армию. Участник неудачного покушения на А. Гитлера в 1944 г. – С. 118.

Харитонов, Иван Михайлович (2 (14) июня 1870 – 17 июля 1918) – повар Императорского двора с 1888 г. Был расстрелян большевиками вместе с семьей Николая II – С. 83, 84, 90, 93.

Харитонova – жена повара И. М. Харитонova – С. 83, 84, 90, 93.

Хохлейхнер – во время Первой мировой войны оказался в русском плену, в 1918 г. проживал в Екатеринбурге, работал у местного часовщика. В 1927 г. заявил, что в июле 1918 г. видел расклеенные по Екатеринбургу объявления о розыске великой княжны Анастасии Николаевны – С. 45, 47, 175.

Цаале, Херлуф (14 марта 1873 – 4 мая 1941) – датский дипломат. Получил юридическое образование (в 1897). С 1900 г. работал в Министерстве иностранных дел. Служил секретарем посольства в Париже (1904), Стокгольме (1905–1908), Лондоне (1908–1909). В 1907 г. – секретарь датской делегации на второй мирной конференции в Гааге. В 1909 г. – глава МИДа, в 1910–1913 гг. – начальник второго департамента, с 1913 г. – глава первого департамента МИДа. В 1919 г. назначен послом в Стокгольм. В 1924–1940 гг. – посол в Берлине. В 1928–1929 гг. – президент Лиги Наций – С. 13, 17, 18, 21, 24, 25, 27-32, 34, 35, 37, 38, 117, 118, 120-122, 178.

Цецилия, Августа Мария Мекленбург-Шверинская (20 сентября 1886 – 6 мая 1954) – герцогиня Мекленбург-Шверинская, в замужестве Кронпринцесса Прусская и Германская. Супруга Кронпринца Пруссии Вильгельма, сына Кайзера Вильгельма II. Дочь Фридриха Франца III, Великого герцога Мекленбург-Шверинского, и Великой княжны Анастасии Михайловны – С. 155.

Чайковская, Вероника – сестра Александра Чайковского – С. 104, 106, 159, 161.

Чайковская, Мария – мать Александра Чайковского – С. 106, 159, 161.

Чайковский, Александр (?–1921) – солдат из охраны Ипатьевского дома, который, по словам А. Чайковской, спас ее в ночь расстрела царской семьи, вывез в Румынию на телеге, женился на ней и был отцом ее сына – С. 13, 38, 74, 91, 106, 107, 110, 159–163, 168–170, 172.

Чайковский, Сергей – брат Александра Чайковского. После смерти Александра сопровождал А. Чайковскую из Румынии в Германию – С. 106, 110, 159, 161.

Чичерин – С. 11.

Чоколов, Сергей Семенович (1892–1977) – художник-керамист. В 1914 г. окончил Строгановское высшее художественно-промышленное училище и юридический факультет Московского университета. В 1914–1918 гг. служил в армии (в автомобильной роте). В 1918 г. переехал в Бессарабию, занимался пейзажной живописью. С 1945 г. – член Союза художников Молдавской ССР, 1969 г. – народный художник Молдавской ССР. Создавал цветные керамические произведения, работал над национальным костюмом, коврами, мебелью – С. 162, 172, 173.

Шанцковская, Франциска – работала на заводе взрывчатых веществ в Берлине, где в 1916 г. во время несчастного случая получила травму. Лечилась в психиатрических больницах. В начале 1920 г. пропала без вести. С 1927 г. противники признания А. Чайковской Великой княжной Анастасией Николаевной попытались разоблачить Чайковскую как самозванку и идентифицировать как Ф. Шанцковскую – С. 46, 132–136, 138, 139, 180.

Шанцковские – семья немецких поляков, крестьяне – С. 46.

Шанцковский, Феликс – родной брат Ф. Шанцковской, которому организовали очную ставку с А. Чайковской, но он ее сестрой не признал – С. 133.

Швабе, Николай Адольфович – штаб-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка. В 1919 г. – участник Белого движения. С 1920 г. – в эмиграции в Германии. Сторонник, а затем противник признания А. Чайковской Великой княжной Анастасией Николаевной. Во время Великой Отечественной войны служил в германской армии переводчиком – С. 40, 41, 46, 97-100, 105.

Шебеко, Николай Николаевич (1863–1953) – русский дипломат. Окончил Пажеский корпус. С 1884 г. служил в Кавалергардском полку, с 1895 г. – в Министерстве иностранных дел. С 1897 г. работал в российских посольствах в Австро-Венгрии, Дании, Франции. В 1906–1909 гг. – представитель МИДа в Государственной думе. С 1909 г. – советник русского посольства в Германии. В 1912–1913 гг. – русский посланник в Румынии, в 1913–1914 гг. – посол в Австро-Венгрии. Отозван с началом Первой мировой войны. Во время Гражданской войны в России – в составе Добровольческой армии. В 1920 г. эмигрировал во Францию. С 1922 г. – член Центрального комитета Русского народно-монархического союза и общества «Икона». Председатель Союза пажей – С. 35-38.

Шнейдер, Екатерина Адольфовна (1856–1918) – гоф-лектрисса (чтица императрицы). После отречения Николая II осталась в окружении семьи бывшего Царя. Вместе с семьей Николая II была выслана в Тобольск, затем сопровождала детей Николая II в Екатеринбург, где была посажена в тюрьму. 23 июня перевезена в Пермь, 21 августа расстреляна большевиками – С. 106, 113, 116.

Шпиндлер – сестра жены Л. Н. Урванцова. Гражданка Германии, до революции жила в России. В 1926 г. провела поиски следов пребывания А. Чайковской в Румынии – С. 23, 81, 83, 89-92, 96, 162, 169, 170, 178.

Шумкин, Георгий Николаевич – С. 16.

Шурихт – немецкий адвокат. В 1927 г. вторично, после Шпиндлер, вел поиски следов пребывания А. Чайковской в Румынии – С. 93, 96, 162, 169.

Эйтель, Федор – доктор, лечивший А. Чайковскую в санатории в Оберстдорфе – С. 34, 71, 76, 79.

Эреберг, Елизавета Николаевна – помощница няни детей Николая II (Теглевой А. А.) – С. 86.

Эрнст (Эрнест) Людвиг Карл Альберт Вильгельм, Великий герцог Гессенский и Рейнский (25 ноября 1868 – 9 октября 1937) –

сын Людвиг IV Гессенского и Алисы Великобританской, брат Императрицы Александры Федоровны – С. 13, 32, 91, 117, 118, 125, 133, 139, 155.

Юденич, Николай Николаевич (18 (30) июля 1862 – 5 октября 1933) – генерал от инфантерии (с 1915). В 1881 г. окончил Александровское военное училище, в 1887 г. – Академию Генерального штаба. Служил в лейб-гвардии Литовском полку. С 26 ноября 1887 г. – старший адъютант штаба XIV Армейского корпуса. С 1892 г. – старший адъютант штаба Туркестанского военного округа. В 1894 г. – начальник штаба Памирского отряда Памирской экспедиции. В 1902 г. – командир 18-го стрелкового полка. Участвовал в Русско-японской войне. С 1912 г. – начальник штаба Казанского, с 1913 г. – Кавказского военного округа. С начала Первой мировой войны – начальник штаба Кавказской армии. В январе 1915 г. – командующий Кавказской армией. В 1919 г. организовал Северо-Западную армию, предпринял попытку (неудачную) захватить Петроград. С 1920 г. – в эмиграции – С. 91.

Юровский, Яков Михайлович (Янкель Хаимович) (7 (19) июня 1878 – 2 августа 1938) – российский революционер, советский партийный и государственный деятель. Руководитель расстрела Николая II и его семьи. С 1905 г. – революционер, участвовал в боевых организациях Бунда, затем примкнул к большевикам. В эмиграции в Берлине. В 1912 г. нелегально вернулся в Россию, арестован. Осел в Екатеринбурге, завел фотомастерскую. После Февральской революции продал фотомастерскую, а на вырученные деньги организовал типографию «Уральский рабочий». Член Совета рабочих и солдатских депутатов. В октябре 1917 г. – член Военно-Революционного комитета, руководил перевыборами в Уралсовет. В декабре – член Коллегии ОблЧК и председатель Следственной комиссии Революционного Трибунала. Организовал конфискацию ценностей на борьбу с Германией. Подавил восстание рабочих Верх-Исетского завода, возмущенных конфискациями. С 4 июля 1918 г. комендант Ипатьевского дома. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. организовал расстрел царской семьи и сокрытие трупов. В конце июля 1918 г. – член коллегии Московской ЧК и начальник районной ЧК. С июля 1919 г. – председатель Уральской ГубЧК. В 1921 г. – заведующий золотым отделом Гохрана, затем – председатель торгового отдела валютного управления Наркомата Иностраных

дел. С 1923 г. – зам. директора завода «Красный богатырь». С 1928 г. – директор Политехнического музея в Москве – С. 8, 84, 162.

Яковлев, А. – С. 6.

Якшич, Дмитрий – священник – С. 134.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александрия – парк («дача») в Петергофе, расположен к востоку от Нижнего парка. В 1825 г. Николай I приобрел территорию парка и подарил его Александре Федоровне, в честь нее парк был назван «Александрией». В 1826–1829 гг. в юго-восточной части парка построен небольшой двухэтажный дворец – «Коттедж». Коттедж стал резиденцией Императорской четы. В 1828–1831 гг. в юго-западной части парка был построен павильон для Великого князя Александра Николаевича. После неоднократных перестроек павильон превратился в «Фермерский дворец». Он стал играть роль летнего загородного дворца семьи Александра II. В середине 1880-х гг. в северо-восточном углу парка, на берегу Финского залива для Александра III был построен павильон «итальянской архитектуры». После пристройки к нему «детской половины» он превратился в «Нижнюю дачу». Она стала летней резиденцией Николая II и Александры Федоровны. Здесь они провели свое первое лето, здесь в 1904 г. родился Цесаревич Алексей. В настоящее время в Коттедже работает музей, Фермерский замок находится на реконструкции, на месте Нижней дачи – руины – С. 122.

Баден-Баден – город-курорт в Германии на склонах Шварцвальда – С. 56.

Бендеры – город в Молдавии на берегу Днестра. С 1918 по 1940 г. находился в составе Румынии, являлся центром жудеца (района) Тигина – С. 168, 169.

Берлин – С. 17, 18, 20, 21, 23, 27-29, 32, 33, 35, 36, 38, 39, 41, 43, 45, 47, 51, 55, 57, 65, 71, 81, 83, 89, 97, 99, 107, 108, 112, 113, 116, 117, 120, 127, 133, 135, 138, 160, 176.

Бессарабия – историческая область, междуречье Прута и Днестра. С 1918 по 1940 г. входила в состав Румынии. Сейчас на ее территории располагается республика Молдова и часть Одесской области Украины – С. 89, 92, 162, 169, 170, 173.

Бухарест – С. 74, 80, 81, 90, 92, 93, 96, 107, 110, 127, 160-163, 168-170, 172-175.

Варшава – С. 36, 38.

Ватикан – С. 9, 11.

Вис-Баден – курорт в Германии, столица земли Гессен – С. 56.

Волга – С. 81.

Галац – румынский город, порт в устье Дуная, находится на границе с Молдавией – С. 172.

Гамбург – город в Германии, порт на берегу Северного моря – С. 56, 179.

Германия – С. 13, 16, 31, 54, 66, 73-75, 107, 160, 161, 168.

Гессен – земля в Германии. До 1871 г. на ее территории располагалось герцогство Гессен-Дармштадт – С. 32, 56.

Дальдорф – город на севере Германии в земле Шлезвиг-Гольштейн – С. 24, 56, 59, 60, 63, 67, 68, 77, 176.

Дания – С. 109, 111, 120.

Данциг, ныне – Гданьск. Город в Польше, порт на берегу Северного моря. До 1919 г. – в составе Германии, в 1919–1939 гг. – вольный город – С. 61.

Дармштадт – город в Германии, в южной части земли Гессен – С. 32, 56.

Днестр – С. 162, 170, 173, 174.

Европа – С. 16, 17, 49, 143, 159, 175, 179.

Екатеринбург – С. 6, 14, 38, 45, 47, 50, 56, 127, 147, 159, 174, 175.

Елизаветинская больница в Берлине – С. 61, 176.

Женева – С. 117.

Журжев (Джурджу) – город в Румынии на левом берегу Дуная. Центр жудеца (района) Влашка – С. 171.

Зеон – фамильный замок герцогов Лейхтенбергских в Баварии – С. 13, 32, 34, 35, 41, 102, 132, 133, 163.

Иоанно-Введенский (Ивановский) женский монастырь – основан в 1653 г. как мужской Симеоном Тобольским. В 1863 г. преобразован в женский монастырь. В 1933 г. закрыт. В 1998 г. передан РПЦ – С. 121.

Кап д'Ай – вилла на Лазурном берегу, приобретенная до революции М. Кшесинской. На ней в эмиграции жили Великий князь Андрей Владимирович и Великая княгиня Матильда Кшесинская – С. 126, 145, 150.

Кишинев – столица республики Молдова. С 1918 по 1940 г. находился в составе Румынии, являлся центром жудеца (района) Лапушна – С. 89, 162, 168, 169, 171, 172, 174.

Колораш – город в Молдове. С 1918 по 1940 г. находился в составе Румынии – С. 161.

- Копенгаген** – С. 43, 46, 101, 107-109, 113, 115, 118.
- Кранкенхауз дес Вестен** – больница – С. 52.
- Криуляны** – город в Молдове на правом берегу Днестра. С 1918 по 1940 г. находился в составе Румынии – С. 170.
- Крым** – С. 56, 61, 66, 73, 94.
- Ливадия** – резиденция Николая II в Крыму – С. 81, 82, 85, 88, 91, 123.
- Львов (Лемберг)** – С. 11.
- Лугано** – город в Швейцарии, входит в италоязычный кантон Тичино, находится на границе с Италией – С. 10, 21, 30, 178.
- Мариенкранкенхауз** – клиника в Дюссельдорфе – С. 51.
- Мюнхен** – город в Баварии (Германия) – С. 34, 179.
- Наугейм** – город-курорт в земле Гессен в Германии – С. 56.
- Николаев** – С. 162, 175.
- Новороссийск** – С. 172.
- Оберстдорф** – коммуна в Баварии (Германия) – С. 34, 35, 71, 178, 179.
- Одесса** – С. 90, 127, 162, 175.
- Оргеев** – ныне город Орхей, Республика Молдова – С. 162, 169, 170, 174.
- Орел** – С. 36, 38, 127, 175.
- Париж** – С. 31, 35, 36, 40, 45-47, 49, 132, 134, 140, 147, 150, 179.
- Петроград** – С. 6, 91-93.
- Поросёнков лог** – С. 6.
- Прут** – С. 169.
- Россия** – С. 13, 45, 60, 66, 67, 81, 99, 106, 114, 160, 161, 163, 172, 174.
- Румыния** – С. 13, 23, 45, 57, 61, 66, 90, 92, 93, 106, 127, 143, 159-162, 168, 169, 174, 175.
- Рыбница** – город в Молдавии на левом берегу Днестра. С 1924 по 1940 г. находился в составе Молдавской АССР Украинской ССР, являлся районным центром – С. 170.
- Сибирь** – С. 39, 45, 114, 121.
- Соединенные Штаты (Северной) Америки (Америка)** – С. 35, 40, 43, 136, 147, 151, 152.
- Сороки** – город в Молдавии на правом берегу Днестра. С 1918 по 1940 г. находился в составе Румынии, являлся центром одноименного жудеца (района) – С. 89, 168-170.

СССР – С. 41, 83, 96.

Телешово – село в Оргеевском районе Молдавии – С. 172.

Тобольск – С. 16, 56, 93, 98, 106, 114, 121, 124, 147.

Унгены – город в Молдавии на левом берегу Прута, на границе с Румынией. В 1918–1940 гг. находился в составе Румынии – С. 169, 170.

Финляндия – С. 43, 45, 91.

Хвидор (Hvidore) – вилла к северу от Копенгагена, в которой жила вдовствующая Императрица Мария Федоровна в эмиграции. Построена в 1871 г. Ф. Бруном на месте королевского замка для своей семьи. В 1906 г. приобретена в складчину Марией Федоровной и ее сестрой Королевой Англии Александрой. После революции 1917 г. на вилле жили Мария Федоровна, ее дочь Великая княжна Ольга Александровна, ее муж Н. Куликовский и их дети. В 1930 г., после смерти Марии Федоровны, вилла была продана – С. 111, 131, 138.

Хотин – город в Черновицкой области Украины на правом берегу Днестра. С 1918 по 1940 г. находился в составе Румынии, являлся центром одноименного жудеца (района) – С. 169.

Царское село – с середины XVIII в. по 1917 г. – резиденция русских императоров. Ныне – город Пушкин – С. 6, 56, 66, 85, 109, 114.

Черное море – С. 81.

Шанхай – С. 49.

«Шарите» – крупнейший в Европе госпиталь, клиника Берлинского университета – С. 55.

Ялта – город на южном берегу Крыма – С. 81.

Яссы – город на востоке Румынии, центр одноименного жудеца (района) – С. 93, 162, 168-170, 174.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Дорогие читатели!

После знакомства с книгой у вас, наверняка, возникло двойственное чувство. С одной стороны, появилось новое восприятие почти столетней трагедии нашего Отечества, а с другой стороны, в памяти осталось ее старое понимание. Где же правда истории? Ее пока нет.

Мы постарались проинформировать вас о трактовках событий европейскими коллегами, не отдавая предпочтения ни одной из них, но понимая неизбежность их учета. Представили свежие документы с российской стороны, не абсолютизируя их. Вам судить, что из этого получилось. Нам думается, что пора избавиться от официозной позиции и начать глубокое осмысление проблемы на основе непредвзятого отношения к ней.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею Владимировичу с кратким описанием проблемы идентификации Анастасии Чайковской. Берлин. 19 Октября 1926 года.

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 69. Л. 6–9 об. Подлинник. Машинопись.

№ 2. Письмо Сергея Боткина Великому князю Андрею Владимировичу об аргументах сторонников и противников признания Анастасии Чайковской Великой княжной Анастасией Николаевной. Берлин. 17 Декабря 1926 года.

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 69. Л. 19–21 об. Подлинник. Машинопись.

№ 3. Заключение профессора Сергея Михайловича Руднева. Берлин. 17 Апреля 1926 года.

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 41. Л. 32–33 об. Заверенная копия. Машинопись.

№ 4. Подборка фрагментов из показаний Пьера Жильяра о посещении им и Александрой Жильяр (Теглевой) Анастасии Чайковской 26–27 июля 1925 года, подготовленная и прокомментированная Великим князем Андреем Владимировичем.

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–7. Подлинник. Рукопись.

№ 5. Доклад адвоката Шурихта о проведенном им в 1927 году расследовании в Румынии следов пребывания Анастасии Чайковской. [1927 год].

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 25. Л. 4–6. Копия. Машинопись.

№ 6. Письмо Сергея Семеновича Чоколова Александру Владимировичу Геруа. Телешово. 20 Июля 1927 года.

ГАРФ. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 25. Л. 7–8. Заверенная копия. Машинопись.

Handwritten signature
Берлинъ, 19-го Октября 1926 года.

Handwritten signature
Ваше Императорское Высочество,

Я имѣлъ честь получить Ваше письмо и постараюсь по мѣрѣ возможности освѣтить трудный вопросъ о неизвѣстной больной. Изъ короткой справки Вашему Высочеству угодно будетъ усмотрѣть, какъ появилась и въ какихъ условіяхъ провела она первые годы по появленіи своемъ въ Берлинѣ. За это время не разъ возникалъ къ ней интересъ въ средѣ нашихъ соотечественниковъ, но къ сожалѣнію, она случайно попадала въ руки людей, которые однимъ своимъ внимательствомъ въ это дѣло подорвали довѣріе къ его серьезности и благодаря этому было упущено много драгоценнаго времени. Нельзя не сказать, что все, что въ пер-

нѣмецкомъ языкѣ, въ началѣ своего пребыванія въ Берлинѣ, по показанію достовѣрныхъ свидѣтелей изъ больничнаго персонала, говорила по-русски, какъ прирожденная русская, а подъ наркозомъ по-англійски.

б. Теперешнее рѣзко отрицательное отношеніе г-на Жильяра кажется датскому посланнику не убѣдительнымъ, такъ какъ отношеніе это появилось уже послѣдѣ его шестидневнаго пребыванія въ Берлинѣ въ Октябрѣ 1925 года и не могло быть вызвано какими-либо послѣдующими фактами, которые могли-бы пролить свѣтъ на это загадочное дѣло, ибо такихъ фактовъ съ тѣхъ поръ не было.

Первыя же впечатлѣнія г-на Жильяра и его жены, какъ явствуетъ изъ свидѣтельскихъ показаній и ихъ переписки, были совершенно иными.

Матеріалы, дающіе основанія къ заключенію, къ которому пришелъ датскій посланникъ, слѣдующіе:

Физическое сходство:

Хотя о немъ судить теперь очень трудно, въ виду крайней худобы больно́й, тѣмъ не менѣе лица, знавшія Великую Княжну Анастасію Николаевну, видятъ

известное сходство съ ней. Во всякомъ случаѣ въ ея обликѣ нѣтъ ничего, что могло-бы доказать невозможность идентичности, наоборотъ семейное сходство несомнѣнно существуетъ и его находятъ всѣ.

Особня примѣты:

Установленное рентгенизаціей раздробленіе черепа и челюсти, предполагающее удары твердымъ предметомъ, что доказываетъ, что она прошла черезъ какія-то тяжкія физическія насилія.

Цѣлый рядъ примѣтъ совпадающихъ съ примѣтами Великой Княжны Анастасіи Николаевны:

Деформація въ положеніи большого пальца правой ноги, врожденнаго характера, что установлено врачами.

Шрамъ на пальцѣ лѣвой руки давнишняго происхожденія /по рассказамъ больной былъ прищипленъ дверцей экипажа/.

Вытравленное родимое пятно на спинѣ.

Нравственный обликъ:

Большое благородство, воспитанность, держатъ себя съ большимъ достоинствомъ; все это казалось-бы несовмѣстимо съ полной безграмотностью и незнаніемъ

якобы ни одного ямка.

Персоналъ воіхъ больницъ, въ которыхъ больная находилась, единогласно свидѣтельствуеть объ этомъ и прибавляеть, что эта особа несомнѣнно происходитъ изъ высшаго общества. Последнее бросается въ глаза вообще всѣмъ ее видящимъ.

Въ первые годы пребыванія больной въ Берлинѣ она была настолько запугана, что даже упорно отказывалась назвать свое имя и сказать откуда она. Именно отказъ отвѣчать на вопросы полиціи и побудило последнюю отправить ее въ домъ для душевнобольныхъ. Совершенно непонятно, какимъ образомъ врачи, никогда не признавшіе въ ней душевнобольную, тѣмъ не менѣе держали ее тамъ болѣе двухъ лѣтъ. Единственное объясненіе, что не знали, что съ ней дѣлать, и дѣйствительно она была выпущена изъ больницы, какъ только нашлись люди, готовые ее пріятить.

Многочисленныя лица, у которыхъ она затѣмъ находилась, хотя и старались во что бы то ни стало доказать, что она Великая Княжна, однако ничего для этого не сдѣлали и совершенно не изучали больную. Только съ Іюня прошлаго года это дѣло было поставлено

серьезно и osoba, состоявшая при ней, аккуратно вела, по порученію датскаго посланника, записи всѣхъ ея разговоровъ. Они передаютъ воспоминанія больной о ея прежней жизни. Самыя незначительныя, казалось-бы, подробности изъ рассказовъ больной по проверкѣ поражаютъ своей правильностью и совершенно нельзя себѣ представить, чтобы она, при томъ при установленной врачами потерѣ памяти, могла-бы основывать свои рассказы на прочитанномъ или слыханномъ отъ другихъ.

Всѣ подробности самаго послѣдняго времени Вашему Высочеству уже извѣстны, вѣроятно лучше чѣмъ мнѣ, отъ Т.Е.Мельникъ, которая Вамъ ихъ лично докладывала. Я не видѣлъ свою племянницу послѣ ея посѣщенія больной, такъ что знаю объ ея впечатлѣніяхъ только изъ писемъ. Т.Е. Мельникъ, не смотря на сравнительно вѣднй возрастъ, человекъ очень уравновѣшенный и положительный и безгранично преданный Царской Семьѣ, поэтому я не могу не вѣрить ея показаніямъ, подтверждающимъ всѣ уже имѣющіеся на лицо матеріалы.

Относительно финансовой стороны этого вопроса мнѣ честь сообщить Вашему Высочеству слѣдующія данныя.

До лѣта 1925 года, какъ Вы изволите увидѣть изъ

приложенной справки, больная находилась в разных больницах бесплатно по 3-ему разряду, в качестве немущей "неизвестной русской", /конечно всегда в общей палате, даже в больницах для умалишенных/, а в промежутках жила у некоторых частных лиц, ее пригласивших. Только с половины лета 1926 года за ее содержание стали платить датский посланник в Берлин, г-н Цаале, и с этого времени больная была помещена вполне прилично в санатории в Берлин, ездила весной 1926 в Лугано и теперь живет в санатории в Баварии. На чьи именно средства содержать ее г-н Цаале, мне в точности не известно, но, по словам его, средства получаются из частного датского источника.

Доктора настаивают на необходимости для больной полного спокойствия и пребывания в санатории и только в таком случае они надеются на ее выздоровление.

Без каких-нибудь экстренных расходов, как более сложное лечение или операция, /возможность чего никогда не исключена, так как больная страдает костным туберкулезом/ необходимо считать 20 марок в день на содержание, а кроме сего кое-какие расходы

на одежду и мелочи - слѣдовательно отъ 650-700 марокъ въ мѣсяць, т.е. по теперешнему курсу сколо 6 тысячъ франковъ.

Позволяю себѣ представить у сего Вашему Императорскому Высочеству заключенія врачей о больной: за № 1 заключеніе директора психіатрической университетской клиники, проф. Bonhoefer'a, № 2 д-ра Нобель, врача Moosheer-sanatorium въ Берлинѣ, который лечилъ и ежедневно навѣщалъ больную въ теченіи 8-9 мѣсяцевъ и № 3 Московск. хирурга, проф. С.М. Руднева, дѣлавшаго больной операциі руки и посѣщавшаго ее какъ для перевязокъ, такъ и изъ общаго интереса, также почти ежедневно; Проф. Рудневъ оперируетъ своихъ пациентовъ въ этой санаторіи и потому могъ легко постоянно навѣщать больную. № 4 и 5 два отзыва врачей, лечащихъ больную теперь въ санаторіи въ Баваріи.

Не имѣвъ подъ рукой прилагаемыхъ документовъ, я принужденъ былъ на нѣсколько дней задержать мой отвѣтъ, за что приношу мои извиненія.

Оставя себя въ полное распоряженіе Вашего Императорскаго Высочества, покорнѣйше прошу Васъ принять увѣренія въ глубокомъ моемъ уваженіи и таковой-же преданности

и остаюсь

Вашего Императорскаго Высочества

покорнѣйше съущимъ
С. П. Юрковскій

Берлинъ, 17 Декабря 1926 года.

Мир - de Soc. Soc. N° 5

Leimit adrema:

A

Ваше Императорское Высочество,

Только что я имѣлъ честь получить письмо Ваше отъ 9-го с/к. и приношу за него мое искреннее благодарность.

Въ Вашемъ письмѣ отъ 30 Ноября Вы, между прочимъ, изволите писать, что вопросъ о "больной" слишкомъ серьезный и онъ требуетъ внимательнаго къ себѣ отношенія и всякое утверждение, какъ положительное, такъ и отрицательное, должно имѣть серьезное и обоснованное основаніе.

Къ сожалѣнію все это дѣло, по непонятной мнѣ причинѣ, до сихъ поръ вымывало у большинства знающихъ и омывшихъ о немъ совершенно обратное отношеніе и у многихъ, еще менѣе понятное, озлобленіе.

Многіе знающіе и интересующіеся этимъ дѣломъ какъ бы раздѣлились на два враждебныхъ лагеря, одни - стараются во что бы то ни стало убѣдить всѣхъ, что "больная" безусловно Великая Княжна Анастасія Николаевна, - другіе-же протестуютъ даже противъ какого-либо разслѣдованія. При этомъ послѣдніе стремятся всячески дискредитировать лицъ, занимающихся этимъ дѣломъ и тѣхъ, которыхъ считаютъ вѣрующими въ возмож-

ность идентичности. Такъ я знаа въполнѣ казалось-бы благообразныхъ и приличныхъ людей, дошедшихъ до того, что доказывали, что Цаале совсѣмъ не датскій посланникъ, а выдаетъ себя за такового, а слѣдовательно онъ самозванецъ и всѣ его прочія утвержденія несомнѣнно живы. Я привожу это утверждение какъ типичный примѣръ, какъ далеко идетъ увлеченіе въ этомъ спорѣ. Между тѣмъ мнѣ представляется, что всякіе споры совершенно излишни, когда въ данномъ дѣлѣ только обстоятельное и безпристрастное расслѣдованіе можетъ пролить свѣтъ на, безусловно тайнственное дѣло. Но именно, въ виду вышеложеннаго, крайне трудно найти въполнѣ безпристрастныхъ людей, которые могли-бы разобраться въ этомъ дѣлѣ и расслѣдовать его во всѣхъ подробностяхъ. Я боюсь, что и Тильяръ, не смотря на всѣ выказанныя имъ высокія качества, на это дѣло смотреть съ предвзятостью. Я его лично не знаа и не имѣлъ съ нимъ ни разговоровъ, ни переписки по этому вопросу и отсутствовалъ изъ Берлина, когда онъ былъ у "больной". Его теперешнее отношеніе и рѣзкія выступленія /имѣя честь препроводить выписку изъ его письма на имя Князя Н.В. Орлова, которое передавалось разнымъ лицамъ/, мнѣ кажется, не въполнѣ соответствуетъ по тону нѣкоторымъ его письмамъ, адресованнымъ г-Цаале и г-хѣ Ратлефъ и главнымъ образомъ содержанію посланнаго Вашему Высочеству при моемъ письмѣ отъ 3 Ноября 1926 г. показанію г-жи Ратлефъ. Не знаа совершенно прошлаго г-жи Ратлефъ и не будучи, поэтому въ состояніи поручиться за ея полную правдивость, я просилъ

Цаале прочесть ея показаніе и считать долгомъ препроводить у него въ копіи его отвѣтъ.

Теорія, заключающаяся въ томъ, что "больную" всему научили является главнымъ доводомъ лицъ, стремящихся доказать, что нѣтъ надобности въ какомъ-нибудь разслѣдованіи; дѣйствительно невольно напрашивается мысль, что есть люди, которые могли изъ какихъ-либо спеціальныхъ цѣлей "обработать" несчастную больную и внудить ей всякіе эпизоды изъ прежней жизни Великой Княжны, которые она потомъ, подъ вліяніемъ самовнушенія, передаетъ какъ ея пережитое; но въ этомъ и должна состоять, мнѣ кажется, одна часть разслѣдованія, — могли-ли лица ее окружавшія сообщать ей подобныя свѣдѣнія. Насколько мнѣ извѣстно, нѣкоторые изъ ея рассказовъ не могли быть почерпнуты изъ напечатанныхъ воспоминаній и также не могли быть извѣстны лицамъ, окружавшимъ за послѣдніе годы "больную". Кромѣ того врачи сильно сомнѣваются, чтобы "больная", при состояніи ея памяти, была-бы способна схватывать и вспоминать все, что ей могли рассказать, конечно, лишь мелькомъ.

Цѣнность же записокъ г-ки ф. Ратлефъ, мнѣ представляется, именно въ томъ и заключается, что она совершенно не освѣдомлена о прежней жизни Царской Семьи и даже никогда не была въ мѣстахъ пребыванія Ихъ Величествъ. Поэтому она не могла бы подкапывать, что-либо "больной" или наводить ее на соответствующія мысли. Г. Ратлефъ прочла мнѣ всѣ свои записки; она старалась обращать мое вниманіе, зачастую, на эпизоды общезвѣстные и потому, въ данномъ случаѣ, не интересные и совершенно не схвати-

вала и не понимала значенія мелкихъ фактовъ и замѣчаній "больной", исторіе, по-моему, наиболее поражаютъ.

Къ сожалѣнію послѣдніе шесть мѣсяцевъ совершенно потеряны въ отношеніи наблюденія и разслѣдованія въ этомъ направленіи. Я сразу обратилъ вниманіе на это обстоятельство. Цаале, когда она, совершенно неожиданно, въ іюль мѣс. с/г. рѣшилъ помѣстить "больную" въ санаторію въ Баваріи. Она находится тамъ въ прекрасныхъ климатическихъ и медицинскихъ условіяхъ и въ этомъ отношеніи, можетъ быть, время не потеряно, но тамъ не велось и не могутъ вестись медицинскимъ персоналомъ какіе-либо дневники или записи о разговорахъ и разказахъ "больной". Выезжая здѣсь на дняхъ Оберинъ санаторіи, ознакомившись съ записками г.Ратлефъ, правда сказала намъ, что она многое изъ этого знаетъ изъ устъ пациентки и утверждала самымъ опредѣленнымъ образомъ, что ни для нея, ни для остального медицинскаго персонала не представляетъ никакого сомнѣнія, что "больная" именно та, за которую она себя выдаетъ. Причемъ Оберинъ особенно отиѣтила, что эта ихъ увѣренность зиждется не только на производящихъ правдивые впечатлѣніе разказахъ, но на всемъ обликѣ, характерѣ, поведеніи и пр. "больной".

Никакихъ новыхъ фактовъ и разказовъ Оберинъ сообщить не могла и на соответственные вопросы Цаале особенно подчеркивала, что медицинскій персоналъ и она въ томъ числѣ, не имѣли особаго порученія и, вѣроятно, и не ввязались бы за таковое, разспрашивать "больную" и что-либо изъ нея

вывѣдывать; они заботились только о физическомъ и моральномъ ея состояніи. Последнее же, по убѣжденіи Оберинъ, значительно улучшилось.

Общее улучшение здоровья, повидимому, является однимъ изъ условій возвращенія памяти. Въ только что ставшемъ мнѣ извѣстнымъ аналогичномъ случаѣ, врачи заявили пациенту, что если-бы онъ прибавилъ 20 фунтовъ къ нему-бы вернулась память и знаніе забытыхъ имъ ямковъ. На этотъ случай, отмѣченный въ прилагаемой у сего запискѣ генераль-маіора А.А. фонъ Лампе дозволяю себѣ обратитъ вниманіе Вашего Высочества. Генерал-маіоръ фонъ Лампе состоитъ въ Берлинѣ негласнымъ представителемъ ген. Врангелля, а до этого былъ офиціально въ таковой-же должности при венгерскомъ правительствѣ и въ Будапештѣ хорошо зналъ венгерскаго офицера Колерича, о которомъ онъ мнѣ теперь и сообщаетъ.

Прому Вамъ Высочество извинитъ мое слишкомъ длинное письмо, въ которомъ я коснулся нѣсколько общихъ вопросовъ. Могу въ заключеніе лишь увѣрить Васъ, что я счелъ выдержки изъ письма Великой Княгини Ольги Александровны вполне довѣрительными и даже не собралъ ихъ Цаарю въ опредѣленной формѣ, а освѣдомилъ его лишь, по Вашему порученію, о огласки Ея Величества и Великой Княгини на веденіе разслѣдованія, а также лишь въ общихъ чертахъ о содержаніи Вашего письма.

Я предполагаю на ближайшихъ дняхъ, т.е. еще до заграничнаго Рождества ѣхать въ Парижъ приблизительно на мѣсяць. Мой тамонній адресъ 7 square Theophile Gautier Paris XVI.

Я, конечно, буду оставаться въ курсѣ всего дѣла и ставлю себя въ полное распоряженіе Вашего Высочества, если я чѣмъ-нибудь могу быть полезенъ въ Парижѣ.

Одинъ изъ моихъ помощниковъ, по берлинской Организациіи защиты интересовъ русскихъ бѣженцевъ въ Германіи, баронъ Василій Львовичъ Остенъ-Сакенъ вполне въ курсѣ всего дѣла о "больной" и будетъ правильнымъ образомъ оовѣдомлять меня обо всемъ; онъ также находится въ контактѣ съ Цаале.

Прошу Ваше Императорское Высочество принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи и таковой же преданности

и остаюсь

Вашего Императорскаго Высочества

Покорнѣннѣе слугаго

С. Боткинъ

Закличення Браф. С. М. Рудіна.

№ 3. 10

30/11

Вашему Премисходительству я могу сообщить нижеслідуючі данні моїх досліджень надъ состоініемъ французскаго и душевнаго вѣдросья г-жи Чайковской, а также повелюю сообщити факти, укалавши на сходство болѣной съ младшею дочерью Его Величества Императора Николая II.

При перѣзѣ и бѣзъ свѣдомствъ съ болѣной въ Мариенкрайенштауъ, куда я былъ посланъ для закличенія о методѣ леченія, я напелъ болѣную въ тяжеломъ депрессивномъ состоініи, не желавшею даже отвѣчати на вѣпросы. Я могъ констатировати, что центръ страданій мотъ инфекціонный процессъ въ лѣвой локтевой суставѣ, гдѣ хронически протекавшій туберкулезный процессъ осложнился новою стерильною инфекціей. (ostitis -osteo-

myelitis humeri phlegmone ^{subiti} протекавшій съ жюной температурой 39-40 и выказавшею собою сильную интоксикацію и истощеніе нервной системы.

Я немедленно далъ свѣтъ произвести операцию для отсѣченія жюны и по возможности опорожненія руки, такъ ^{же} делъ вѣдросъ съ ампутаціей руки. Болѣная была перевезена въ санаторію "Констанцштат Фриумъ", гдѣ подъ клерформисъ я сдѣлалъ широкіе разрѣзы пораженныхъ тканей, и выскоблилъ остриженною каво стимма-тэорекіотна массою разслабленіе мышц до костей, удалилъ пораженные участки и, продезинфицировавъ іодомъ, дренировалъ іодформиною марлей.

Во время наркъоза болѣная бредила по англійски. До операціи я говорилъ ей по русски, а болѣная отвѣчала только по нѣмецки.

Въ теченіе многихъ недѣль, какъ до операціи такъ и послѣ, болѣная не могла сходиться безъ вспомогательнаго нарфіа или триаolina.

Исслѣдуя болѣную всесторонне, найденъ рубинъ на груднѣ - слѣдъ гранулемъ такоу туберкулезнаго характера, о чемъ было мнѣ сообщено г-жи жюной

врачехъ Крайнежлузъ д-ръ Вестехъ д-ромъ Нейпертомъ. На черепі въ вно-теменной области и ватылочной части справа есть рубцы, но вмятом чешки они не представляютъ особенностей рубцовъ после туберкулезныхъ процессовъ, а имѣютъ видъ прѣстныхъ рубцовъ отъ удара твердыми предметомъ съ поврежденіемъ одновременно костного вещества.

На Рентгеновскомъ снимкѣ есть указаніе на поврежденіе кости съ увеличеніемъ въ ткани.

Подъ кожей сильно малокровна, истощена, буквально скелетъ остаются кожей безъ шиповъ на жировой вѣсь въ подкожной клетчаткѣ. Въ лѣвомъ легкомъ хрипы въ нижней доли и ограниченія дыхательной экскурсіи легкого — слѣды эмфиземы плеврита.

На правой кистѣ слѣды указавшихъ, произведенныхъ для леченія были воспалительнаго экссудата въ коленномъ суставѣ (synovitis genu dexto).

На правой ступнѣ отмѣчаемъ рѣзко выраженную деформацию прихрамывающаго характера въ послѣдніи большаго пальца уклонившагося въ сторону съ вступленіемъ кнаружи бокового пальца.

Со стороны пользовавшихся врачей Ея Высочество Великую Княжну Анну Николаевну и ознакомили съ этой формой кривизны правой стопы.

Наблюдалъ въ больницѣ и производилъ ежедневно перевязки, я могъ постоянно ходить въ докторіе на больницѣ и отдавать отчетъ въ ея похвалѣ.

Все, что касалось до ея здоровья физическу, болѣеи точно к тому времени не о будущемъ говорила. Убѣжденно, что все равно ее ждетъ некая близкая смерть, и она не вѣритъ въ возможность излеченія ноги, чтобы могла работать рукой. Эти мысли настолько угнетали больную, что она безъ интереса относилась ко всему окружающему и видѣла себя въ роли недружелюбное и даже враждебное отношеніе къ ней.

Эта подбурительность не давала долгое время приблизиться къ ней

з. 17
35

интересующими вопросам о ее происхождении, ее прошлой жизни и о ее пережитых страданиях. Только спустя шесть-семь недель после операции, когда больная начала лучше питаться и ее общее состояние здоровья улучшилось, а также память, сильно ослабленная, частью восстановилась, больная и ее родственники так подробно рассказали о ее детской жизни, которая могла быть известна только членам семьи Императора Николая Второго.

Мне лично случайно пришлось видеть больную вместе с ее сестрой В.К. Татьяной в Москве во дворце в день объявления войны.

Я проходила вместе с проф. С.П. Федоровым вдоль дворца со стороны Троицких ворот в Кремль.

На это время не было брошено окончательная бумага из Ожы дворца. Я спросила С.П. Федорова где же это бросать как Ожю. На что Федоров сказал: перейдем на другую сторону к риветке; — мы увидели уходивших от Ожи в белые плащаты Великих Князей Анатолію и Татьяну.

Вспомнив об этом инциденте не говорю предвзвешенно никому, я спросила больную: Скажите что Вы делали у Ожи во дворце в тот день и час, когда Его Императорское Величество объявляло о войне. Больная задумалась, а затем непреклонно рассмеялась и сказала **Schande, schande**, мы шли с сестрой и бросали бумажки в проходных.

Я не могу себе представить, чтобы в этом отношении было бы что либо в роде отгадывания и чтения чужих мыслей и т.д.

Не было никаких признаков и данных как во всех разговорах с больною допустить мысль о оумств Ожю или гипнозе с о стороны на больную или что у больнои был бы особая чувствительность к отгадыванию мыслей и чувств других, не было никаких признаков и локаций. Скорее можно было считать депрессию чувств и потерю памяти даже в моменты недавнего прихода; легкая забывчивость—это свойство не покидает больную

дот жистейшого времени.

Середоточиться больнои и жемо предотавить себе кь выпелмению дагаемую больнои умотажную работу предотавляет до сего времени еи больнои трудь, но я полагаю, что время нэмикить эти дефекты какь это нитно за поалдний місяць кгда болена людей и раздражение окружани оботажнои все болена и болена, уменьшаются.

Больнои необходимо провести долгое общее укрплняющее лечение гфахь Швейцарии, гдѣ климатическія условия будутъ болне благоприят для роста коеллжихъ здоровья и духевишого обиселения.

/Подп./ Проф. Рудневъ.

Организация защиты интересовъ русскихъ бѣженцевъ въ Германіи
оннахъ удостоверяеть истинность предотавленной копіи.
Берлинъ, 17 Апрель 1926 года.

За Начальника

Восточной А. Сибирской

2. Иркутском и его окрестности

26-27 ⁴август. 1925г.

и -

... de ... ..
... ..

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

reconstruit de la me. Comptes des vassaux de la

De nosseur de la me. Comptes des vassaux de la

De nosseur de la me. Comptes des vassaux de la

De nosseur de la me. Comptes des vassaux de la

De nosseur de la me. Comptes des vassaux de la

De nosseur de la me. Comptes des vassaux de la

De nosseur de la me. Comptes des vassaux de la

De nosseur de la me. Comptes des vassaux de la

De nosseur de la me. Comptes des vassaux de la

De nosseur de la me. Comptes des vassaux de la

De nosseur de la me. Comptes des vassaux de la

De nosseur de la me. Comptes des vassaux de la

De nosseur de la me. Comptes des vassaux de la

De nosseur de la me. Comptes des vassaux de la

De nosseur de la me. Comptes des vassaux de la

6. Recensio Censurae, hinc inde per se per se
adhibenda, in unum. Recensio hinc inde per se
Unum hinc inde per se per se per se
Unum hinc inde per se per se per se

hinc inde per se per se per se per se
Unum hinc inde per se per se per se
Unum hinc inde per se per se per se
Unum hinc inde per se per se per se
Unum hinc inde per se per se per se
Unum hinc inde per se per se per se
Unum hinc inde per se per se per se
Unum hinc inde per se per se per se
Unum hinc inde per se per se per se
Unum hinc inde per se per se per se

13/14
4

Могу, наконец, доложить Вам окончательные результаты моих расследований в Румынии и в особенности в Бессарабии по делу оном, именуемой сестры великой Димной Анастасией Николаевной.

В делу этому я отнесся с исключительной серьезностью и вниманием, понимая всю ответственность и роль свою, не смотря на всю его фантастичность, а также возможность.

В расследовании моем были привлечены: бывш. прокуроры агента Окр. Суда г. Кишинев, Тот. Прок. Матрофанов, два суд. следователя, несколько членов мест. администрации, между ними омаи. Берск. и Бендерский исправник, несколько священников, довольно много частных лиц. Расследование велось в полной тайне и при содействии также полковника румынского адмирала, Главн. Инспектора Смуранца (J. J. S.) и т.п. Румыны, вместе с содействием и вниманием, отнеслись к делу с большим интересом и усердием в полноте этой особи, которая у них сложилась после прошлого года посещения и расследования г-ном Шинклером.

Особенно внимательно была обследована область Бессарабии - треугольник Бендеры - Акск - Берски, где главным образом группируются слухи, хотя не оставлены без внимания и обследованы и другие места, куда направляли эти слухи, так напр: монастырь на Пруте в Обл. Бессарабии, район Лодана, а также полоса отъ отъездов по бухаресту в Ст. Доромеастей - по слухам - путь следования царского на Бессарабии в бухарест. Обследована была, хотя много меньше и бухарест, где сделано все, что возможно еще в прошлом году при посещении г-ном Шинклером. Конечно, царь Российской Императорской Миссии (бывш.), как всегда отнесся к делу с не

15.
5

известным вниманием, особенно А.С.Савиновъ.

Слухи и легенды по этому делу передаются главным образом в треугольнике Сорочк - Исси - Дашиневъ (Бендери). Особенно много рассказывалъ в районѣ с.Орѣва, гдѣ въ окрестностяхъ, яко бы, чета Чафковскихъ провела некоторое время, скрываясь и соблюдая самую строжайшую тайну.

Мною установлено, что главная масса слуховъ и легендъ появилась, или м.б. возникла, лишь съ прошлаго года - со времени посещения г-ной Шиндлеръ Бессарабіи. При этомъ слухи эти, передававшиеся только по линіи Рымница - Дриуллы - Орѣва - Исси (сѣвернѣе Игены, - Бухарестъ, подались и в районѣ г.Соринъ, гдѣ до этого ничего не было слышно. Рассказывалъ вообще равное, но все главным образом сводится к тому, что вскорѣ послѣ занятія Бессарабіи Румынами - приблизительно время установить невозможно (въ рассказахъ, одни указывалъ на 18-й, другіе - на 19-й, третьи, наконецъ, - на 22-й годъ - съ той стороны Днѣстра перемѣняли русскіе солдаты (другіе говорятъ офицеры), который въ большой тайнѣ везъ великую добычу - каку неизвестно, великая добыча была сильно солена - все время съезъ сознания, что они пробили въ такой то перевалѣ (или такой-то, и потомъ двинулись на Западъ. Версія эта вымышленная. В районѣ Сорочк указывалъ село, въ церкви котораго Чафковскій забѣгалъ.

Передать и перечислить рассказы не буду. Скажу - что самое мое внимательное - при помощи, поименованныхъ уже лицъ, расслѣдованіе - не дало никакихъ оубавленно результатовъ въ смыслъ находенія какихъ-либо слѣдовъ или подтвержденія вошедшихъ слуховъ. Цигане не найдены дома, въ которыхъ жили по дорогѣ Чафковскіе, ни церкви

46
6

гдѣ они звѣчались, не люди, съ которыми они встрѣчались, которые ихъ перевозили и т.д. съ легенды висеть въ воздухѣ. Какъ только начинаете искать ее на землѣ, она исчезаетъ. Люди, на которыхъ указываютъ, что они доподлинно знаютъ это дѣло, - обморожены или умерли, или же пропали безъ вѣсти. въ районѣ Сорокъ обследованы книги во многихъ церквахъ. Нигдѣ ничего не найдено. Никакихъ бумажныхъ слѣдовъ, кромѣ разговоровъ и слуховъ, передаваемыхъ, какъ слыханное - изъ чужихъ рукъ.

Какъ результатъ нашего злѣсь, на мѣстѣ, разслѣдованія, заключаю, что я и всѣ мои сотрудники пришли къ убѣжденію, что все это дѣло не болѣе какъ мифъ или легенда. но является вопросъ: откуда же пошли эти слухи? что было причиной ихъ? Почему именно злѣсь въ Бессаравіи? что дало начало слуху трудно сказать, но вышло онъ въ форму весьма желательную народу и на этомъ желаніи - чтобы случилось такое рока чудо - сгинули многіе.

Въ то время злѣсь уже были самозванки Великія Анны Татіана, Анастасія, Великія Анна Михайла (въ Куркѣвѣ), въ Великія Анна этихъ злѣсь народъ збрала и я лично зигѣлъ одну самозванку Анастасію, гдѣ близко ненапоминавшу покинута Великую Анну. зигѣлъ я и ее въ четвертьразрядномъ маскѣ около Имшиновскихъ боень, куда специально отправился, чтобы узнѣть ее. И въ нее злѣсь збрала вес чернѣ дѣла. Это было лѣтомъ 1924 года.

Все это дѣло связано было со всевозможными спражками, разлѣдами, разслѣдованіями, что кадалось труднѣе при нашемъ нынѣшнемъ положеніи. Дѣлалось все поане и поане слухи, новая мѣста и было желаніе разлѣдовать исчерпывающе и при томъ по совѣсти, чтобы не зять грѣха на душу.

Письмо С.М. Чоколова - на имя - А.В. Геруа.

Телеоново, 20 Июля 1927 г.

Многоуважаемый Александръ Владиміровичъ,

Простите меня за долгое молчаніе, но письмо Ваше не застало меня въ деревнѣ и мнѣ хотѣлось прежде чѣмъ Вамъ отвѣтить навести все необходимыя справки дабы нечаянно не ввести Васъ въ заблужденіе, помимо, что всякая мелочь въ данномъ случаѣ можетъ повести по ложному слѣду.

Возьмъ, что въ данномъ случаѣ фактъ продажи нитки жемчуга не имѣетъ никакого отношенія къ Фед. Ив. Анастасіи Николаевнѣ, вотъ въ краткихъ чертахъ насколько помню какъ было дѣло.

Случайно будучи въ Кишиневѣ у ювелира на Пушкинской ул. - Мог. Атацкой, я увидѣлъ нитку жемчуга, которую ей кто то принесъ для продажи, и ювелира предложилъ мнѣ купить, я не колебалъ покупать но она все же прислала владѣльца этой нитки къ намъ на домъ /Садовая 15/. Явился молодой человѣкъ лѣтъ 25-26, элегантно одѣтымъ, бритый, съ маленькими усиками - гладко причесанными волосами. Самкиинъ его никто къ сожалѣнію не могъ вспомнить, но не Чайновскій, я сказалъ, что онъ приѣхалъ изъ Россіи привезъ съ собой только эту нитку жемчуга и что ѣдетъ въ Бухарестъ и хочетъ ее продать.

Я ему посоветовалъ продавать въ Бухарестѣ т.к. тамъ цѣна лучше, онъ же заявлялъ, что боится вести ее т.к. у него его документы не въ порядкѣ, онъ боится, что его задержатъ или арестуютъ и могутъ украсть жемчуга. При этомъ онъ показалъ нитку жемчуга средней величины, довольно ровнымъ съ опредѣленнымъ желтоватымъ оттенкомъ. Нитка длинной была около аршина и вѣроятно было около 100 жемчуговъ. Она была зашита колбаской въ бѣлую матерію, такъ что ее можно привезти въ концѣ концовъ повою.

Т.к. мы жили сами въ Бухарестѣ, то онъ просилъ меня довести ему эту нитку - я согласился и черезъ несколько дней мы поѣхали въ Бухарестъ, это было вѣроятно въ началѣ мая 1919 г., во всякомъ случаѣ это было приблизительно за 2 недѣли до отхода Виллетта изъ Галаца на Новороссійскъ /съ исторіей, какъ вѣроятно Вы помните мы потомъ уѣхали на югъ Россіи/. Въ Бухарестѣ я передалъ ему эту нитку въ причемъ послѣ чего заходилъ къ нему въ гостиницу, /гдѣ эта гостиница я помню и наяду, когда буду въ Бухарестѣ/, но названія ее я не помню.

Затѣмъ помню, что черезъ нѣсколько дней встрѣтилъ его въ Бухарестѣ и онъ сказалъ, что передалъ одному изъ ювелировъ за сумму что то около 32-90.000 лей.

Вотъ все что помню по поводу этого эпизода. Прошу Васъ Александръ Владиміровичъ, передать Его Имп. Высочеству, что я всегда готовъ служить всею чѣмъ могу въ дѣлѣ разслѣдованія и если чѣмъ либо могу быть полезнымъ, здѣсь въ Бессарабіи, то какъ здѣшній житель, знающій мѣстность можетъ легче чѣмъ посторонній, могъ бы можетъ быть быть полезнымъ.

Я слышалъ, что В.Ив. Анастасія Николаевна будто бы вспоминаетъ что послѣ переѣзда черезъ Дніеэтръ ночевала въ монастырѣ - канскомъ, недалеко отъ переѣзда. Такъ ли это и если такъ, то мнѣ казалось, что это уже пунктъ изъ котораго можетъ быть можно прослѣдить и дальше.

Жена моя и я члѣмъ Васъ и супругѣ Вашей нашъ искренній привѣтъ, и непременно обязательно этотъ позвъя лично засвидѣтельство-